Карл Маркс и современность:
уроки истории

М.М. Мухамеджанов

От власти идеи к идее власти

Мансур Мухамеджанов

От власти идеи – к идее власти. Из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

«Нестор-История»

2018

УДК 101.3
ББК 87.3(4Гем)6Маркс38

Мухамеджанов М. М.

От власти идеи – к идее власти. Из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС / М. М. Мухамеджанов — «Нестор-История», 2018

ISBN 978-5-4469-1374-9

В книге впервые в отечественной и зарубежной историографии исследуется история уникального научно-исследовательского учреждения Коммунистической партии СССР — Института марксизма-ленинизма (ИМЛ) при ЦК КПСС за все 70 лет его деятельности, с 1921 по 1991 год. Сквозь призму истории ИМЛ прослеживается роль идеологии марксизма-ленинизма в жизни советского общества — от сплачивающего, мобилизирующего фактора до ее трансформации в ортодоксальную, догматическую доктрину, следование которой привело к распаду СССР. Автор — доктор исторических наук, профессор М. М. Мухамеджанов, будучи более четверти века сотрудником Института, являлся свидетелем и участником научного процесса и повседневной жизни этого идеологического центра партии и на своем опыте испытал жесткий прессинг политической цензуры. Исследование проведено на базе архивных документов ЦК КПСС и Института марксизма-ленинизма, печатных изданий ИМЛ, а также воспоминаний его бывших ведущих научных сотрудников, в том числе дневниковых записей автора. Издание рассчитано на широкую читательскую аудиторию — от исследователей советского периода истории России до молодых читателей, интересующихся нашим недавним прошлым.

УДК 101.3
ББК 87.3(4Гем)6Маркс38

ISBN 978-5-4469-1374-9

Содержание

М.М. Мухамеджанов
От власти идеи – к идее власти. Из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

Предисловие

У книги, которую Вы держите в руках, – удивительная судьба и непростой путь к своему читателю. Рукопись была подготовлена автором более десяти лет назад и долго ждала своего времени, которое наступило только сегодня.

Книга доктора исторических наук, профессора Мансура Михайловича Мухамеджанова, с одной стороны, является историческим исследованием, которое посвящено истории Института марксизма-ленинизма (ИМЛ), основного идеологического центра Коммунистической партии Советского Союза, с другой – представляет собой воспоминания о работе автора в этом учреждении.

М. М. Мухамеджанов реконструировал историю ИМЛ с 1920 по 1991 г. Собирание книг и материалов по истории революционного движения в России началось в 1920 г. в рамках Истпарта – Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б), продолжилось в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса (создан в 1921 г.) и Институте В. И. Ленина (создан в 1923 г.). В 1928 г. стартовал этап объединений. Вначале объединили Истпарт и Институт Ленина, а в 1931 г. был создан единый Институт Маркса-Энгельса-Ленина (ИМЭЛ). В 1920–1930-е гг. в рамках отдельных институтов и после 1931 г. – в объединенном ИМЭЛе велось активное комплектование фонда редкой научной литературы и рукописей, публиковались произведения классиков марксизма и документы по истории партии. Эта работа положила начало формированию Центрального партийного архива, «главной библиотеки партии» (библиотеки ИМЛ), собраний Музея В. И. Ленина и Музея К. Маркса и Ф. Энгельса.

В условиях «укрепления сталинского единовластия» ИМЭЛ по сути монополизировал проведение исследований по проблемам марксизма-ленинизма и истории ВКП(б) в СССР. Вместе со страной ИМЭЛ подвергался репрессиям, сохранял документальные богатства в период Великой Отечественной войны, служил, по мнению автора исследования, «орудием партии в сооружении “железного занавеса”» в послевоенные годы, частично политически «оттаял» в 1956–1964 гг., его переименовали в Институт марксизма-ленинизма, каковым он и оставался почти до 1991 г.

История ИМЛ в 1960–1980-е гг. изучена меньше, чем в более ранние периоды, поэтому и представляет особый интерес. Благодаря личному опыту работы М. М. Мухамеджанова в ИМЛ, точнее в его архиве, с 1964 по 1979 и с 1988 по 1991 г. история Института раскрывается на фоне исторической эпохи, но как бы изнутри, через характеристику не только издательской деятельности, но и нравов, бытовавших в учреждении. Строгое фактологическое повествование о деятельности ИМЛ прерывается подробными воспоминаниями Мансура Михайловича. Именно эти выдержки из дневников или мемуарные заметки позволяют приоткрыть спрятанную за помпезными фасадами и заборами реальность, за скучными догматическими текстами коллективных многотомных публикаций встают реальные люди, вскрывается банальность жизни творцов советских марксистских мифов. Автор разъясняет механизмы работы сотрудников ИМЛ над изданиями работ Маркса и Энгельса, Ленина, Сталина, историями

Великой Отечественной войны, Гражданской войны, I Интернационала и многими другими многотомниками.

М. М. Мухамеджанов отдает должное предшественникам, поэтому книга является путеводителем по публикациям об ИМЛ, в ней также перечислены все воспоминания, опубликованные бывшими сотрудниками института в последние десятилетия.

Автор блестяще показал роль библиотеки ИМЛ в разные периоды существования учреждения – от важного подразделения, игравшего самостоятельную роль в Институте, до некоей подсобной структуры, обслуживающей интересы исследователей. Библиотека во второй части издания как будто исчезает со страниц книги, но она незримо присутствует во всех проектах, которые вел Институт.

Название книги «От власти идеи – к идее власти» как нельзя лучше отражает суть трансформации легендарного Института марксизма-ленинизма – оплота советской идеологии.

История ИМЛ закончилась в 1991 г., вместе с крахом КПСС. Но остались богатейшие, накопленные за десятилетия историко-документальные фонды, которые хранят два крупнейших федеральных учреждения. Библиотечные коллекции ныне находятся в Центре социально-политической истории, филиале Государственной публичной исторической библиотеки России, а Центральный партийный архив переименовали в Российский государственный архив социально-политической истории.

Струкова Елена Николаевна,
кандидат исторических наук, заведующая Центром социально-политической истории ГПИБ России

Введение

Уважаемый читатель! Вашему вниманию предлагается книга по истории уникального научного учреждения – Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ). ИМЛ был призван формировать и пропагандировать идеологию научного коммунизма, обладая монопольным правом собирать, хранить, издавать, изучать, идейное наследие классиков марксизма-ленинизма.

Обращение к этому предмету исследования обусловлено научной потребностью осмыслить, оценить роль политического мировоззрения в жизни советского общества и сделать соответствующие выводы. Руководствуясь учением научного коммунизма, КПСС смогла мобилизовать миллионные массы трудящихся на победу социалистической революции, отстоять советскую власть в Гражданской войне, построить экономическую базу социализма, защитить независимость нашей Родины в Великой Отечественной войне, освободить от фашистской оккупации страны Восточной Европы. В послевоенные годы в кратчайший срок страна оправилась от ран войны, подняла народное хозяйство. Вера в светлое будущее воодушевляла людей, несмотря на острые социальные проблемы.

В годы холодной войны СССР укрепил экономическую и военную мощь и достойно противостоял угрозам Организации Североатлантического договора (НАТО). Советский Союз открыл эру завоевания космического пространства.

Казалось бы, идеи коммунизма выдержали тяжелейшие испытания и продемонстрировали свою жизнеспособность. Но история распорядилась по-иному. Провозглашенная Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым перестройка оказалась для СССР смертным приговором. Политический и нравственный парадокс этого исторического события состоял в том, что развал страны и отказ от идеологии коммунизма осуществили лидеры КПСС.

Массовых выступлений против распада СССР не было. Следовательно, народ потерял веру в идеалы коммунизма. Вожди большевистской партии, начиная с Ленина, убеждали народ в том, что нынешнее поколение будет жить при коммунизме. Светлое будущее становилось химерой. Хрущевская «оттепель» раскрыла гигантские масштабы репрессий невинных людей в 30-е годы. Горбачевская гласность дала гражданам свободу слова, освободила от цензурных пут. Прошлое СССР стало рассматриваться однозначно негативно. Страна, воспетая в гимне как «Союз нерушимый республик свободных…», перестала существовать неожиданно как для сторонников, так и противников перестройки.

Причины распада Советского Союза стали актуальной темой для историков, политологов, участников и свидетелей этого события. Выдвигаются десятки версий, но ни одна из них не дает полного и однозначного ответа.

Задача данного исследования – проследить, какие факторы влияли на размывание идеи построения справедливого социального общества.

История Института марксизма-ленинизма является зеркальным отражением общественно-политической жизни страны. Изучение деятельности этого научного центра показывает, сколь опасно догматическое мышление, следование шаблонным упрощенным постулатам, и, в известной степени, раскрывает причины краха СССР.

В истории нашего Отечества советский период – самый спорный и противоречивый, не поддающийся однозначной оценке. Не правы те, кто в годы господства идеологии коммунизма историю СССР трактовали как «триумфальное шествие советской власти», как и те, кто после распада союзного государства его историю рассматривают как мрачную эпоху беззакония, террора, неэффективной экономики, духовной нищеты. Эти контрастные оценки объяснимы. Они подтверждают известный тезис историка М. Н. Покровского: история – это политика, опрокинутая в прошлое. Спустя четверть века после распада СССР история Советского государства

продолжает оставаться полем идейной борьбы, хотя и не столь ожесточенной, как в прежние годы.

Силой и одновременно слабостью советской системы являлась идеология, носителем которой была Коммунистическая партия Советского Союза. Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ведущему научному учреждению страны, ставились задачи собирать, хранить, изучать, издавать, пропагандировать идейное наследие Маркса, Энгельса, Ленина, документов КПСС и коммунистических партий зарубежных стран, а также деятелей КПСС и международного коммунистического и рабочего движений.

Практически во всех постановлениях ЦК партии, относящихся к деятельности ИМЛ, содержится тезис о необходимости теоретической разработки марксистско-ленинской теории. Но если в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса и в Институте Ленина еще существовала свобода творческого мышления, то после их объединения в 1931 году в Институт Маркса-Энгельса-Ленина (ИМЭЛ) любая попытка трактовки, отличной от сталинской, приравнивалась к враждебным и антипартийным уклонам. Об этом свидетельствуют судьбы директора ИМЭ Д. Б. Рязанова и директора ИЛ Л. Б. Каменева, объявленных врагами народа и приговоренных к смертной казни. В 30-е годы ИМЭЛ, работая под бдительным политическим надзором ЦК ВКП(б), превратился в цензурное идеологическое учреждение и оставался таковым на протяжении всей своей истории. Эта метаморфоза отражена в названии книги – «От власти идеи – к идее власти».

Историография исследуемой темы крайне скудна. В годы советской власти она рассматривалась в контексте истории общественных наук, затрагивая отдельные направления деятельности Института в конкретный период. Единственная книга, в которой освещается целостная история ИМЛ, была подготовлена дирекцией Института к его полувековому юбилею. Она вышла в свет в 1971 году под названием «Идейный арсенал коммунистов»[1]. В издании раскрывается деятельность предшественников ИМЛ (Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП (б) (Истпарта), Института К. Маркса и Ф. Энгельса, Института Ленина) и объединенного Института Маркса-Энгельса-Ленина, впоследствии получившего название Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Книга представляет собой сухой отчет о заслугах и достижениях. В ней отсутствуют анализ и оценки с точки зрения обогащения и новизны идейного наследия классиков марксизма-ленинизма. Авторы книги замалчивают проблемы, трудности, нерешенные вопросы. Они странным образом «забыли» о людях, творивших историю Института. Среди них были талантливые ученые и уникальные специалисты. В 1979 году вышло второе, дополненное издание с теми же недостатками.

В постсоветский период научно-исследовательское направление истории ИМЛ обогатилось двумя фундаментальными изданиями. Бывший сотрудник ИМЛ Я. Рокитянский в соавторстве с немецким коллегой Р. Мюллером подготовили книгу о директоре Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д. Б. Рязанове, внесшем огромный вклад в дело собирания и издания наследия основоположников научного коммунизма[2]. Книга воссоздает яркий образ ученого, общественного деятеля с независимыми взглядами и трагической судьбой. При всей ценности этого издания следует отметить, что предметом исследования является биография Д. Б. Рязанова, а работа в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса – лишь часть его многогранной жизни.

Вторая книга посвящена непосредственно истории Института. Ее автором является также бывший сотрудник ИМЛ В. Г. Мосолов[3]. Это первое и до сих пор единственное исследование с широким охватом научной жизни и детальной проработкой конкретных вопросов.

---

[1] Идейный арсенал коммунистов. М., 1971; 2-е изд., доп. М., 1979.

[2] Рокитянский Я., Мюллер Р. Красный диссидент: Академик Рязанов – оппонент Ленина, жертва Сталина. М., 1996.

[3] Мосолов В. Г. ИМЭЛ – цитадель партийной ортодоксии. Из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1921–1956. М., 2010.

В научный оборот введен большой объем архивных источников. Автор старается соблюдать научную объективность, отмечая успехи и изъяны деятельности Института, вызванные единомыслием и строгим контролем со стороны руководства партии. Приходится лишь сожалеть, что исследование истории ИМЛ доведено до 1956 года, а такой сложный и противоречивый период 1960-х – начала 90-х годов остается нераскрытым.

После распада СССР и упразднения ИМЛ появились публикации мемуарного жанра, авторами которых являлись бывшие руководители и сотрудники Института[4]. В основном это автобиографические записки, в которых освещаются и годы их работы в ИМЛ.

Среди них в первую очередь следует назвать книгу директора ИМЛ в последние годы перестройки академика Г. Л. Смирнова «Уроки минувшего». До прихода в Институт Смирнов был помощником Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. Будучи одним из инициаторов перестройки, автор твердо и последовательно отстаивает свои коммунистические убеждения. Крах советского строя Смирнов объясняет перерождением руководства КПСС. Книга насыщена фактическим материалом, относящимся к периоду его работы в Институте марксизма-ленинизма.

Из мемуарных изданий следует выделить книгу доктора исторических наук, 18 лет заведовавшего сектором истории Коминтерна, К. К. Ширини, часть которой посвящена периоду его двадцатитрехлетней работы в ИМЛ. Он дает оценку выпущенных сектором трудов, раскрывает лабораторию их подготовки и выражает чувства благодарности коллегам по работе. Распад страны стал личной драмой для К. К. Ширини – участника Великой Отечественной войны и коммуниста с большим партийным стажем.

Воспоминания доктора исторических наук, ведущего специалиста по истории Коминтерна Ф. И. Фирсова полностью посвящены периоду его работы в ИМЛ. В книге подробно описывается творческий процесс подготовки изданий, дается оценка выпущенных сектором трудов и вклад каждого автора в коллективные монографии. Оценка изданий сектора дается с позиций сегодняшнего дня, без учета партийных установок на момент их подготовки. Воспоминания написаны живо и эмоционально, с подробным описанием повседневной атмосферы жизни и научной деятельности Института, мучительных поисков ученых, пытавшихся честно выполнить научный долг в жестких рамках партийной конъюнктуры.

Источниковую базу исследования составили постановления ЦК КПСС, советского правительства, издания ИМЛ, периодическая печать, воспоминания. В научный оборот вводится широкий круг архивных документов, прежде всего фонды исследуемых научных центров, хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Архивные материалы дали возможность изучить механизм управления партией главным идеологическим учреждением страны, а также организацию научной деятельности и партийного контроля над ним.

Обращение автора к предмету данного исследования вызвано не только научной потребностью показать роль идеологии в советском обществе. Проработав более четверти века в Центральном партийном архиве и в отделе истории международного коммунистического движения Института, я хорошо знал материалы фондов и организацию исследовательской работы. Помимо этого, в моем личном архиве сохранились ежедневники, записные книжки, тетради и блокноты, содержащие рабочие дневниковые записи. Обращение к ним воскресило в памяти многие эпизоды и факты, характеризующие морально-психологическую атмосферу в коллективе и научную повседневность.

---

[4] Смирнов Г. Л. Уроки минувшего. М., 1997; Тартаковский Б. Г. Все это было… Воспоминания об исчезнувшем поколении. М., 2005; Ширыня К. К. Разный цвет у прожитых времен. М., 2012; Фирсов Ф. И. 34 года в Институте марксизма-ленинизма. Воспоминания историка. М., 2013.

Поскольку в книге использованы воспоминания бывших имэловцев, автор посчитал возможным включить в текст книги и собственные воспоминания, точнее сказать, несколько эпизодов. По этическим причинам фамилии некоторых лиц не упоминаются. Личные воспоминания автора отмечены ***М. М.***

Данная книга увидела свет благодаря усилиям директора Государственной публичной исторической библиотеки России М. Д. Афанасьева и главного библиографа библиотеки О. А. Важко, за что автор выражает им искреннюю и глубокую благодарность. Отдельное слово благодарности – моей жене Г. М. Мухамеджановой за моральную поддержку и активное участие в подготовке рукописи.

Глава I
Марксистские научные учреждения: от служения идее к услужению власти (1920–1931)

После победы пролетарской революции и установления советской власти в октябре 1917 года перед партией большевиков встала задача всемирно-исторического значения – построение нового общества на основе идеологии научного коммунизма. Неизведанный путь к «светлому будущему» требовал гигантских усилий трудящихся масс. Большевики сознавали, что без веры народа в идеалы коммунизма достичь поставленной цели невозможно. Поэтому пропаганда целей и принципов коммунизма становится одним из важнейших направлений общественно-политической жизни. Текущие и долгосрочные задачи диктовали необходимость создания марксистских научных учреждений.

Успех социалистической революции рассматривался руководством РКП(б) как закономерный результат развития Лениным учения Маркса и Энгельса и умелого его использования большевистской партией. Советские руководители считали, что победа российского пролетариата открывает этап крушения системы империалистических государств. В марте 1919 года в Москве по инициативе Ленина был учрежден Третий, Коммунистический Интернационал как штаб мировой революции. Несмотря на то, что вспыхнувшие в ряде стран Запада в 1918-1919 годах пролетарские революции потерпели поражение, большевики были убеждены, что это временные неудачи. В работе «Детская болезнь “левизны” в коммунизме» (1920) Ленин раскрыл международное значение теории и практики большевизма и указал на необходимость изучения и использования стратегии и тактики РКП(б) секциями Коминтерна. Опыт русской революции был абсолютизирован и превращен в своего рода катехизис борьбы за власть. Следуя ленинским указаниям, партия выдвигает задачу изучать, обобщать и широко пропагандировать этот опыт в массах как в России, так и в зарубежных странах.

Для обеспечения преемственности дела революции необходимо было воспитать новое поколение в духе преданности большевистской партии и ее идеалам. В воспитательном процессе большая роль отводилась истории пролетарской революции. Исторические события 1917 года отложились в памяти их участников и в документах. В июне 1918 года ЦК РКП(б) обратился ко всем партийным организациям с просьбой высылать в Центральный комитет издания, протоколы собраний и заседаний, резолюции, постановления, листовки и другие материалы. «Для будущего историка великой российской революции, – говорилось в обращении, – каждая газета, каждое воззвание самой мелкой организации будет драгоценным материалом. Этот исторический материал не должен пропадать. Присылайте его нам»[5].

Сосредоточение документов о революции в Центральном комитете партии имело цель спасти их от гибели в обстановке Гражданской войны, от сознательного их уничтожения или использования врагами советской власти в контрреволюционных целях.

В беседах с историками В. В. Адоратским и М. Н. Покровским в 1919-м и 1920-м годах Ленин поставил перед ними задачу написать в возможно кратчайшие сроки если не историю, то хотя бы хронику событий Октябрьской революции. Он отмечал, что подобная хроника необходима особенно для молодого поколения, которое о событиях революции знает мало.

С целью подготовки рабоче-крестьянской молодежи к участию в строительстве нового общества в октябре 1918 года был создан Российский Коммунистический Союз Молодежи, призванный стать школой коммунистического воспитания молодого поколения. В своей речи

[5] Переписка Секретариата ЦК РСДРП (б) – РКП(б) с местными партийными организациями: март-июль 1918 г. М., 1967. С. 86.

на III съезде комсомола 2 октября 1920 года Ленин призвал молодежь учиться коммунизму, чтобы освоить принципы революционного учения как руководство в практической работе по строительству нового общества. Изучение коммунизма, по убеждению Ленина, должно было базироваться на совокупности знаний, накопленных предшествующими поколениями. «Перед вами задача строительства, – указывал Ленин, – и вы ее сможете решить, только овладев всем современным знанием, умея превратить коммунизм из готовых заученных формул, советов, рецептов, предписаний, программ в то живое, что объединяет вашу непосредственную работу, превратить коммунизм в руководство для вашей практической работы».[6]

Поставленную Лениным задачу можно было решить при условии, если накопленные знания о коммунизме будут проанализированы, обобщены и сделаны достоянием общества. Для этого требовалось создать научное учреждение, работающее непосредственно под руководством ЦК РКП(б).

---

[6] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 308.

Истпарт (1920–1928)

Начало комплектованию документальной базы по истории Октябрьской революции и большевистской партии положило циркулярное письмо ЦК РКП(б) (июнь 1918 г.) о присылке в Москву материалов по истории Октябрьской революции и РСДРП(б). 4 августа 1920 года Главное управление архивным делом (ГУАД) направило письмо в губернские исполкомы с просьбой помочь в работе по собиранию печатных изданий, документов, фотоснимков и других материалов, освещающих революционные события 1917 года и начало социалистического строительства[7]. Эти обращения сыграли определенную роль в спасении документов в условиях Гражданской войны и иностранной интервенции.

20 августа 1920 года при Государственном издательстве (Госиздат) в Москве создается комиссия по истории партии, призванная заниматься изучением вопросов образования и деятельности РСДРП. Руководителем комиссии назначается один из ветеранов партии, известный публицист М. С. Ольминский. По инициативе Ленина задачи комиссии были расширены: она должна была изучать также историю Октябрьской революции[8].

21 сентября 1920 года Совет Народных Комиссаров издал декрет об учреждении на базе прежней историко-революционной структуры **Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и Российской коммунистической партии (Истпарт)** при Наркомпросе РСФСР. Речь шла о собирании всех видов материалов – как печатных, так и рукописных. Постановление обязывало советские учреждения, общественные органы и частных лиц сдавать имеющиеся у них материалы Истпарту. В случае невыполнения этого требования комиссия могла обращаться за содействием в соответствующие органы. Поиски материалов следовало проводить повсюду, где существовали комитеты большевистской партии. Поэтому Истпарту предоставлялось право создавать местные подкомиссии и бюро, а также посылать во все губернии и области РСФСР своих уполномоченных[9].

Комиссия действовала при Народном комиссариате просвещения и состояла из девяти членов, назначаемых СНК. В первом составе комиссии были В. В. Адоратский, Н. Н. Батурин, А. С. Бубнов, В. А. Быстрянский, В. И. Невский, М. С. Ольминский, С. А. Пионтковский, М. Н. Покровский и Д. Б. Рязанов[10]. Впоследствии ее состав был увеличен вдвое. Дополнительно в нее были включены Ц. С. Бобровская, А. И. Елизарова, С. И. Мицкевич, Н. И. Подвойский, О. А. Варенцова, М. А. Савельев, М. Н. Лядов, Н. Г. Авдеев, А. Я. Аросев[11]. Текущей работой Истпарта руководил президиум, состоявший из председателя, его заместителя и секретаря. Председателем Истпарта избрали Ольминского, заместителем – Покровского, секретарем – Адоратского. Душой комиссии был Ольминский, с именем которого связано создание, становление комиссии как научного учреждения, развитие истпартовской работы. Он определял основные направления, формы и методы деятельности. Ольминский был требовательным руководителем, не терпел небрежности в изысканиях, всегда старался следовать исторической правде. Однако, когда в руководстве РКП(б) после смерти Ленина разгорелась борьба за лидерство, а историческая наука стала обслуживать политический заказ ЦК на дискредитацию оппозиционеров, Ольминский проявил себя как ревностный блюститель строгой партийности и последовательный исполнитель воли Сталина. В области внутрипартийной борьбы он

---

[7] См.: В. И. Ленин, КПСС и партийные архивы. М., 1988. С. 31–33.

[8] См.: Амиантов Ю. Н., Нелидов И. В., Остроухова К. А. У истоков советской историко-партийной науки: (К 50-летию Истпарта) // Вопросы истории КПСС. 1970. № 9. С. 114.

[9] См.: Декреты советской власти. Т. 10. М., 1980. С. 198–201.

[10] Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 347. Оп. 1. Д. 52. Л. 55.

[11] РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 8. Д. 143. Ч. II. Л. 895–896.

являлся сторонником более крутых репрессивных мер по отношению к лидерам оппозиции, нежели те, которые использовал ЦК ВКП(б). 10 ноября 1927 года Ольминский писал Сталину о своем несогласии с тоном партийной печати, которая оценивала организованную оппозицией демонстрацию в Москве 7 ноября как «глупую и позорную» акцию. Он писал, что высылка оппозиционеров – слишком мягкая мера, и предлагал: «Нужно действовать мерами ГПУ и не опоздать. Повторяю, не получается рассчитывать на глупость Каменева, Троцкого и Зиновьева. Иначе мы сами останемся в дураках»[12]. К этому времени Ольминский уже не был председателем Истпарта. Он возглавлял Общество старых большевиков, которое, однако, не смог уберечь от разгона в 1935 году.

Для общего контроля за работой Истпарта и согласования планов его деятельности 17 ноября 1924 года был учрежден Совет Истпарта под председательством Ольминского, освобожденного от заведования Комиссией. Заместителем председателя Совета и заведующим Истпартом был назначен Канатчиков, членами Совета утверждены Лядов, Варенцова и Батурин[13]. В дальнейшем состав его руководящих работников постоянно подвергался ротации. 5 апреля 1926 года ЦК ВКП(б) утвердил новый состав Совета, доведя число членов до 15 человек. В него вошли представители Агитпропа и Отдела печати ЦК, Института Ленина, Истпарта, Общества старых большевиков, Музея революции СССР, а также лица, назначенные Центральным комитетом партии. Председателем Совета остался Ольминский, его заместителем назначен Батурин. Истпарт представляли в Совете Канатчиков (заведующий), Варенцова, Самойлов и Лядов[14]. В этом виде Совет продержался до 19 января 1928 года, когда Политбюро ЦК ВКП(б) вновь пересмотрело персональный состав. Ольминский сохранил за собой пост председателя Совета, его заместителями были назначены Савельев и Гусев[15].

В соответствии с декретом СНК от 21 сентября 1920 года на местах при отделах народного образования были созданы местные бюро Истпарта, главным образом, в крупных городах: в октябре 1920 года – Петроградское и Московское бюро, в 1921-м – Истпарт Украины, Грузии и других национальных республик. К концу 1921 года действовало 20 местных бюро Истпарта[16], а в 1925 году их число возросло до 72.[17] Они стали центрами собирания, хранения и публикации историко-революционных документов и воспоминаний о деятельности местных партийных организаций. Бюро Истпарта на местах подчинялись центральному Истпарту в Москве и первоначально финансировались центром. Существенную методическую помощь местным бюро оказывал «Бюллетень Истпарта», который стал выходить с осени 1921 года. Основным научным органом центрального Истпарта был журнал «Пролетарская революция». Кроме того, в Петрограде выходил журнал «Красная летопись», в Харькове – «Летопись революции».

По аналогии с Испартом в 1921 году были созданы Комиссия по истории коммунистического молодежного движения (Истмол), Комиссия по истории профессионального движения (Истпроф) и их отделения на местах, которые работали при комсомольских и профсоюзных комитетах.

Первый год существования Истпарта подтвердил необходимость и плодотворность его деятельности. Вместе с тем статус комиссии как структурной части Наркомата просвещения не соответствовал тем ответственным задачам, которые были поставлены советским правительством. Деятельность Истпарта в центре и на местах в большей мере была связана с пар-

---

[12] Сойма В. Запрещенный Сталин. М., 2005. С. 10.

[13] См.: В. И. Ленин, КПСС и партийные архивы. М., 1988. С. 118–119.

[14] См.: Там же. С. 127–128.

[15] См.: Там же. С. 139.

[16] См.: Комаров Н. С. Создание и деятельность Истпарта // Вопросы истории КПСС. 1958. № 5. С. 157.

[17] См.: К XIVсъезду РКП(б): Отчеты отделов ЦК РКП(б). М.-Л., 1925. С. 210.

тийно-политической, а не с просветительской работой. Кроме того, комиссии нередко испытывали трудности в деле собирания и обеспечения сохранности документов и материалов. Поэтому по решению ЦК РКП(б) от 1 декабря 1921 года Истпарт перешел в ведение Центрального комитета партии на правах его отдела[18]. Аналогичное переподчинение произошло и на местах. В результате этих мер вырос политический престиж комиссии, расширился административный ресурс и материальные возможности. Штат центрального Истпарта был увеличен до 60 сотрудников. Однако он никогда не был заполнен. Так, в ноябре 1924 года в центральном Истпарте числилось всего 29 человек[19]. В местных бюро работали 1–2 сотрудника. Согласно распоряжению Оргбюро ЦК РКП(б) от 17 октября 1924 года сотрудниками Истпарта могли быть только коммунисты[20]. Такое ограничение затрудняло заполнение штата способными работниками. Одни и те же лица часто работали в нескольких учреждениях.

XII съезд РКП(б) (апрель 1923 г.) подтвердил постановление ЦК об учреждении Истпарта и указал, что его органы являются отделами соответствующих партийных комитетов. Съезд обязал парторганизации обеспечить комиссии по истории в центре и на местах работниками и изыскивать денежные средства на их содержание[21]. Новый статус центральной комиссии и местных бюро Истпарта жестко привязал их к партийно-политической работе, усилил идеологическую направленность научной деятельности.

Истпарт первоначально имел два подразделения: подкомиссию по истории Октябрьской революции и подкомиссию по истории партии. В 1923 году произошла реорганизация в соответствии с направлением деятельности подотделов: 1) собирание материалов; 2) сношения с провинцией; 3) выставки; 4) редакция; 5) канцелярия[22]. Окончательно организационная структура центрального Истпарта сложилась в 1925 году и состояла из следующих подотделов: 1) научный; 2) архив и библиотека; 3) журнал «Пролетарская революция»; 4) секретариат, в который входили издательская часть и канцелярия[23].

Большую помощь Истпарту в собирании документов оказало созданное при нем в 1922 году Общество старых большевиков. В него входили члены партии со стажем не менее чем 18 лет. Многие члены Общества передали Истпартотделу ЦК свои материалы.

Истпартотдел ЦК начал свою деятельность с изучения состава документальных материалов, хранящихся в московских и петроградских архивах с целью выявления сведений о революционных организациях и их деятелях в фондах полицейских, жандармских, судебных учреждений царской России. Эти материалы изымались из состава архивов и передавались в Истпарт. Одновременно комиссия получила ценные дела и комплексы документов из СНК, ВЦИК, ВЧК, Московского Военно-революционного комитета, Наркомата по делам национальностей, от частных лиц. А. В. Луначарский передал архив «Особого совещания»» армии Деникина, Главполитпросвет – коллекцию печатных материалов, Политуправление Реввоенсовета Республики – архивы за 1918–1920 годы[24].

Собирание материалов осуществлялось сотрудниками Истпарта при содействии Главного архивного управления (Главархива). Документы об Октябрьской революции комплектовались в системе Главархива. Истпарт оказывал значительную помощь специально созданному в 1920 году Архиву Октябрьской революции (АОР). В нем были сконцентрированы документы разных политических партий и учреждений периода Временного правительства, контрреволю-

---

[18] См.: Известия ЦК РКП(б). 1922. № 3. С. 60.

[19] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 20. Л. 84.

[20] Там же. Л. 69.

[21] См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. Т. 3. М., 1984. С. 100.

[22] См.: Известия ЦК РКП(б). 1923. № 7. С. 8.

[23] См.: К XIVсъезду РКП(б): Отчеты отделов ЦК РКП(б). М.-Л., 1925. С. 209.

[24] См.: Зеленов М. В. Аппарат ЦК РКП(б) – ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. Н. Новгород, 2000. С. 185.

ционных правительств, партий и организаций периода Гражданской войны и фонды советских государственных учреждений. Здесь же, в особом отделении, хранились документы большевистской партии.

Значительная часть историко-революционных документов находилась в частных руках, прежде всего у видных деятелей партии и Советского государства. Несмотря на неоднократные обращения ЦК партии, они не торопились расставаться со своими коллекциями. 5 ноября 1924 года ЦК РКП(б) принял постановление об изъятии у ведомств и частных лиц всех материалов, имеющих отношение к истории большевистской партии[25]. Для реализации данного постановления была образована комиссия под руководством заведующего отделом Истпарта С. И. Гусева. Она получила полномочия просматривать архивы советских учреждений, а также личные бумаги руководящих партийных работников, включая Сталина, Троцкого, Каменева, Зиновьева, Бухарина, Молотова, Рыкова, Дзержинского, Подвойского, Крыленко, Раскольникова, Стасовой, Коллонтай и др. Выявленные документы должны были передаваться не в Истпарт, а в секретный архив ЦК, образованный в июне 1925 года[26].

Тем не менее особых практических результатов эта комиссия не добилась. Большинство держателей ценных документов под разными предлогами отказались передать материалы. Некоторые из них (Ф. Э. Дзержинский, Н. В. Крыленко и др.) не допустили членов комиссии к своим документам, заявив, что у них ничего нет[27].

Попытка национализации личных документальных коллекций, имевшихся у должностных лиц столь высокого ранга, объяснялась тем, что исторические документы стали использоваться в развернувшейся после смерти Ленина политической борьбе в руководстве партии. Еще при жизни Ленина, в начале 1923 года, Троцкий отметил, что Сталин использует в качестве приема политической борьбы «обращение к прошлому»[28]. Троцкий принял этот вызов. В начале 1924 года, обвиненный во фракционности со стороны тройки в лице Сталина, Зиновьева и Каменева, в своей брошюре «Уроки Октября» он припомнил Сталину его оборонческую позицию до возвращения Ленина из эмиграции в апреле 1917 года, а также выдачу плана вооруженного восстания Зиновьевым и Каменевым в октябре 1917 года. В ответ Истпарт передал Сталину документы, порочащие Троцкого, в частности его письма Н. Чхеидзе за 1913–1914 годы с критикой Ленина. Фрагмент одного из этих писем Сталин использовал в статье «Троцкизм или ленинизм», опубликованной в ноябре 1924 года[29]. Впоследствии поиски изъянов в политической биографии действующих лиц внутрипартийной борьбы стали важным средством дискредитации соперника.

Документы, собранные в Советской России – СССР, в основном относились к периоду после Октябрьской революции. Ценные документальные материалы, освещающие деятельность большевистской партии в дореволюционный период, находились в большинстве своем за рубежом. Истпарт проделал значительную работу по розыску и возвращению в СССР книг и архивных документов, оказавшихся за границей. В 1922 году А. И. Шаповалов обнаружил в архиве ЦК Социал-демократической партии Германии в Берлине гектографированное издание первого и третьего выпусков книги Ленина «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов»[30]. Они считались навсегда утерянными. Второй выпуск книги ни тогда, ни позже найти не удалось. В 1923 году в Москву поступили 43 ящика, две корзины и один чемо-

---

[25] См.: Пролетарская революция. 1924. № 12. С. 325.

[26] См.: Зеленов М. В. Аппарат ЦК РКП(б) – ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. Н. Новгород, 2000. С. 196.

[27] См.: Якушев С. В. Из истории создания партийных архивов в СССР // Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 55.

[28] The Trotsky papers. 1920–1922. Paris, 1971. P. 828.

[29] См.: Зеленов М. В. Аппарат ЦК РКП(б) – ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. Н. Новгород, 2000. С. 194.

[30] См.: Фонд документов В. И. Ленина. М., 1970. С. 58–59.

дан материалов из Женевской партийной библиотеки имени Г. А. Куклина. В следующем году из Женевы была вывезена оставшаяся часть библиотеки Куклина в количестве 138 ящиков. Здесь были не только книги, но и архивные материалы, в том числе рукописи Ленина периода его пребывания в Швейцарии в 1914–1917 годах. В 1923 году Истпарт получил 26 ящиков с ценными материалами из Парижа. Это была часть библиотеки и архива РСДРП за 1904–1905 годы, прежде находившаяся в Женеве, а в 1910 году переправленная во Францию. Вместе с ящиками поступил так называемый «чемодан Фрея». Это были бумаги и письма Ленина (Фрей – один из ранних псевдонимов В. И. Ульянова-Ленина).

Среди ценных книжных приобретений следует назвать библиотеку русских политэмигрантов в Лондоне, основанную Тополевым, и библиотеку В. А. Рубакина, находившуюся в Лозанне. Они содержали большое количество заграничных русских изданий дооктябрьского периода, начиная с 40-х годов XIX века. Истпарт приобрел также партийную библиотеку в Штутгарте, в которой хранились нелегальные партийные издания (около 400 названий), в том числе комплекты газет «Вперед», «Пролетарий», «Искра» и «Заря».

Некоторые русские библиотеки за рубежом обладали как разрешенными российской цензурой книгами и газетами, так и нелегальными изданиями. Истпарт стремился закупить подпольные коллекции этих библиотек. В нелегальной части русской Цюрихской библиотеки, приобретенной Истпартом, насчитывалось свыше 500 названий революционных газет, брошюр и прочих изданий. В нелегальной части Женевской русской библиотеки имени Л. Н. Толстого, перевезенной в Москву, были полное собрание сочинений Герцена, Чернышевского, Лаврова и многие другие ценные издания.

Таким образом, к середине 20-х годов были выработаны основные принципы формирования, хранения и использования историко-партийных документов. Сложившийся порядок предусматривал концентрацию исторических материалов в специальном архиве, монопольное их использование в научных и политических интересах, что создавало возможность утаивания и фальсификации документов при их публикации.

С обострением внутрипартийной борьбы, когда против курса Сталина выступила «новая оппозиция» во главе с Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым, деятельность Истпарта все более смыкалась с текущими политическими задачами. По мере утверждения единоличного положения Сталина на политическом Олимпе происходила эволюция Истпарта от научного учреждения в сторону агитационно-пропагандистского подразделения партии. Выполняя политический заказ ЦК ВКП(б), он становился идеологическим орудием, снарядами которого были документы. Имеющийся в Истпарте материал должен был подтверждать правильность генеральной линии партии и снабжать ЦК необходимыми историческими фактами в борьбе против фракционных групп и течений. По оценке ЦК партии, помощь Истпарта в этой области была недостаточной. В отчете Центральной ревизионной комиссии XV съезду ВКП(б) содержалась критика в адрес партийных архивов за плохой учет документов и неоперативное их использование. Докладчик Д. И. Курский сказал, что при концентрации и упорядочении документов «мы не будем делать открытия, которые нам приходится делать по ходу нашей полемики с оппозиционерами, открывая те или иные документы, как нечто совершенно исключительное, в то время как при сколько-нибудь упорядоченном собирании наших материалов по истории партии этот материал был бы у каждого под рукой»[31]. Этот недостаток признавал и председатель Совета Истпарта С. И. Гусев, считавший, что помощь исторической комиссии в борьбе с различными антипартийными группировками недостаточна и активность в этом деле повысила бы ее роль в глазах общества[32].

---

[31] Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 года: стеногр. отчет. Т. 1. М., 1961. С. 134.

[32] РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 33. Л. 10.

Тем не менее выраженная политизация деятельности Истпарта не могла перечеркнуть его крупной заслуги в собирании и хранении документальных свидетельств по истории российского социал-демократического движения, включая все его течения, по истории Октябрьской революции, Гражданской войны и иностранной интервенции. Без исторических источников, собранных комиссией, невозможно изучить историю русских революций и ответить на те вопросы, которые приобрели политическую актуальность в постсоветской России, в частности: являлся ли закономерным приход к власти большевиков в октябре 1917 года, была ли альтернатива программе, стратегии и тактике большевистской партии, если такая альтернатива существовала, то почему она не была реализована.

Собранные Истпартом печатные издания и рукописные материалы составили базу архива, который официально стал функционировать как самостоятельная структурная часть Комиссии с апреля 1924 года. В архиве были сконцентрированы нелегальные и редкие книги (около двух тысяч названий), почти 18 тысяч экземпляров брошюр и журналов, около 10 700 экземпляров листовок, 234 полных комплектов газет. Здесь хранилось также более тысячи воспоминаний и записок участников революционного подполья, боевых дружин, отрядов Красной гвардии, Гражданской войны и др. Всего в архиве Истпарта было собрано 60 тыс. документов, не считая листовок и прокламаций, изданных в России и за рубежом[33].

До образования Института Ленина Истпарт являлся основным центром по собиранию и публикации документов Ленина и материалов о его жизни и деятельности. С этой целью в структуре Испартотдела ЦК был создан ленинский подотдел. После организации в 1923 году Института Ленина Истпарт передал в его распоряжение 2150 ленинских документов, а также значительную часть книжных и архивных фондов[34]. Они оказались весьма ценными в процессе подготовки к изданию собрания Сочинений Ленина, прежде всего – для установления авторства ряда газетных статей, составления примечаний к публикуемым работам.

В целях объединения в одном месте находящихся в различных хранилищах историко-партийных документов, дальнейшего их пополнения, обработки, упорядочения хранения 16 марта 1928 года ЦК ВКП(б) принял постановление об образовании Единого центрального партийного архива. Указанному архиву в Москве было присвоено название Центральный партийный архив (ЦПА) при Истпарте ЦК ВКП(б). Для упорядочения архивного хозяйства на местах была создана сеть отделений ЦПА при истпартах краевых, областных и национальных партийных организаций.

В Центральном партийном архиве должны были храниться: дореволюционный архив ЦК; архив ЦК за 1917–1921 годы; отдельные материалы ЦК за последние годы, не имеющие оперативного значения; историко-партийные документы, находящиеся в Истпарте, Центрархиве, Институте Ленина, за исключением ленинских документов; личные архивы до 1921 года; дореволюционные архивы местных партийных организаций; архивы ЦК ВЛКСМ. Местные партийные архивы, образованные при 25 крупнейших истпартах, работали под руководством ЦПА. Они комплектовали документы тех парторганизаций, при которых они действовали[35].

Таким образом, произошла централизация архивного дела партии путем изъятия и передачи документов в специализированные хранилища при партийных комитетах в центре и на местах. Тем самым были созданы условия для упорядочения учета, хранения и монопольного использования документов структурами Истпарта. Следует отметить, что в постановлении о создании Центрального партийного архива отсутствует пункт о порядке допуска читателей к документальным фондам.

[33] Там же. Ф. 347. Оп. 1. Д. 52. Л. 55.

[34] См.: Корнеев В. Е. Архивы РКП(б) – ВКП(б). М., 1979. С. 12.

[35] См.: В. И. Ленин, КПСС и партийные архивы. М., 1988. С. 140–141.

После объединения Истпарта и Института Ленина вопрос о Едином партийном архиве получил дальнейшую проработку.

Библиотека Истпарта, образованная в 1922 году, к моменту объединения с Институтом Ленина стала одним из крупных книгохранилищ по истории революционного движения в России. К началу 1928 года она насчитывала 30 тысяч экземпляров книг и журналов, среди которых 7100 экземпляров относились к периоду до октября 1917 года[36].

В соответствии с партийными решениями Истпарт должен был заниматься публикацией наиболее важных документов, воспоминаний, хроники событий и других материалов по истории большевизма и революционного движения в России. Основным органом Истпарта, в котором печатались приобретенные документы, воспоминания, исследовательские статьи, обзоры, рецензии, был журнал «Пролетарская революция». Его первый номер вышел в 1921 году. Помимо журнальных публикаций, исторические материалы печатались в книгах. Центральным Истпартом было выпущено в свет свыше 80 книг, в основном документальные сборники, мемуары, частично – исследовательские труды. 110 изданий вышло на местах. Всего до слияния Истпарта с Институтом Ленина вышло в свет 190 названий книг объемом в 1161 печатный лист[37]. Значительная их часть была приурочена к юбилейным событиям: 20-летию начала Первой русской революции и 10-летию Октябрьской революции.

Истпарт рецензировал также выходившие издания по истории революционного движения. Опираясь на свою документальную базу, он вносил уточнения в фактические данные, исправлял ошибки и субъективные оценки. Несмотря на остроту некоторых критических замечаний, они в целом были достаточно корректны.

Большое внимание Истпарт уделял собиранию и публикации воспоминаний старых большевиков. Прежде чем выпустить в свет автобиографические записки, дневники, описания событий, в которых участвовал автор, Комиссия проводила тщательную проверку фактических данных на основании имеющихся документов и других воспоминаний. И только после исправления неточностей мемуары рекомендовались к печати. При содействии Истпарта были опубликованы отдельными изданиями, в сборниках или на страницах «Пролетарской революции» воспоминания И. В. Бабушкина, П. А. Моисеенко, Г. И. Петровского, Ф. Н. Самойлова, П. Н. Лепешинского, М. Н. Лядова, Ц. С. Бобровской, М. В. Фрунзе, О. А. Пятницкого, А. В. Шотмана, Л. Б. Красина, А. М. Коллонтай, Л. Б. Каменева, Ф. Ф. Раскольникова, Л. Д. Троцкого, А. И. Микояна и многих других. Начиная с 1925 года участники оппозиций, революционного движения из числа меньшевиков и представителей других партий были вытеснены из состава авторов публикаций в истпартовских изданиях.

Крупным достижением Истпарта была перепечатка ряда большевистских газет, выходивших до Октябрьской революции и ставших библиографической редкостью. Среди них: «Искра» (6 выпусков), «Вперед» и «Пролетарий» (7 выпусков), «Новая жизнь» (7 выпусков), «Правда» за 1917 год (4 выпуска). Истпарт подготовил сборник решений партии «ВКП(б) в резолюциях ее съездов и конференций (1898–1926)», переиздал протоколы II, III, IV, VI, VII партийных съездов. К редактированию протоколов съездов были привлечены Эйдельман, Батурин, Лядов, Красиков, Канатчиков, Покровский, Стопани, Ярославский, Бубнов, Ломов, Сафаров[38].

Истпарт намеревался также выпустить в свет протоколы VII Всероссийской конференции РСДРП(б) (апрель 1917 г.). Особую заботу о подготовке к печати материалов Апрельской партконференции проявил Сталин. 15 января 1923 года он дал указание Истпарту разыскать и собрать все доклады, выступления, резолюции конференции, учитывая ее историческую важ-

---

[36] См.: Комаров Н. С. Создание и деятельность Истпарта // Вопросы истории КПСС. 1958. № 5. С. 161-163.

[37] РГАСПИ. Ф. 347. Оп. 1. Д. 50. Л. 46.

[38] Там же. Ф. 71. Оп. 3. Д. 13. Л. 11.

ность. Оргбюро ЦК РКП(б) оформило это указание своим решением, в котором подчеркивалась необходимость тщательного издания материалов. В частности, признавалось необходимым провести проверку записей речей самими выступавшими товарищами. Исправления в текст протоколов должны были вноситься лишь по решению специальной комиссии в составе В. И. Невского, В. Н. Залежского, Г. И. Бокия, В. В. Шмидта[39].

Озабоченность Сталина состоянием сохранившихся материалов Апрельской партконференции вызывалась не столько научными, сколько политическими соображениями. Он сам был делегатом конференции, выступил в поддержку доклада Ленина «О текущем моменте» с выражением недоверия Временному правительству. Это было важно для утверждения ленинской тактики, так как ее основной оппонент Л. Б. Каменев защищал тезис о контроле Исполкома Совета рабочих депутатов над деятельностью Временного правительства. Ленин поручил Сталину сделать доклад по национальному вопросу, суть которого – предоставление народам права на самоопределение, вплоть до отделения. Против этого выступили Г. Пятаков, Ф. Махарадзе, Ф. Дзержинский и др. Ленин защищал сталинскую, а по сути дела, собственную концепцию решения национального вопроса. Сталин был избран в состав Центрального комитета РСДРП(б), а на пленуме ЦК введен в узкий руководящий состав, или бюро, которое впоследствии получило название Политического бюро ЦК[40].

Апрельская конференция явилась трамплином для политического возвышения Сталина при непосредственной поддержке вождя большевистской партии. Поэтому в 1923 году при больном Ленине уже предпринимались меры, чтобы с опорой на исторические факты подготавливать сознание коммунистов к решению вопроса об истинном преемнике на посту руководителя партии. Однако протоколы по непонятным причинам не были изданы. Возможно, редакционная комиссия не справилась с поставленной задачей, возможно, Сталин изменил свое решение, так как выпуск протоколов ставил под удар Каменева, являвшегося членом тройки (Сталин, Зиновьев, Каменев).

В качестве важного материала для написания истории Октябрьской революции сотрудники Истпарта подготовили и издали 6 томов хроники событий «Революция 1917 года». Это был подготовительный этап в изучении революционных событий 1917 года. Истпарт пока еще не был готов к серьезной исследовательской работе по истории РКП(б) и Октябрьской революции. Авторские наработки по отдельным вопросам и в отдельных местностях не давали возможности для обобщений и создания целостной картины.

В начале 20-х годов внимание истпартовских учреждений было направлено на изучение, главным образом, российского социал-демократического движения в широком аспекте, включая историю не только большевизма, но и других течений в рабочем движении. В этот период допускался некоторый плюрализм в подходах и оценках исторического прошлого. В середине 20-х годов путем контроля, кадровых перестановок, директив, прямого вмешательства в научный процесс со стороны ЦК партии окончательно утвердилась единая марксистская методология, но не в форме материалистической диалектики, а как неизменный набор постулатов коммунистической партийности. Истпарт был обеспокоен состоянием методологического уровня выходивших работ. Некоторые авторы использовали материалы охранки, полиции и судебных органов, документы небольшевистского происхождения. В октябре 1924 года в письме местным отделениям Истпартотдел ЦК РКП(б) расценил этот факт как серьезный недостаток изданных в Москве и на периферии исторических очерков и монографий. «Получается история полиции, а не революции», – говорилось в письме. Истпарт учил, что исполь-

[39] Там же. Д. 19. Л. 118.

[40] См.: Слассер Р. Сталин в 1917 году: Человек, оставшийся вне революции : Пер. с англ. М., 1989. С. 93–112.

зовать эти документы так же, как и материалы контрреволюционного характера, можно, но следует относиться к ним без доверия[41].

Историко-партийная наука активно вовлекалась в идейно-политическую жизнь ВКП(б). По мере обострения внутрипартийной борьбы политическую актуальность приобретает тема разоблачения оппозиционных групп и течений. В 1925–1929 годах в «Пролетарской революции» были напечатаны статьи К. Остроуховой о ликвидаторах и отзовистах, Н. Войтинского – о впередовцах, М. Гольденберга и Г. Бешкина – о ликвидаторах, О. Вейланда – об «Августовском блоке», Я. Бронина – о «рабочей оппозиции» и др. С целью компрометации руководителей «новой оппозиции» Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева Истпарт издал документальный сборник об их штрейкбрехерстве в период подготовки социалистической революции[42].

Таким образом, публикаторская и пропагандистская работа Истпарта все более смыкалась с борьбой сталинской фракции против оппозиции. Полем сражения стала история партии. Центральная Комиссия видела свою задачу в том, чтобы на исторических примерах показать, что участники оппозиции никогда не были твердыми и последовательными большевиками, часто выступали против ленинского курса, что нынешняя платформа оппозиции насквозь оппортунистическая. Так известное изречение М. Н. Покровского – «история – это политика, опрокинутая в прошлое» – обрело реальное содержание применительно к деятельности Истпарта. Исторический документ превратился в острое оружие идейно-политической схватки на вершине власти.

Борьба сталинской фракции партии против троцкизма привела к тому, что Истпарт занялся фальсификацией истории партии и Октябрьской революции. В 1927 году в связи с 10-летием революции Истпарт разослал анкету участникам октябрьских событий 1917 года с просьбой ответить на поставленные вопросы. Наряду со многими участниками революции на эту просьбу откликнулся и Л. Д. Троцкий. Он прислал в Истпарт пространное письмо под названием «О подделке истории Октябрьского переворота, истории революции и истории партии». Свое письмо Троцкий начинает с вопроса: «Какой смысл спрашивать меня по поводу моего участия в Октябрьском перевороте, когда весь официальный аппарат, в том числе и ваш, работает над тем, чтобы скрыть, уничтожить, или, по крайней мере, исказить всякие следы этого участия?»[43]. В письме он приводит десятки примеров «сознательного и злостного искажения вчерашнего дня».

Письмо представляет безусловную научную ценность. Троцкий дает в нем систематизированный перечень и анализ фальсификаций, касающихся своего участия в революционной деятельности. Еще важнее воспроизведение документов, разоблачающих ложь партийной пропаганды, официальных научных изданий и учебных пособий относительно Троцкого и троцкизма. Термин «троцкизм» автор письма дает в кавычках, подчеркивая тем самым, что никакого отличного от ленинизма учения он не проповедовал. Троцкий сравнил и сопоставил официальные оценки своей роли при Ленине и после его смерти. Если в 1917–1923 годах Ленин и многие его соратники, партийные издания и пресса отдавали должное заслугам Троцкого в революции и Гражданской войне, то начиная с «Уроков Октября» (1924) картина меняется: Троцкий превращается в символ небольшевизма. Автор письма в Истпарт указывал, что нынешние его разоблачители во главе со Сталиным имели гораздо более грубые ошибки, о которых официальные издания умалчивают.

К числу эпигонов сталинизма Троцкий причислил Е. М. Ярославского, И. И. Скворцова-Степанова и М. С. Ольминского, представлявших историко-партийную науку. В первые годы советской власти они писали панегирики Троцкому, а позже клеветали на него. Эти эпи-

---

[41] См.: Пролетарская революция. 1924. № 10(38). С. 280.

[42] См.: Партия против штрейкбрехерства Зиновьева и Каменева в Октябре 1917 года. М., 1927.

[43] Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. М., 1990. С. 13.

гоны как бы отмаливали свои прежние грехи. По мнению Троцкого, особенно злобствовал Ярославский – специалист по разоблачению «двурушника» Троцкого, которого раньше считал своим кумиром.

Одним из доказательств того, что Истпарт фальсифицирует историю Октября, была выборочная публикация документов о позиции Троцкого и Сталина в период подготовки и проведения революции. В частности, автор письма обвинял Комиссию в сокрытии от общественности протоколов мартовского партийного совещания 1917 года. Этот ценный документ не публикуется потому, писал Троцкий, что «он жесточайшим образом компрометирует политическую физиономию Сталина в конце марта и в начале апреля, т. е. в тот период, когда Сталин *самостоятельно* пытался выработать политическую линию»[44].

Троцкий упрекал Истпарт также в том, что в издании «Первый легальный П. К. большевиков в 1917 г.», выпущенном к 10-летию революции, отсутствовал протокол от 1(14) ноября с выступлением Ленина. Этот протокол был изъят сознательно, так как в нем содержится поддержка Лениным точки зрения Троцкого, который выступал против создания коалиционного социалистического правительства. Ленин сказал буквально следующее: «А соглашение?.. Я не могу даже говорить об этом серьезно. Троцкий давно сказал, что объединение невозможно. Троцкий это понял, и с тех пор не было лучшего большевика»[45]. В своей речи Ленин резко критиковал позицию Зиновьева и Каменева, что делало документ крайне актуальным в контексте борьбы Сталина против объединенного блока троцкистов и зиновьевцев, но высокая ленинская оценка большевика Троцкого опрокидывала всю аргументацию антитроцкизма. Протокол, первоначально включенный в сборник, по указанию ЦК партии на стадии верстки был выкинут из книги с резолюцией «В разбор». Забракованный документ попал в руки оппозиции. Троцкий его опубликовал наряду с другими материалами в книге «Сталинская школа фальсификаций», вышедшей в 1932 году в Берлине. Сталин очень сожалел, что при высылке Троцкого из страны ему разрешили взять с собой личный архив, который стал опасным оружием антисталинской борьбы.

Однако в «войне компроматов» преимущество было на стороне Сталина. В его ведении находился весь идейный арсенал партии, сосредоточенный в библиотеках и архивах Института Ленина, Истпарта, мощный административный аппарат, научные кадры и пропагандистский актив, отобранный ЦК ВКП(б) из числа наиболее преданных Сталину работников.

С самого образования Истпарт замышлялся как часть пропагандистской структуры партии. Его связь с общественностью осуществлялась посредством устройства выставок. Они служили делу пропаганды и революционного воспитания масс. В Москве и на местах устраивались выставки, приуроченные к партийным съездам и юбилейным датам революции. 20 августа 1923 года была открыта большая экспозиция о жизни и деятельности Ленина на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве. В ней было представлено около тысячи экспонатов. В их числе книги, брошюры, фотоснимки, подлинные рукописи, плакаты, портреты, картины. Экспозиция под названием «Уголок Ленина» пользовалась большим успехом. Ежедневно ее посещали в среднем 2500 человек. Это были не только москвичи, но и участники выставки, приехавшие в столицу со всех окраин СССР. «Уголок» посетили В. И. Ленин и Н. К. Крупская.

Истпарт организовал выставки в Петрограде, Костроме, Калуге, Новгороде, Саранске и других городах. Эти выставки со временем превратились в музеи революции[46].

Большое внимание центральный Истпарт уделял работе местных отделений. За период своего существования он провел четыре совещания заведующих периферийными историческими комиссиями. На них обсуждались вопросы комплектования, обработки, хранения

[44] Там же. С. 31.

[45] Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. С. 119.

[46] См.: Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск, 2005. С. 333.

архивных документов и библиотечных фондов, издательской деятельности и работы с общественностью. В системе Истпарта были образованы 33 группы содействия местным отделениям комиссии. В них состояло 728 человек, в большинстве своем ветеранов революции, которые собрали значительный мемуарный и документальный материал[47].

Центральный Истпарт прекратил самостоятельное существование в 1928 году, объединившись с Институтом Ленина. Для принятия этого решения были выдвинуты следующие доводы: устранение параллелизма, рационализация работы, сокращение аппарата. При этом имелось в виду расширение «жизненных функций» двух учреждений, а именно – идеологической, научно-исследовательской и архивно-библиотечной деятельности.

Истпарт играл важную роль в создании документальной базы историко-партийной науки. Однако к серьезной научной разработке этого направления Комиссия не приступила. Слияние Истпарта с Институтом Ленина должно было содействовать переходу объединенного научного центра к новому этапу деятельности, который характеризовался бы сочетанием публикаторской и исследовательской работы.

[47] РГАСПИ. Ф. 347. Оп. 1. Д. 52. Л. 56.

Институт К. Маркса и Ф. Энгельса (1921–1931)

Создание, становление и развитие

В июне 1918 года по инициативе М. Н. Покровского и М. А. Рейснера в Москве была образована Социалистическая академия – первое советское научно-исследовательское учреждение гуманитарного цикла. Она должна была пропагандировать учение марксизма, бороться с враждебными идеологиями, готовить марксистские кадры преподавателей и исследователей по общественным наукам. Председателем Академии стал видный историк-марксист М. Н. Покровский. Действительными членами Академии были избраны В. Д. Бонч-Бруевич, И. И. Скворцов-Степанов, А. В. Луначарский, М. Н. Павлович-Вельтман, Н. К. Крупская. В состав Академии были включены также известные деятели международного социалистического движения – Роза Люксембург, Карл Либкнехт, Юлиан Мархлевский и др. Этим актом подчеркивалось международное значение созданного в России марксистского научного центра.

Торжественное открытие Социалистической академии состоялось 1 октября 1918 года. Подготовкой специалистов по общественным наукам занималось социально-историческое отделение. В программе обучения были следующие дисциплины: теория марксизма, исторический материализм, история революций и рабочего движения. Курсы по этим предметам читали В. П. Волгин, И. И. Скворцов-Степанов, М. Н. Покровский, Н. М. Лукин, Ю. М. Стеклов и др.[48]

Если в первый год своего существования Социалистическая академия представляла собой преимущественно учебно-просветительное заведение, то в ноябре 1919 года по инициативе Д. Б. Рязанова в ее составе появились научно-исследовательские кабинеты. Среди них были кабинеты, которые занимались исследованием теории и практики марксизма, философии, политэкономии, истории отдельных стран. 8 декабря 1920 года ЦК РКП(б) поручил Рязанову на базе кабинетов Соцакадемии создать первый в мире музей Карла Маркса[49]. Но Рязанов внес встречное предложение: расширить функции музея и превратить его в научно-исследовательское учреждение по марксизму. 11 января 1921 года Оргбюро ЦК РКП(б) постановило: «Назвать музей Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса, организовав его как автономное учреждение при Социалистической академии»[50]. К новому научному учреждению отошли пять кабинетов академии и соответствующая часть библиотеки. В июле 1922 года президиум ВЦИК вывел Институт К. Маркса и Ф. Энгельса из состава Социалистической академии, оставив его в своем ведении. После образования Советского Союза новое научное учреждение действовало под эгидой ЦИК СССР. Его предназначение определялось следующим образом: «Институт К. Маркса и Ф. Энгельса представляет собой научно-исследовательское учреждение, ставящее себе целью создать хорошо оборудованную лабораторию, в которой научный исследователь мог бы при наиболее благоприятных условиях изучать генезис, развитие и распространение теории и практики научного социализма, как он был создан и сформулирован Марксом и Энгельсом; конечной целью его является поддержка и содействие научной пропаганде марксизма»[51].

Понадобилось немало усилий и времени для того, чтобы найти подходящее помещение, отремонтировать его, оборудовать для научно-исследовательской работы и хранения книжных и архивных фондов, музейной экспозиции. В ноябре 1921 года Институт получил бывший двухэтажный особняк князей Долгоруких по адресу Малый Знаменский переулок, дом 5.

---

[48] См.: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV. М., 1966. С. 201.

[49] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 43. Л. 2.

[50] Известия Центрального Комитета Российской коммунистической партии (большевиков). 1921. № 27. 27 янв. С. 16.

[51] Институт К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦИК СССР. М.-Л., 1925. С. 7.

В создании и становлении этого первого в мире научного центра по марксоведению огромная роль принадлежит его директору Рязанову. Давид Борисович Рязанов (Гольдендах) (1870–1938) – один из старейших участников революционного движения в России. Наряду с практической партийной работой с молодых лет он увлекся изучением марксизма. Неоднократно выезжал за границу для более близкого ознакомления с идейными течениями в международной социал-демократии. После поражения Первой русской революции Рязанов в Берлине и Лондоне работал над историей I Интернационала, выпустил два тома литературного наследия Маркса и Энгельса. Зарекомендовал себя как один из лучших знатоков марксизма. Тогда же он опубликовал две исторические работы, вызвавшие большой интерес у российских социал-демократов: «Англо-русские отношения в оценке К. Маркса» и «К. Маркс и русские люди сороковых годов». В 1917 году вступил в большевистскую партию. После Октябрьской революции Рязанов активно работал в профсоюзном движении, читал лекции в Свердловском университете, руководил Главным управлением архивным делом, был членом президиума Социалистической академии. Поэтому совершенно не случайно, что директором Института Маркса и Энгельса стал именно Рязанов. На этом посту в полной мере раскрылись его выдающиеся природные данные – неиссякаемая энергия, организаторский талант.

Заместителем директора по научной части был назначен философ А. М. Деборин, заместителем директора по административно-хозяйственным вопросам – С. Ф. Васильченко. 12 июня 1924 года при директоре Института был образован Совет. Помимо членов дирекции в Совет вошли известные партийные, советские работники и деятели Коминтерна: Н. И. Бухарин, В. М. Молотов, А. С. Енукидзе, С. И. Сырцов, И. М. Варейкис, Бела Кун, Клара Цеткин, Август Тальгеймер[52]. Через месяц, а именно 11 июля 1924 года, ЦИК и СНК Союза ССР приняли совместное постановление «Об Институте К. Маркса и Ф. Энгельса». В нем определялся статус ИМЭ как единственного на территории СССР государственного хранилища всех оригинальных документов, имеющих непосредственное отношение к деятельности Маркса и Энгельса и к изданию их произведений. Институту предоставлялось право изъятия упомянутых оригинальных документов из всех государственных учреждений СССР. Книжные палаты всех союзных республик обязаны были передавать Институту по одному экземпляру всех поступающих к ним изданий сочинений Маркса и Энгельса, всех печатных трудов по вопросам марксизма и марксоведения, а также изданий по социально-экономическим, историко-революционным и другим вопросам, входящим в круг научной деятельности ИМЭ.

На ИМЭ возлагалась ответственная задача издания полного собрания сочинений Маркса и Энгельса. Не снималась с Института и первоначальная установка – быть пропагандистом идей марксизма в широких рабочих и крестьянских массах через устройство музея. Учитывая, что комплектование книжных, архивных и музейных фондов ИМЭ будет осуществляться за счет приобретений и в стране, и за границей, постановление освобождало Институт от таможенных пошлин за получение зарубежных книг и материалов[53].

В соответствии с этим постановлением в структуре ИМЭ было создано четыре отделения: архив, библиотека, музей, издательство. Архив собирал и хранил, во-первых, подлинные рукописи, письма, заметки, наброски и другие материалы; во-вторых, фотокопии с оригинальных рукописных материалов, хранящихся в зарубежных архивах; в-третьих, подлинники и фотоснимки опубликованных исторических источников, представляющих большую научную ценность. Библиотека комплектовала литературу, имеющую отношение к марксоведению в целом. Это значило, что собирались книги, брошюры, статьи, посвященные не только жизни и деятельности Маркса и Энгельса, но и тем научным вопросам, которыми они занимались. Особое внимание уделялось приобретению книг, которые цитировались или упоминались в трудах

[52] См.: Там же. С. 8.

[53] См.: Институт К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦИК СССР. М.-Л., 1930. С. 67–68.

Маркса и Энгельса. Музей собирал вещественный и изобразительный материал и готовил экспозицию для открытого посещения и осмотра. Однако музей не был открыт. Предоставленное для музейного отделения здание (Малый Знаменский пер., д. 3) долго не освобождалось от жильцов, и оно требовало ремонта и переоборудования.

Одновременно с вопросами обустройства дирекция Института решала кадровую проблему. Специфика учреждения была такова, что требовались сотрудники со знанием иностранных языков. Таких людей было очень мало, особенно среди членов большевистской партии. Поэтому Рязанов получил официальное разрешение принимать на работу не обязательно коммунистов[54]. Это дало возможность директору комплектовать штаты научных сотрудников за счет беспартийных, а также бывших членов небольшевистских партий. Через Коминтерн к работе в Институте привлекались и иностранцы. Для Рязанова определяющими качествами работника являлись профессиональная философская, экономическая, историческая подготовка, владение хотя бы одним из трех иностранных языков (немецким, французским, английским), на которых в основном писали и публиковали свои труды Маркс и Энгельс. Организационно-распорядительному отделу ЦК партии было поручено составить список работников для ИМЭ и внести его на утверждение Секретариата. Такая кадровая политика вполне соответствовала установке Ленина на привлечение старых, «буржуазных» специалистов к советской работе. Тем не менее вопрос о достаточном количестве необходимых научных работников всегда оставался для Института окончательно не решенным.

Несмотря на то, что Институт Марка и Энгельса находился в ведении ЦИК СССР, Центральный комитет партии не оставлял ИМЭ без своего внимания и оказывал значительное содействие в его работе. В постановлении ЦК ВКП(б) от 14 июня 1929 года отмечалось, что создание Института, ставшего единственной в мире научной лабораторией по марксоведению, истории социализма и классовой борьбы пролетариата, «есть крупнейшее достижение партии и рабочего класса СССР»[55]. К этому времени в основном было завершено организационное строительство, определены рамки дальнейшего развития Института, созданы все необходимые условия для издания сочинений Маркса и Энгельса и подготовки исследовательских трудов. Однако, отмечалось в постановлении, темп изданий сочинений Маркса и Энгельса задерживается, исследовательская работа все еще недостаточно развернута, слабо ведется популяризация учения Маркса и Энгельса в партийных массах и среди рабочих в Советском Союзе и в других странах. В постановлении делался вывод о слабой связи Института с широкой научно-партийной общественностью.

Для того чтобы ИМЭ на деле стал основным центром издательской, исследовательской, популяризаторской работы в области марксоведения, ЦК ВКП(б) дал следующие директивы: а) продолжать пополнение книжных и архивных фондов, расширяя свои международные связи; б) к 1932 году закончить выпуск 27-томного русского издания собрания сочинений Маркса и Энгельса; в) приступить к подготовке собрания избранных сочинений Маркса и Энгельса на русском языке в массовом дешевом издании; г) ускорить темпы издания международного полного собрания сочинений Маркса и Энгельса, обеспечивая выпуск не менее четырех томов в год; д) приступить к изданию собрания избранных трудов Маркса и Энгельса на разных языках; е) разработать план издания классиков социализма, в первую очередь – великих утопистов; ж) продолжать издание отдельных крупных произведений Маркса и Энгельса с необходимыми комментариями для нужд вузов; з) издать тематические циклы из сочинений Маркса и Энгельса, например, Маркс и Энгельс о диктатуре и демократии, о государстве, о тактике и стратегии пролетариата и пролетарской революции и т. д.; и) готовить для марксистской обще-

[54] РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

[55] Институт К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦИК СССР. М.-Л., 1930. С. 71.

ственности доклады по важнейшим вопросам марксоведения, истории классовой борьбы пролетариата; к) периодически созывать совещания марксоведов.

Для выполнения поставленных задач нужны были дополнительные резервы. ЦК поручил структурам партийного аппарата в ближайшее время командировать для постоянной работы в ИМЭ не менее 10 квалифицированных научных работников из числа коммунистов. Следовало черпать новые научные силы в рядах зарубежных коммунистических партий. ЦК считал нужным, чтобы слушатели соответствующих отделений Института красной профессуры, Комакадемии проходили практику в научных кабинетах ИМЭ. В дальнейшем выпускники этих учебных и научных заведений могли пополнить штаты Института Маркса и Энгельса.

В этом документе явно видна линия на усиление влияния партийной ячейки в общественной жизни института. В нем был специальный пункт, обязывающий сотрудников-коммунистов активизировать свою политическую работу и создать обстановку, обеспечивающую рост коллективности в научно-производственной деятельности ИМЭ[56].

Особое внимание к работе Института Маркса и Энгельса со стороны партийных и советских органов объяснялось не только обширными планами и ответственностью задач, но и политической ситуацией в стране. Конец 20-х годов характеризовался обострением классовых противоречий, борьбой против реформизма в рабочем движении и оппортунизма в секциях Коминтерна. Эта борьба требовала глубоких знаний произведений основоположников научного коммунизма и умения использовать марксизм в новых условиях. Знание марксизма было острым оружием во внутрипартийной борьбе. А опыт политического противостояния сталинского большинства и оппозиционных фракций в ВКП(б) показал, что оппозиционеры в ряде случаев были теоретически лучше подготовлены, чем коммунисты, отстаивающие генеральную линию партии. Поэтому ЦК ВКП(б) стремился к тому, чтобы Институт Маркса и Энгельса глубже вникал в текущие политические проблемы страны, а не замыкался в академических стенах.

28 июня 1929 года Президиум ЦИК СССР принял «Положение об Институте К. Маркса и Ф. Энгельса». Этот документ, по сути дела, утвердил уже сложившуюся организационную структуру, органы руководства и управления, основные задачи и особые права. Новым моментом в нем был перенос центра тяжести с собирательской и издательской деятельности на научно-исследовательскую. Поэтому первый пункт положения гласил: «Институт К. Маркса и Ф. Энгельса является высшим всесоюзным научно-исследовательским учреждением, основные задачи которого составляют: 1) изучение генезиса развития и распространения марксизма и 2) изучение истории пролетариата и его классовой борьбы»[57]. Далее шла расшифровка этих задач: а) изучение и содействие изучению марксизма; б) изучение и содействие изучению истории международного рабочего и коммунистического движения; в) научная пропаганда марксизма среди широких трудящихся масс. При этом собирательская деятельность не приостанавливалась, а издательская работа еще более расширялась за счет выпуска книг, охватывающих историю пролетариата, его классовой борьбы, историю политических учений, и за счет выпуска журналов и сборников по вопросам изучения марксизма.

В свете новых задач уточнялся состав научных подразделений. Первой структурой стала научно-исследовательская часть. Она состояла из 13 кабинетов, каждый из которых изучал ту или иную проблему истории марксизма, рабочего и коммунистического движения в отдельных странах:

а) кабинет К. Маркса и Ф. Энгельса;

б) кабинет истории I и II Интернационалов;

в) кабинет философии и истории наук;

---

[56] См.: Институт К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦИК СССР. М.-Л., 1930. С. 71–75.

[57] Там же. С. 76.

г) кабинет политической экономии и истории экономических отношений;

д) кабинет социологии и истории общественных форм;

е) кабинет истории права и политических учений;

ж) кабинет истории социалистических и коммунистических учений;

з) кабинет истории революционных движений и классовой борьбы пролетариата германских и скандинавских стран;

и) кабинет истории революционных движений и классовой борьбы пролетариата во Франции и Бельгии;

к) кабинет истории революционных движений и классовой борьбы пролетариата южнороманских стран;

л) кабинет истории революционных движений и классовой борьбы в Англии и англосаксонских странах;

м) кабинет истории международной политики;

н) кабинет истории марксизма в России и славянских странах.

Кроме того, в структуре ИМЭ были библиотека, которая комплектовалась по кабинетному принципу, архив, музей, биобиблиографический и справочный отделы, редакционный отдел, состоявший из двух подотделов (издания на русском языке и издания на иностранных языках), управление делами.

В «Положении» зафиксированы особые права Института как единственного на территории СССР государственного хранилища всех оригинальных документов, имеющих непосредственное отношение к деятельности Маркса и Энгельса и к изданию их произведений. Институт освобождался от всех досмотров, таможенных пошлин и сборов при получении материалов из-за границы, а также мог беспрепятственно отправлять за рубеж печатные и рукописные произведения[58].

В «Положении» отсутствовала оценка деятельности Института. 9 февраля 1930 года Культурно-просветительный отдел ЦК ВКП(б) принял постановление «О выполнении Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса решений ЦК ВКП(б)». В нем констатировалось, что Институт справился с поставленными партией задачами, выполнив план издания произведений Маркса и Энгельса с некоторым превышением. К этому времени были выпущены четыре тома сочинений на русском и три тома – на немецком языках. В производстве находилось 18 томов русского и 8 томов немецкого изданий, которые должны были выйти из печати к концу 1930 года. Все же ЦК партии считал, что темпы издания должны быть ускорены с тем, чтобы «приравнять по степени ударности издание работ Маркса-Энгельса к изданию сочинений Ленина»[59].

Перед ИМЭ ставилась новая задача: в течение ближайших трех лет осуществить 20-томное «народное издание» на немецком языке. Для этого необходимо было укрепить кадровый состав Института, о чем уже принималось решение, но оно не было выполнено. Серьезное нарекание было высказано в адрес Государственного издательства (ГИЗ), которое вело «недопустимую политику тиражей» в отношении массового издания сочинений Маркса и Энгельса. Речь шла о сериях «Библиотека марксиста» и «В помощь партучебе». ГИЗу было предложено обеспечить бесперебойное издание как сочинений Маркса и Энгельса, так и массовых изданий.

Учитывая, что работа музея ИМЭ не была налажена из-за отсутствия надлежащего помещения, Институт получил бывшую Щукинскую галерею с таким расчетом, чтобы к началу следующего учебного года развернуть там экспозицию для студентов вузов Москвы.

Работа Института находилась под контролем двух органов: ЦК партии и ЦИК СССР. При наличии общей для обеих вышестоящих структур цели содействия работе ИМЭ каждая имела свою сферу попечительства. Через месяц после партийного постановления Президиум ЦИК

[58] См.: Там же. С. 77–80.

[59] Там же. С. 81.

заслушал отчетный доклад директора Института Рязанова. В постановлении по его докладу отмечалось, что развитие Института Маркса и Энгельса происходило быстро и успешно, что выпущенные сочинения являются крупным вкладом в марксистскую литературу. Далее ЦИК указал, что деятельность Института слабо связана с научной общественностью. Следствием этого явилось неполное использование его научных богатств, слабое развертывание вокруг Института углубленной исследовательской работы, недостаточно широкое распространение и популяризация сочинений Маркса и Энгельса и задержка изданий их сочинений.

Таким образом, Институту предъявлялась претензия в том, что он отгородился от научной общественности, превратился в замкнутое учреждение. Если такое положение раньше устраивало руководство страны, то к началу 30-го года следовало расширить прежнее понимание роли Института. Постановление объясняет, почему это необходимо сделать: «Президиум ЦИК считает необходимым, чтобы в настоящий период обострения классовой борьбы, усиленного развития в СССР научной деятельности, в частности в области общественно-экономических наук, и роста научных кадров Институт максимально использовал все возможности, чтобы стать основным центром исследовательской и популяризаторской работы в области марксоведения»[60]. Для этого Институту было рекомендовано периодически созывать совещания марксоведов для сплочения вокруг ИМЭ специалистов всей страны, растить новые кадры исследователей марксизма, стимулировать исследовательскую работу, ускорить работу по развертыванию музейной экспозиции. Более того, значительно расширялся издательский план. Помимо 27-томного русского издания Институт должен был готовить выпуск избранных сочинений на русском языке и на языках народов СССР.

Одна из труднейших проблем, стоявших перед руководством Института – подбор научного персонала. Специалистов-марксоведов в стране были единицы. Требовались научные сотрудники разного профиля: экономисты, философы, юристы, историки, библиотечные и музейные работники, архивисты с обязательным знанием иностранных языков, а также профессиональные переводчики, специализировавшиеся в области общественных наук. Рязанову удалось создать высококвалифицированный коллектив сотрудников, способных решать комплекс задач, стоявших перед Институтом Маркса и Энгельса. Среди них были: Г. К. Баммель, В. П. Волгин, Э. Л. Гуревич, А. М. Деборин, С. Б. Кан, М. О. Косвен, Е. А. Косьминский, Н. М. Лукин, И. К. Луппол, Н. Проферансов, Д. И. Нечкин, Ф. Потемкин, И. И. Рубин, О. Б. Руммер, Я. Э. Стэн, В. А. Тер-Ваганян, Ц. С. Фридлянд, А. Д. Удальцов и др. В ИМЭ в разные годы работали иностранные исследователи: немцы Г. Брандлер, П. Дюваль, А. Тальгеймер, Ф. Шиллер, К. Шмюкле, М. Филинг, австрийцы Р. Наглер, И. Менхен-Хелфен, венгры Э. Цобель, Г. Лукач, француз П. Паскаль, болгарин Х. Кабачиев и др.[61] Тем не менее дефицит научных кадров так и не был преодолен.

Благодаря изданиям произведений Маркса и Энгельса работа Института получила широкую известность в среде научной общественности в Советском Союзе и за рубежом. ИМЭ стал местом паломничества политических и общественных деятелей, ученых, писателей, журналистов. Здесь побывали И. В. Сталин, М. И. Калинин, Максим Горький, ряд известных деятелей Коминтерна. Исследователи могли свободно пользоваться библиотекой и архивом Института, а после открытия музея число посетителей ИМЭ еще более возросло.

Два примечательных события привлекли особое внимание к Институту со стороны научной общественности. Первое – избрание Рязанова в 1929 году действительным членом Академии наук СССР. В этом факте выразилось признание его выдающихся заслуг и успешной работы руководимого им Института. Второе – в марте 1930 года Рязанову исполнилось 60 лет. Этот юбилей был отмечен публикациями в прессе. Статья в «Правде» называлась «Неутоми-

[60] Там же. С. 83.

[61] См.: Рокитянский Я., Мюллер Р. Красный диссидент. М., 1996. С. 67–68.

мый борец за революционную марксистскую науку»[62]. Юбиляр получил массу приветствий и поздравлений. ЦК ВКП(б) отмечал большие заслуги Рязанова перед партией и мировым рабочим движением в деле собирания и разработки драгоценного литературного наследия Маркса и Энгельса. Директору Института указывалось, что главная задача – «вести непримиримую борьбу против всех и всяких опошлителей революционного наследия Маркса-Энгельса-Ленина». В связи с 60-летием Рязанов был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Коллеги Рязанова выпустили сборник «На боевом посту»[63], посвященный знаменательной дате. Это был апогей признания заслуг Института и его бессменного директора со стороны руководства партии и страны.

Собирание научной литературы и рукописей

Первая проблема, стоявшая перед Институтом, заключалась в том, чтобы создать научную базу для изучения и публикации трудов Маркса и Энгельса. Под руководством Рязанова Институт развернул широкую деятельность по розыску, собиранию, хранению и обработке печатных изданий и рукописных материалов Маркса, Энгельса, деятелей международного социалистического движения. Это была работа необычайной трудности. Достаточно сказать, что в 1919 году в таком научном учреждении, как Социалистическая академия, не было полного комплекта сочинений Маркса и Энгельса, изданных в конце XIX и начале XX столетия[64].

Необходимость наличия таких документов в Институте подтверждается запиской Ленина Д. Б. Рязанову от 2 февраля 1921 года: «Есть ли у Вас в библиотеке *коллекция* всех писем Маркса и Энгельса *из газет*? и из отдельных журналов? …Есть ли *каталог всех* писем Маркса и Энгельса? Нельзя ли мне его взглянуть на недельку, т. е. *каталог*?»[65]. В тот же день Ленин послал Рязанову книжечки с выдержками из писем Энгельса и просил его узнать, откуда взяты подчеркнутые цитаты. Он спрашивал также: «Было ли и где это напечатано полностью?.. Если было, нельзя ли найти и получить?». Далее Владимир Ильич дал рекомендацию по комплектованию писем Маркса и Энгельса посредством закупки подлинников или фотокопий у лидера Социал-демократической партии Германии Шейдемана и других. Затем спрашивал: «Есть ли надежда собрать нам в Москве **все** опубликованное Марксом и Энгельсом?»[66].

В 1921 году в России было всего восемь писем-автографов Маркса[67]. Положение осложнялось тем, что литературное наследие основоположников марксистского учения находилось за границей. Работа по комплектованию книжных и архивных фондов проводилась одновременно как в России, так и за рубежом. Принцип отбора литературы и документов соответствовал кругу задач, стоявших перед Институтом. В библиотеку и архив собирались не только материалы, имеющие непосредственное отношение к жизни и деятельности Маркса и Энгельса. Комплектовалось все, что было связано с марксоведением в широком смысле этого понятия. Это книги по тем научным дисциплинам и проблемам, которыми занимались Маркс и Энгельс. Особое внимание уделялось розыску тех многочисленных изданий, которые изучались ими и цитировались в их произведениях. Кроме того, собиралась научная и мемуарная литература, рукописные материалы о социалистах-утопистах, единомышленниках и противниках марксизма и т. д.

---

[62] См. Правда. 1930. 10 марта.

[63] На боевом посту: Сборник к шестидесятилетию Д. Б. Рязанова / под ред. А. М. Деборина. М., 1930.

[64] См.: Рязанов Д. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦИК СССР. М., 1924. С. 3.

[65] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 63.

[66] Там же. С. 64.

[67] См.: Идейный арсенал коммунистов. 2-е изд., доп. М., 1979. С. 7.

Библиотека Института комплектовалась за счет книг, передаваемых из других российских библиотек и национализированных частных собраний. После Гражданской войны в условиях разрухи многие фамильные библиотеки, брошенные владельцами, были спасены от разграбления и сожжения. Большую ценность среди национализированных коллекций представляла библиотека В. Танеева, в которой имелись книги по истории социализма. Ее жемчужину составляло великолепное собрание гравюр, отражающих историю Великой французской революции.

Другим источником пополнения книжных фондов явились книги, купленные Рязановым во время его зарубежных поездок 1920–1922 годов в Англию, Швецию, Германию и Австрию. В букинистических магазинах, на книжных развалах, у частных владельцев ему удалось закупить значительное число изданий по социально-политической и экономической истории западноевропейских стран. Среди этих покупок следует особо отметить две частные библиотеки по истории социализма и рабочего движения. Первая – библиотека Теодора Маутнера, страстного коллекционера, сумевшего начиная с 1876 года собрать богатейшую коллекцию по истории социализма и анархизма. Помимо книг и журналов в ней были представлены автографы, гравюры и пр. Будучи большим поклонником Ф. Лассаля, Маутнер собрал все его произведения, а также много его писем. Вторая покупка – библиотека известного экономиста и историка Карла Грюнберга, редактора «Архива по истории социализма и рабочего движения». Она явилась результатом собирательской деятельности владельца с 1886 по 1918 год. В ее составе находилось достаточно полное собрание утопий. Из других приобретений следует отметить коллекцию профессора Виндельбанда. В нее входили сочинения Фихте и литература о нем. Эта коллекция раскрывала историю немецкой философии за период с конца XVIII столетия по 40-е годы XIX века.

Безусловно, приоритетным направлением собирания книжных фондов и рукописей было комплектование литературного наследия Маркса и Энгельса, которое находилось за границей. Работники института тщательно изучали текущие антикварные книжные каталоги Англии, Франции, Германии, Италии, США и других стран с тем, чтобы закупить отсутствующие книги, особенно периода жизни Маркса и Энгельса. При этом требовалось не только установить место нахождения собраний, но и получить доступ к ним.

Литературное наследство своего друга и собственные материалы Энгельс завещал Социал-демократической партии Германии. Но поскольку германское законодательство не разрешало передавать материальные ценности непосредственно партии, Энгельс вынужден был назначить двух доверенных лиц – Э. Бернштейна и А. Бебеля, которые после смерти Энгельса в 1895 году считали себя собственниками наследства. Сохранить книги и рукописные материалы, находившиеся в Лондоне, в целостном состоянии не удалось. Значительная часть библиотеки и архива Маркса и Энгельса каким-то неведомым образом была переправлена в Берлин. Однако не все материалы смогли уберечь. Многие издания без просмотра были переданы в рабочую библиотеку Берлина. Пропали книги с пометками Маркса и Энгельса на полях. «Таким образом, – писал Рязанов, – не одна тысяча книг, принадлежавших им, …исчезла из поля зрения ученых исследователей вместе со всеми пометками Маркса и Энгельса»[68]. Оставшаяся в Лондоне часть печатных изданий и архива также не сохранилась в целостном виде. Значительный объем рукописей Маркса и Энгельса оказался у супругов Лафаргов в городе Дравейль (Англия). Таким образом, библиотека и рукописные материалы Маркса и Энгельса хранились в трех местах: в Лондоне, Дравейле и Берлине.

Собирание рукописей Маркса и Энгельса, их печатных трудов и обширной литературы об их деятельности требовало больших материальных средств. Советская власть не скупилась на затраты, связанные с зарубежными командировками и приобретением документов и лите-

---

[68] Рязанов Д. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦИК СССР. М., 1924. С. 34.

ратуры. Например, в 1923–1924 годах Институту было отпущено 100 тыс. рублей по золотовалютной смете[69]. Когда возникала необходимость непредвиденных расходов, руководство партии решало вопрос о целесообразности дополнительных затрат. Так, Оргбюро ЦК РКП(б) 17 февраля 1923 года признало желательным купить для ИМЭ библиотеку Клячко, ассигновав на это 1500 рублей золотом[70]. Ежегодно в смете расходов Института предусматривалось выделение валюты. В 1931 году валютная сумма в бюджете Института составляла 228 тыс. рублей, или 26 процентов ассигнований[71].

Поисками материалов за границей, как правило, занимался сам Рязанов, свободно владевший иностранными языками и лично знакомый с известными деятелями социалистического движения в ряде европейских стран. Работая в архиве СДПГ, Рязанов нашел ряд неизвестных рукописей Маркса и Энгельса. По его настоянию Э. Бернштейн, К. Каутский, Г. Майер, Ф. Адлер сдали в архив хранившиеся у них подлинные документы Маркса и Энгельса. Ему удалось получить от Э. Драна корзину с материалами Маркса, которые тот уже начал продавать[72]. В 1923 году успешно завершились переговоры Рязанова с правлением СДПГ о фотокопировании рукописей Маркса и Энгельса, хранящихся в архиве партии. Институт получил разрешение на публикацию полученных копий документов. Летом 1923 года Оргбюро ЦК РКП(б) приняло решение открыть текущий счет Рязанову в пределах до 3000 долларов для оплаты расходов на приобретение копий документов Маркса и Энгельса[73]. Помимо фотосъемки рукописных материалов копировались и книги, и журналы, и газеты – в тех случаях, когда их приобретение представлялось невозможным.

Институт создал в разных странах группу зарубежных корреспондентов, которые помогали в поисках необходимых материалов. Значительную помощь в этом деле оказал известный историк Б. И. Николаевский. С Рязановым сотрудничали директор Института социальных исследований во Франкфурте-на-Майне К. Грюнберг и генеральный директор прусских архивов П. Кер[74].

В 1923 году началось фотокопирование рукописей Маркса и Энгельса в архиве Социал-демократической партии Германии в Берлине. Эту работу осуществляла фотолаборатория при Институте социальных исследований во Франкфурте-на-Майне. К началу 1925 года было передано в Москву более 17 тыс. снимков. В числе отснятых материалов были копии с первых тетрадей «Капитала» (1-й том), с рукописи 2-й и 3-й частей «Капитала», «Критики политической экономии», «Немецкой идеологии», «Диалектики природы». Около 4 тыс. снимков составляли копии писем Маркса и Энгельса, адресованных друг другу и третьим лицам. Были скопированы также черновые тетради Маркса с заметками по философии Эпикура, переписка Энгельса с родственниками[75]. В 1925 году было сфотографировано все литературное наследие Маркса и Энгельса. На этом собирательская работа не закончилась. Как и прежде, приобретались оригинальные рукописи и письма, а также делались фотоснимки материалов, находящихся в государственных, городских и частных архивах Европы и Америки. В 1931 году архив ИМЭ насчитывал 15 тыс. подлинных документов и 175 тыс. документов в фотокопиях[76].

Приобретенные материалы не залеживались. С самого начала проводилась большая работа по их описанию, каталогизации для использования в научных целях. Работники библиотеки осуществляли классификацию книг согласно специальной схеме, которая отвечала

[69] РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.
[70] Там же. Д. 1. Л. 11.
[71] Там же. Д. 1. Л. 20.
[72] См.: Д. Б. Рязанов – ученый, государственный и общественный деятель. М., 2000. С. 13.
[73] РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.
[74] См.: Д. Б. Рязанов – ученый, государственный и общественный деятель. М., 2000. С. 87, 92–93.
[75] См.: Институт К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦИК СССР. М.-Л., 1925. С. 10–11.
[76] См.: Рокитянский Я., Мюллер Р. Красный диссидент. М., 1996. С. 66.

специфическим научным задачам Института. Книжные фонды распределялись по кабинетной системе.

Литературное наследие основоположников научного коммунизма размещалось в кабинете Маркса и Энгельса – главном структурном подразделении Института. Здесь хранились как ранее вышедшие в свет произведения Маркса и Энгельса, так и издания последних лет. Уже в 1924 году это собрание было самой полной из мировых коллекций. Представляет большую ценность первое издание «Манифеста Коммунистической партии». Среди первых изданий Маркса была такая редкость, как экземпляр «Zur Kritik der politische Oekonomie» («К критике политической экономии»), принадлежавший Лассалю и испещренный его собственноручными пометками. Институт приобрел не только произведения Маркса и Энгельса, но и те газеты, которые издавались ими и в которых они сотрудничали. В кабинете был комплект «Rheinische Zeitung» («Рейнская газета») за 1842–1843 годы. В этой газете Маркс был сначала сотрудником, а после главным редактором. За рубежом был приобретен также комплект газеты «Vorwarts» («Вперед»), издававшейся в Париже в 1844 году. В ней наряду с Марксом и Энгельсом сотрудничали Гейне и Бакунин. Первое издание «Kommunistische Zeitschrift» («Коммунистический журнал») интересно помимо своего содержания тем, что оно вышло в свет в сентябре 1847 года с лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». В коллекцию вошла «Neue Rheinische Zeitung» («Новая Рейнская газета») за 1848-1849 годы, а также многие журналы и сборники «истинного социализма».

При комплектовании научной литературы руководство ИМЭ исходило из того, что учение Маркса и Энгельса по своему происхождению имело международный характер. По этому поводу Рязанов писал: «Хотя творцы его являются немцами, они не в состоянии были бы создать “Коммунистический Манифест”, если бы не опирались на богатый опыт французской и английской истории. Поскольку их взгляды определялись и обуславливались известной эпохой, развивались в определенной среде. Этой средой была не только немецкая действительность, но и французская, и английская. Не менее международной была и их политическая и общественная деятельность, протекавшая, главным образом, в Германии, Франции и Англии»[77]. Этот принцип был определяющим при собирании научно-информационной базы института. Поэтому наряду с литературой, имеющей непосредственное отношение к деятельности Маркса и Энгельса, комплектовались книги, журналы, газеты европейских стран по философским, общественно-политическим, экономическим, социокультурным и прочим вопросам.

В кабинете по истории Германии удалось собрать почти все наиболее значимые труды по немецкой истории, в том числе биографические и библиографические справочники. Богато была представлена литература по аграрным проблемам средних веков, по истории Великой крестьянской войны, о Томасе Мюнцере и об анабаптистах (перекрещенцах). Присутствовал ряд источников и материалов по истории эпохи просвещенного абсолютизма, литература периода правления Фридриха II. Однако наибольшую ценность представляла литература, относящаяся к рабочему и революционному движению, а также возникновению и развитию социал-демократических организаций в Германии и отчасти в Австрии. Помимо научной литературы тут наличествовала периодическая печать, партийные и профсоюзные издания, плакаты, листовки, памфлеты и другие материалы.

По истории Франции была собрана богатая коллекция, начиная с 1789 года. В ее составе – литература о Великой французской революции, включающая научные труды, официальные источники, сочинения современников, мемуары и пр. Из отдельных собраний заслуживает особого внимания коллекция, посвященная Марату. В ней содержатся все его сочинения, в том числе издававшиеся им журналы. Среди них почти полный комплект «Amidu Peuple» («Друг народа»). Здесь же была собрана обширная литература о Марате. В кабинете Франции имелись

[77] Рязанов Д. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦИК СССР. М., 1924. С. 8.

также коллекции, посвященные Робеспьеру, Дантону, Клоотцу, Бабефу. Чрезвычайно богато было представлено собрание гравюр и портретов деятелей революции.

Книги по истории Парижской коммуны составили несколько сот томов. Институту удалось приобрести почти полное собрание всех главных газет того времени. Среди них «Journal Ofifcial» («Официальный журнал»), «La Patrieen Danger» («Отечество в опасности»), «La Commune» («Коммуна») и др. Коллекция включала в себя богатейший иллюстративный материал и фотографии деятелей Коммуны.

Собрание литературы по истории Англии представляло научный интерес с точки зрения развития капитализма, различных форм производства, анатомии буржуазного общества, его разделения на классы, происхождения пролетариата, его борьбы за свои интересы. В этом собрании – монографии, источники, законодательные акты по истории торговли, промышленности, сельского хозяйства, государственного устройства, права, финансов, налогов, транспорта, армии и флота и пр. Значительное место в кабинете по истории Англии занимает литература о движении рабочих, начиная с его истоков до конца XIX века. Среди уникальных приобретений – первое издание «Утопии» Томаса Мора.

В результате поездки Рязанова летом 1924 года за границу почти вдвое обогатился английский кабинет ИМЭ. А коллекция по истории чартизма и революции XVII века могла конкурировать с лучшими собраниями на Западе.

Литература, освещающая историю русского социализма, была размещена в кабинете имени Г. В. Плеханова. Здесь были собраны издания, касающиеся связи русских социалистов с Марксом и Энгельсом. Это сочинения М. А. Бакунина, Н. И. Сазонова, И. Г. Головина, Н. И. Утина, Г. А. Лопатина, П. Л. Лаврова, М. М. Ковалевского. Н. А. Каблукова, Н. А. Морозова и др. По своим идейным позициям они представляют красочную палитру разных оттенков социалистической мысли.

Литература, которая не имела страноведческого характера, распределялась по проблемам. Издания по философии, праву, политической экономии, социологии, внешней политике, истории I Интернационала находились в соответствующих кабинетах. Следует особо выделить кабинет социализма, в котором были собраны сочинения по истории социалистической мысли до 1848 года. В многочисленном собрании утопической литературы исследователь нашел бы здесь различные издания «Утопии» Томаса Мора, а также переводы его сочинения на различные языки, в том числе на русский (1789) Из авторов XVI–XVII веков, оставивших свои утопии, в Институте имелись сочинения Дони, Бэкона, Андреэ, Гаррингтона, Верасса, Винстанли, Беллерса. История социализма XVIII века была представлена трудами Жана Мелье. Имелись первые издания сочинений Морелли, Мабли, Буасселя, Бабефа и других авторов. Исключительна по своему богатству коллекция великих утопистов Сен-Симона, Фурье, Оуэна. Столь полного собрания их главных сочинений, издаваемых ими журналов, литературы о них не было ни в одной библиотеке мира. Не менее ценно собрание более поздних социалистов, которые были современниками Маркса и Энгельса: Леру, Ламеннэ, Кабе, Видаля, Пеккера, Луи Блана, Дезами, Бланки, Прудона.

В особом отделе была представлена литература по анархизму: сочинения Бакунина, Кропоткина, Элизе Реклю, Моста, Грава, Фора и др. Это собрание уникально по объему анархических изданий, биографических исследований, полноте комплектов журналов.

На 1 января 1925 года в 14 кабинетах института было 151 600 томов, не считая дублетного фонда[78]. Наряду с этим библиотека пополнялась и современными изданиями по тем отраслям знаний, на которые опиралось марксистское учение. К началу 30-х годов общий фонд библиотеки Института превысил 450 тыс. томов[79].

---

[78] См.: Институт К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦИК СССР. М.-Л., 1925. С. 17.

[79] См.: Рокитянский Я., Мюллер Р. Красный диссидент. М., 1996. С. 66.

Благодаря неутомимой энергии Рязанова, умелой организации работы Институт Маркса и Энгельса в течение десятилетия смог собрать крупнейшую в мире коллекцию книжных фондов и архивных материалов о Марксе, Энгельсе, научном коммунизме, различных течениях социалистической мысли, о положении рабочего класса, его организациях и революционной борьбе. Тем самым была создана колоссальная по объему и ценнейшая по содержанию научная база для издания первоисточников и исследовательских трудов по проблемам марксизма.

Издания ИМЭ

Первостепенной задачей Института было издание произведений Маркса и Энгельса. XIII съезд РКП(б) (май 1924 г.) поручил Центральному комитету по соглашению с Исполкомом Коминтерна принять все меры к скорейшему изданию Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на русском и других языках[80]. Это решение приветствовал V конгресс Коминтерна (июль 1924 г.), который обратился к коммунистическим партиям различных стран с призывом помочь Институту Маркса и Энгельса в собирании литературы и документов для этого издания. По предварительному плану издание должно было состоять из 42 томов, включая переписку.

Первые два тома вышли в свет в 1923 году под общей редакцией Рязанова. Они содержали статьи и письма Маркса и Энгельса до начала их совместной работы (1837–1844). Первый том включал наследие Маркса, второй – Энгельса. Последующие тома выпускались по мере их подготовки без соблюдения порядковых номеров. В 1924 году вышли из печати X и XI тома, относящиеся к периоду 1852–1855 годов. На этом работа по выпуску сочинений прекратилась. Объяснялось это тем, что Институт продолжал приобретать новые рукописи Маркса и Энгельса, которые требовали внесения значительных дополнений к ранее опубликованным трудам, корректировки планов подготовки томов. Стало очевидным, что задача выпуска полного собрания сочинений была преждевременной. Дирекция приняла решение приостановить работу по выпуску очередных томов. После трехлетнего перерыва, в 1928 году, Институт предпринял новое издание сочинений Маркса и Энгельса, начиная с первого тома. Издание было рассчитано на 27 томов. До объединения с Институтом Ленина было выпущено 12 томов[81]. Тираж издания постоянно рос: от 18–30 тысяч в 1928 году до 45 тысяч в 1930-м. Некоторые ранее вышедшие тома переиздавались в количестве 30 тысяч экземпляров.

Ранее не публиковавшиеся рукописи впервые печатались в периодическом издании «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». Его первая книга вышла в 1924 году. В «Архиве» был опубликован ряд ценных документов: переписка Маркса и Энгельса с деятелями германского рабочего движения за 1870–1880 годы; подготовительные материалы к «Капиталу»; шестая глава предварительного варианта первого тома из «Экономической рукописи 1863–1865 годов» – «Результаты непосредственного процесса производства»; черновые наброски «Гражданской войны во Франции» Маркса; его рукопись «Хронологические выписки», а также незавершенные исторические работы Энгельса в виде набросков, выписок, конспекты Маркса и Энгельса, относящиеся к России, и другие материалы.

Неопубликованные рукописи Маркса и Энгельса помещались и в ученых записках «Летописи марксизма», впервые вышедших в свет в 1926 году. Оргбюро ЦК ВКП(б) усомнилось в целесообразности издания этого журнала, поскольку Институт уже имел свой периодический печатный орган. Но специальная комиссия при участии Н. И. Бухарина и С. И. Гусева отстояла существование «Летописей марксизма»[82]. За годы своей деятельности Институт выпустил 12

[80] См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. Т. 3. М., 1984. С. 283.

[81] См.: Издания Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 1922–1931: Библиогр. указ. М., 1984.

[82] РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 1. Л. 28.

книг этого издания. Публикация записок Института имела большое значение не только для подготовки сочинений Маркса и Энгельса, но и для исследовательской работы, так как в них значительное место занимали аналитические материалы по марксоведению.

В сериях «Библиотека марксиста» и «Библиотека научного социализма» выходили отдельные труды Маркса и Энгельса. Наиболее популярным произведением был «Коммунистический Манифест». В 1922 году он вышел из печати под редакцией и с предисловием Д. Б. Рязанова. Затем этот программный документ коммунизма издавался почти ежегодно, а иногда два раза в течение года. Общий тираж «Коммунистического Манифеста», изданного ИМЭ, превышал 1100 тысяч экземпляров[83]. Из других произведений были изданы работы Маркса «Нищета философии», «К критике политической экономии», «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», сочинения Энгельса «Анти-Дюринг», «Развитие социализма от утопии к науке», «Диалектика природы», «Положение рабочего класса в Англии в 1844 году», «Крестьянская война в Германии». Некоторые сочинения переиздавались несколько раз.

Партийными решениями Институту вменялось в обязанность издание трудов Маркса и Энгельса на иностранных языках. Это обусловливалось тем, что в коммунистических партиях ряда стран ощущался «недостаток марксистской культуры» или вообще отсутствовали «марксистские традиции»[84]. В осуществлении партийных директив ИМЭ сотрудничал с Исполкомом Коминтерна. Первоначально речь шла об английском и немецком изданиях. Однако реально Институт смог осилить лишь подготовку немецкого издания, выпустив шесть томов.

Являясь крупнейшим международным научно-исследовательским центром по марксоведению, ИМЭ взял на себе задачу издания и распространения работ Маркса и Энгельса на языках оригинала. В июле 1927 года вышел первый том академического международного издания полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (Karl Marx, Friedrich Engels. Historisch-kritische Gesamtausgabe. Werke, Schriften, Briefe. Im Auftrage des Marx-Engels-Institutsin Moskau herausgegeben von D. Rjasanov). Предполагалось выпустить 40 томов тиражом в три тысячи экземпляров каждый и завершить все издание в 1936 году. Для осуществления этого проекта было образовано издательское предприятие во Франкфурте-на-Майне, затем переведенное в Берлин. Вследствие огромных трудностей, связанных с нехваткой научных работников, Институту не удалось широко развернуть эту работу. К 1932 году были выпущены отдельные части 1–4-го томов (всего 6 книг).

Издательская деятельность ИМЭ была многопрофильной и разнообразной по видам научной продукции и целевому назначению. Выпуск книг и брошюр осуществлялся также по сериям (библиотекам). Основной серией была «Библиотека научного социализма», в которой помимо сочинений основоположников марксизма выходили труды других видных теоретиков социалистического учения – сочинения Г. В. Плеханова, К. Каутского, П. Лафарга и др.

К этой серии близко примыкала «Библиотека марксиста», представленная как трудами К. Маркса и Ф. Энгельса, так и работами Г. В. Плеханова, К. Каутского, П. Лафарга, В. Либкнехта, Ф. Меринга и рассчитанная на широкий читательский круг.

В серии «Библиотека материализма» были изданы на русском языке избранные труды английских, французских и немецких материалистов: Л. Фейербаха, Т. Гоббса, П. Гольбаха, Ж. Ламеттри, Д. Дидро, И. Дицгена. Был начат и выпуск сочинений философа Г. Гегеля, вышли в свет экономические труды А. Смита и Д. Рикардо.

Большая заслуга Института состояла в подготовке изданий сочинений Г. В. Плеханова. ИМЭ за время своего существования успел издать 24 тома. Начатое второе и третье издания сочинений Плеханова не были завершены. Неоднократно переиздавались его отдельные про-

[83] См.: Издания Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 1922–1931: Библиогр. указ. М., 1984.
[84] РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

изведения. Особо следует отметить выпуск некоторых произведений К. Каутского и начало публикации собрания его сочинений. Институт успел выпустить 1–4-й, 10-й и 12-й тома сочинений Каутского. В дальнейшем издание было прекращено. До своего роспуска ИМЭ издал более 150 книг. Все они выходили под редакцией Рязанова и в большинстве своем с его предисловием.

За десятилетие своего существования Институт Маркса и Энгельса превратился в крупнейший международный научный центр по марксоведению. В своем отчете XVI партийному съезду ИМЭ с полным основанием констатировал: «Своими изданиями Институт завоевал всеобщее признание. Какими бы недостатками они не страдали, одно бесспорно – никогда еще работы Маркса, Энгельса, Плеханова и других классиков марксизма, а также классиков социализма, материализма и политической экономии не издавались так тщательно, как они издаются теперь Институтом»[85].

Ныне с высоты пройденных лет можно сказать, что на руководство Института сильный отпечаток наложили политическая обстановка и идейный монополизм, когда марксизм провозглашался единственно верным учением, определявшим ход общественного развития. В сборнике, посвященном 125-летию со дня рождения Д. Б. Рязанова (1995) видный советский марксовед Н. Ю. Колпинский писал: «Конечно, сегодня мы не можем согласиться со многими его выводами и позициями. Прежде всего, это чрезвычайная полемическая заостренность и резкость его работ. Тут следует помнить об особенности эпохи, об обоюдной остроте идейных споров… Ратуя за исторический подход к марксизму, Рязанов остановился на выяснении его источников и развитии взглядов самого Маркса; марксизм, по его мнению, был последним словом общественной мысли, а положения его незыблемы»[86]. Подводя итоги, автор статьи отметил: «То новое, что достигнуто современным марксоведением… стоит на его плечах»[87].

Разгром Института

В конце 20-х годов начался и набирал силу процесс сознательного разрушения ИМЭ со стороны партии. Главная причина подтачивания устоев Института лежала в сфере внутрипартийной борьбы. В 1928 году Сталиным была разгромлена последняя оппозиционная группа – Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, М. П. Томского. Отныне Сталин единолично распоряжался судьбой страны. В руках победителя была сконцентрирована необъятная полнота власти. В его распоряжении находились мощный партийный аппарат и средства пропаганды. Партийная номенклатура использовала 50-лет-ний юбилей Сталина (21 декабря 1929 г.) для возвеличивания личности генерального секретаря как выдающегося политического деятеля, верного ленинца, крупного теоретика, неутомимого борца за единство партии, организатора социалистического строительства. Юбилей стал вехой, закрепившей переход Сталина в ранг классиков марксизма-ленинизма.

В условиях «единодушного» одобрения своей политики Сталин отказался от нэпа и взял курс на форсированное строительство социализма. Началась коллективизация сельского хозяйства и ликвидация класса кулаков в деревне. Этот поворот в политике вызвал обострение классовой борьбы и, соответственно, усиление репрессивных мер. Сталин считал недостаточным исключение из ВКП(б), снятие с ответственных должностей лидеров оппозиции и их сторонников. В результате проведенной чистки из партии было исключено примерно 170 тысяч коммунистов, обвиненных в симпатиях к оппозиционерам или в связях с ними. Особо строго подходили к тем членам ВКП(б), которые прежде состояли в других партиях.

[85] Институт К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦИК СССР. М.-Л., 1930. С. 57.

[86] Д. Б. Рязанов – ученый, государственный и общественный деятель. М., 2000. С. 18.

[87] Там же.

Как учреждение, связанное с господствующей идеологией в Советском государстве, Институт неизбежно оказывался втянутым в идейно-теоретические дискуссии. На первых порах разнообразие мнений среди ученых-марксистов было обычным явлением, но к концу 20-х годов ситуация существенным образом изменилась. Диссидентство и вольнодумство в научной среде постепенно искоренялись. Дискуссии приобрели характер политической борьбы с навешиванием ярлыков и последующими оргвыводами. Защита обвиняемыми своей точки зрения рассматривалась как поддержка партийной оппозиции.

Специфика Института Маркса и Энгельса состояла в том, что предмет его занятий был хронологически отдален от текущих политических проблем. Изначально в ИМЭ царил дух академизма, поддерживаемый Рязановым. Ученые Института участвовали в философских дискуссиях. Примером может служить продолжительная полемика, развернувшаяся в 1925 году, когда Рязанов выпустил в свет вторую книгу «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса». В ней был впервые напечатан труд Энгельса «Диалектика природы». Спор шел между диалектиками и механистами. Диалектическую позицию отстаивали, в частности, заместитель директора ИМЭ известный философ А. М. Деборин, сотрудники Института И. Луппол, Г. Баммель, а также ответственный работник аппарата ЦК ВКП(б) Я. Стэн. Точку зрения механистов (метода познания, основанного на признании механических форм движения материи) защищали крупные научные авторитеты: И. И. Скворцов-Степанов, А. К. Тимирязев, Л. И. Аксельрод (Ортодокс) и др. Длившаяся четыре года дискуссия закончилась победой диалектиков при участии Коммунистической академии, Института Ленина и других научных учреждений. В период, пока ученые убеждали своих оппонентов в истинности своего метода познания, в политической атмосфере сгустились предгрозовые тучи. Понадобилась политическая оценка взглядов проигравшей стороны. Позиция механистов была осуждена как антимарксистская, антиленинская[88].

Это пример того, когда научные подходы руководства ИМЭ совпадали с политической линией ЦК партии. Но бывало и по-другому. В начале 20-х годов в научных кругах возрос интерес к личности Г. В. Плеханова как теоретика марксизма. Этому в значительной степени содействовало издание сочинений Плеханова, предпринятое Институтом Маркса и Энгельса. За период с 1923 по 1927 год было выпущено 24 тома, но издание не было завершено. В декабре 1927 года на XV съезде ВКП(б) И. В. Сталин негативно оценил роль Плеханова после раскола РСДРП, сказав, что он и его сторонники «выпали из тележки партийного руководства, что имело положительное значение для судеб русской революции»[89]. Это заявление стало тормозом дальнейших научных исследований о Плеханове. Оно послужило также сигналом к атаке на тех историков, которые высоко ставили Плеханова как первого русского марксиста и создателя группы «Освобождение труда».

В условиях острой внутрипартийной борьбы особый надзор осуществлялся в отношении тех авторов, которые поддерживали оппозицию. В 1927 году под огонь критики попал заведующий кабинетом имени Плеханова («История марксизма в России и славянских странах») В. А. Тер-Ваганян, издававший свои работы под фамилией Ваганян. Он являлся одним из ведущих специалистов по начальному периоду социалистического движения в России, в 1924 году на базе материалов ИМЭ выпустил фундаментальный труд о Г. В. Плеханове[90]. В обстановке политической кампании по разоблачению меньшевизма в рядах большевистской партии против Тер-Ваганяна выступил В. Колоколкин с разгромной брошюрой «История большевизма в социал-демократическом освещении». Он обвинял автора трудов о Плеханове в меньшевизме. Известный ученый был представлен как сознательный и хорошо подготовленный фальсифика-

[88] См.: Яхот И. Подавление философии в СССР (20–30-е годы) // Вопросы философии. 1991. № 9. С. 61–65.
[89] Сталин И. В. Соч. Т. 10. С. 369.
[90] См.: Ваганян В. Г. В. Плеханов: Опыт характеристики социально-политических воззрений. М., 1924.

тор истории большевизма. Суть обвинений, предъявленных Тер-Ваганяну, сводилась к тому, что он изобразил Плеханова центральной фигурой, объединившей разрозненные социал-демократические кружки и группы в единую рабочую партию. Колоколкин считал, что это заслуга Ленина, а не Плеханова, что именно Ленин до II съезда РСДРП проводил последовательную марксистскую линию по отношению ко всем проявлениям оппортунизма. Главная задача критика была не в том, чтобы выявить истину. Важнее было убедить читателя, что Плеханов и Троцкий всегда были идейными противниками большевизма, а Тер-Ваганян, преувеличивая роль Плеханова, с головой выдает себя как троцкиста, следовательно, противника генеральной линии партии.

Полемика между Тер-Ваганяном и Колоколкиным началась еще раньше. В 1925 году в ответ на наскоки оппонента Тер-Ваганян писал, что обвинение в том, что он якобы имеет цель «разорвать и обкарнать историю большевизма», выдвинуто с тонким расчетом и в нужное время. Ревнитель исторической истины Колоколкин, по мнению Тер-Ваганяна, «хорошо изучил несложную мелодию наших дней. Но он не доучился другому искусству – разбирать, с кем и как ее следует петь»[91]. Спустя два года после этого в стране пели новые песни и в основном хором. Несомненно, брошюра Колоколкина была политическим заказом. По стилю и характеру изложения она представляла собой памфлет. Автор дал следующую оценку трудам Тер-Ваганяна: «Бедность исторических, как, впрочем, и теоретических познаний здесь сказывается настолько же великой, насколько мизерным является дар их политического разумения»[92].

Как уже отмечалось выше, в Институте работало значительное число сотрудников, ранее входивших в небольшевистские партии. Часть из них вступила в ВКП(б), часть оставалась беспартийной. Учитывая острую нехватку кадров, Оргбюро ЦК ВКП(б) направляло в ИМЭ молодых членов партии, которые должны были укрепить партийное ядро коллектива. В 1930 году в Институте было 30 коммунистов и 9 кандидатов в члены партии[93]. Профессиональный уровень партийного пополнения был невысоким: это были стажеры, аспиранты, выпускники коммунистических вузов. Комсомольская организация, насчитывавшая в период образования ячейки в 1928 году 19 членов ВЛКСМ, состояла в основном из малограмотной молодежи. Местный комитет профсоюза допускал ряд ошибок, беря на себя административные функции[94]. Перегруженный научной работой директор особенно не вникал в деятельность общественных организаций. Будучи коммунистом, Рязанов не входил в состав бюро партячейки. Реальной помощи дирекции от нее было мало, поскольку главная забота партийного бюро заключалась в чистке коллектива от политически неблагонадежных сотрудников. Рязанов нередко вставал на защиту гонимых, особенно в тех случаях, когда речь шла о высокопрофессиональных сотрудниках. В ряде случаев ему удавалось сохранить для института ценного специалиста. На этой почве возник конфликт между директором и партийным бюро. Обстановка в институте была столь напряженной, что 1 мая 1928 года Рязанов, ссылаясь на состояние здоровья, подал заявление в ЦК партии с просьбой заменить его на посту директора[95]. Но ситуация для снятия Рязанова с должности руководителя ИМЭ к этому времени еще не созрела.

Конфликт в коллективе разрастался. 29 декабря 1929 года секретарь парт-ячейки Кара-Иванов подал заявление об увольнении из Института, направив его в Хамовнический райком партии, Центральную контрольную комиссию. Следовательно, это было не заявление об увольнении, а жалоба. Заявитель выдвинул против Рязанова целый набор обвинений, сущность которых сводилась к тому, что директор всемерно мешает работе партийной организа-

[91] Ваганян В. История не против Ленина, а против неграмотных людей // Большевик. 1925. № 20–21. С. 91.

[92] Колоколкин В. История большевизма в социал-демократическом освещении (о том, как В. Ваганян наклеветал на Ленина). М.-Л., 1927. С. 7.

[93] РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 11. Л. 29.

[94] Там же. Л. 5.

[95] См.: Рокитянский Я., Мюллер Р. Красный диссидент. М., 1996. С. 100.

ции. Главный пункт обвинения был, по сути дела, политическим доносом: «Его отношение к контрреволюционным элементам, к работающим в институте троцкистам открыто благосклонное. С благосклонным содействием Рязанова они превращают институт в гнездо оппозиции»[96]. Таким образом, был дан сигнал в вышестоящие партийные органы. Рязанов сделал ответный ход, подав заявление в бюро ячейки партии (копию – в Хамовнический райком), в котором было написано: «Не считая для себя возможным состоять членом ячейки, в бюро которой выбраны товарищи, в течение нескольких месяцев проводившие кампанию лжи и клеветы против дирекции Института вообще и против меня, в частности, заявляю о своем выходе из ячейки. Вместе с тем возбуждаю ходатайство перед Московским комитетом о причислении меня к другой ячейке»[97].

1 февраля 1929 года Оргбюро ЦК ВКП(б) обсуждало состояние дел в Институте Маркса и Энгельса. В принятом постановлении поручалось Московскому комитету и Хамовническому районному комитету партии усилить руководство ячейкой ИМЭ и принять все меры к установлению внутри института нормальных отношений между дирекцией, партячейкой и месткомом. Было решено также «усилить и освежить» коммунистический состав Совета института и коллектива в целом, подобрать секретаря ячейки, имея в виду особенности работы в Институте. В адрес дирекции указывалось, что ей необходимо наладить нормальные отношения с партячейкой и месткомом[98]. Это указание касалось прежде всего директора Института.

Во исполнение принятого постановления Оргбюро ЦК партии перевело Ф. Ф. Козлова из Института Ленина в ИМЭ, в котором он был избран секретарем ячейки. Новый секретарь партийного бюро сыграл особую роль в антирязановской кампании[99]. В соответствии с директивами ЦК ВКП(б) ученые-обществоведы должны были превратить академическую науку в орудие диктатуры пролетариата, поставить философию марксизма на службу задачам строительства социализма. Дирекция ИМЭ, прежде всего Рязанов, обвинялась в том, что институт оторван от современных практических задач, изолирован от пропагандистской партийной работы. Чистки неблагонадежных сотрудников продолжались. Бюро ячейки 30 июня 1930 года отметило, что в Институте имеется значительное число «уклонистов», вредно влияющих на нормальную партийную жизнь и отвлекающих силы от решения прямых задач[100].

Внутренний конфликт отнюдь не был решающим фактором в судьбе Института Маркса и Энгельса и его дирекции. Дело заключалось во взаимоотношениях Рязанова и Сталина, а отношения между ними были явно неблагоприятными для директора Института. Рязанов до революции состоял в меньшевистской партии, которая была в непримиримой оппозиции к большевикам. Вступив в 1917 году в РСДРП(б), он активно участвовал в партийной жизни, но по некоторым вопросам не соглашался с Лениным. После смерти вождя большевистской партии Сталин запретил Рязанову заниматься политической деятельностью, поскольку директор ИМЭ позволял себе критику в адрес генерального секретаря ЦК партии. Во фракционной склоке он не участвовал, к оппозиции не примыкал. В 1928 году Рязанов предпринял крайне рискованный шаг, предложив Л. Д. Троцкому участвовать в подготовке к изданию сочинений Маркса и Энгельса. Его знания марксизма, свободное владение иностранными языками, богатый редакторский опыт были нужны Институту, испытывавшему постоянный кадровый голод. О пользе Троцкого для издательского дела свидетельствует его письмо Рязанову в мае 1928 года из Алма-Аты. Сравнив перевод материалов первого тома сочинений с немецкого языка на русский, Троцкий пришел к следующему выводу: «Перевод выше средних советских

---

[96] РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 11. Л. 58.

[97] Там же. Л. 59.

[98] Там же. Д. 1. Л. 35.

[99] См. Рокитянский Я., Мюллер Р. Красный диссидент. М., 1996. С. 100.

[100] РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 11. Л. 27.

переводов, но все же имеет крайне приблизительный характер. Та точность, которой можно и должно было достигнуть, не достигнута, причем в некоторых случаях трудно даже понять, почему перевод заменен пересказом, грамотным, добросовестным, но все же пересказом»[101]. Троцкий привел конкретные примеры неудачных переводов и поставил несколько вопросов технического характера. Письмо сугубо академическое, в нем нет никаких других вопросов. Несмотря на то, что в это время Троцкий был политически дискредитирован, исключен из партии и находился в ссылке, Сталин считал бывшего лидера оппозиции своим самым опасным врагом. Любая связь с Троцким в это время расценивалась как пособничество, а в годы большого террора служила обвинением в измене.

Простить Рязанову такой демонстративной акции Сталин не мог, как он не прощал никому малейшего проявления неуважения к себе. Положение еще более обострилось, когда Троцкий опубликовал в «Бюллетене оппозиции», выходившем в Париже, хвалебную статью о Рязанове в связи с 60-летием ученого. «Редакция "Бюллетеня," – отмечалось в статье, – в прошлом не раз расходилась с тов. Рязановым на почве политических вопросов. И сейчас у нас нет никаких оснований думать, что директор Института Маркса и Энгельса стоит ближе к нам, чем к официальной позиции. Насколько мы можем судить, Д. Б. Рязанов вообще отошел от активной работы в партии. Но не об этом сейчас речь. Юбилей Рязанова связан для всех и каждого прежде всего с его гигантской научной работой в области собирания, восстановления исторического истолкования идейного наследства Маркса-Энгельса. Неутомимость Рязанова в этой области безгранична, как и его эрудиция. К этим качествам надо добавить третье, не менее ценное: идейную неподкупность. Отойдя от активной партийной борьбы, Рязанов никогда, однако, не сделал ни малейшей уступки тем методам, которые стали руководящими в лженаучных учреждениях сталинского аппарата».[102] ЦК потребовал от ученого публично отмежеваться от этой характеристики. Рязанов отказался. И тем самым поставил себя в крайне опасное положение. У Сталина окрепло убеждение, что Рязанов духовно близок к его врагам.

С этого периода наступил активный этап расправы с дерзким, независимым ученым. К кампании «разоблачения» подключились партийная пресса, Институт красной профессуры. Атака на ИМЭ инициировалась Центральным комитетом партии. Сначала удар был направлен против заведующего кабинетом экономики И. И. Рубина и заместителя директора философа А. М. Деборина, затем подобрались и к Рязанову. Эти ученые якобы принижали учение Ленина как новый этап в развитии марксизма. Партийное бюро призвало Деборина к покаянию и пригрозило исключить его из рядов ВКП(б). Доведенный до отчаяния ученый предпринял попытку самоубийства, но остался живым[103]. Коммунисты Кропп и К. Никсдорф раскаялись и признались, что допускали ошибки правооппортунистического характера. Но это не спасло последнего, и он был уволен из института вместе с Харламовым и Вильдером[104]. Обвиненный в поддержке право-левацкого уклона Л. Шацкина – В. Ломинадзе, заместитель директора института Я. Э. Стэн отмежевался от этой группы и заявил о своем согласии с линией ЦК ВКП(б). Партячейка постановила, что он должен написать покаянное письмо в редакцию «Правды», но Стэн всячески уклонялся от выполнения этого решения. Постановлением Оргбюро ЦК ВКП(б) 21 ноября 1930 года Стэн был освобожден от работы в ИМЭ[105].

Главным фигурантом в деле «разоблачения» Рязанова как контрреволюционера стал заведующий кабинетом политической экономии И. И. Рубин. Операция была осуществлена Объединенным главным политическим управлением (ОГПУ). В ночь с 23 на 24 декабря 1930

---

[101] Троцкий Л. Дневники и письма / под ред. Ю. Г. Фельштинского. М., 1994. С. 32.

[102] Бюллетень оппозиции. 1930. № 30. С. 31.

[103] См.: Рокитянский Я., Мюллер Р. Красный диссидент. М., 1996. С. 104.

[104] РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 11. Л. 27, 34.

[105] Там же. Д. 1. Л. 58.

года Рубин был арестован за участие в деятельности мифического Союзного бюро ЦК РСДРП (меньшевиков) и в марте 1931 года осужден на пять лет тюремного заключения. Под физическим воздействием на следствии Рубин дал показания, что перед своим арестом он передал Рязанову на хранение в ИМЭ запечатанный пакет с документами заграничного руководства меньшевистской партии. В них якобы содержались инструкции о подготовке интервенции против СССР. Под диктовку следователей Рубин написал письмо Рязанову с просьбой передать пакет с меньшевистскими документами следственным органам[106].

Теперь из тени вышел Сталин, по заданию которого было сфабриковано «дело Рубина», чтобы уличить непосредственно Рязанова. 12 февраля 1931 года Рязанов был вызван в ЦК ВКП(б). Сталин предъявил ему письмо Рубина и потребовал пакет с контрреволюционными документами. Рязанов отрицал факт передачи пакета с меньшевистскими материалами, но это не имело никакого смысла. Через три дня Рязанов был арестован, затем исключен из партии, лишен звания академика. 16 апреля 1931 года сослан в Саратов.

Подлинная причина ареста Рязанова была в том, что ученый и руководимый им коллектив не включились в широкую кампанию по раздуванию культа личности Сталина. После этих событий Троцкий писал: «Рязанов был органически неспособен подличать, подхалимствовать, упражняться в излиянии верноподданнических чувств… Если бы Рязанов где-нибудь хотя бы нескольких словах намекнул на то, что Маркс и Энгельс были только предтечами Сталина, то все козни молодых негодяев сразу бы рассыпались прахом, и никакой Крыленко не осмелился бы вменить Рязанову в вину его потачки по отношению к переводчикам-меньшевикам. Но на это Рязанов не пошел. А на меньшем генеральный секретарь не мог примириться».[107]

20 февраля 1931 года состоялось решение Политбюро ЦК ВКП(б) об Институте Маркса и Энгельса. Новым директором был назначен Владимир Викторович Адоратский, его заместителем – бывший личный секретарь Сталина И. П. Товстуха. Адоратский принадлежал к старому поколению профессиональных историков, вступил в большевистскую партию, участвовал в революции 1905–1907 годов, был лично знаком с В. И. Лениным. В 1920 году Владимир Ильич дал ему поручение написать очерк истории революции, исходя из того, что Адоратский «надежнейший человек», «хорошо образованный марксист»[108]. С 1920 года Адоратский был одним из руководителей Главархива. Новый директор по характеру и манере поведения разительно отличался от прежнего. Сотрудник ИМЭ Г. Гуперт записал в своем дневнике: «Адоратский, в противоположность Рязанову, скромен, старателен (и не гениален), доступен, дружественно настроен, не оратор, при этом большой и настоящий ученый и революционер, не помещик. Рабочие любят его. Он честен и очень прост»[109]. Воспоминания И. А. Бах, многие годы работавшей под руководством Адоратского, дополняют портрет директора: «Вся его натура, казалось, более склонная к созерцанию, чем к борьбе, как-то не соответствовала стандартному представлению об облике революционера. Но Адоратский был стойким коммунистом»[110]. Главным же его достоинством была беспредельная преданность генеральной линии ВКП(б) и лично Сталину.

После ареста Рязанова Институт Маркса и Энгельса был временно закрыт. В течение нескольких дней сотрудники ОГПУ вели обыск в квартире бывшего директора и служебных помещениях Института. ЦКК и РКИ образовали специальную комиссию по проверке и чистке сотрудников и служащих ИМЭ. В нее вошли директор Института, его заместитель, секретарь партячейки Ф. Ф. Козлов, председатель месткома Максимовский, представители ИККИ и

---

[106] См.: Рокитянский Я., Мюллер Р. Красный диссидент. М., 1996. С. 325.

[107] Троцкий Л. Д. Дело т. Рязанова // Бюллетень оппозиции. 1931. № 21–22. С. 21.

[108] Ленинский сборник XXXVI. С. 101.

[109] Цит. по: Рокитянский Я., Мюллер Р. Красный диссидент. М., 1996. С. 115.

[110] В суровые годы войны: Воспоминания сотрудников Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, документы. М., 1986. С. 176.

Фрунзенского райкома ВКП(б), известный сотрудник ОГПУ Я. С. Агранов и др. Председателем комиссии был назначен Ройзенман, секретарем – Бирман. Все сотрудники должны были заполнить подробнейшую анкету с пятьюдесятью вопросами о себе и своих родственниках.

4 марта 1931 года комиссия провела первое заседание, рассмотрев дела 200 сотрудников. В результате был снят с работы 101 человек[111]. Какими критериями руководствовались члены комиссии, решая судьбу человека? Первый – социальное происхождение: отчислялись выходцы из непролетарской среды. Например, С. Л. Сенилову уволили за купеческое происхождение. Председатель месткома Максимовский пытался отстоять ее кандидатуру, учитывая, что она является лучшей расшифровщицей рукописей Маркса и Энгельса. Не помогло[112]. Е. А. Ленина, работавшая каталогизатором, была снята с работы с формулировкой, что она «типичная буржуазная дама», бывшая жена известного артиста. Второй критерий – гражданство: иностранцы вызывали у комиссии недоверие. Так, была уволена австрийская подданная Р. Л. Наглер. Аргумент председателя месткома, что она ценный работник архива, в расчет не приняли. Третий критерий – примыкал ли сам сотрудник или его родственники к оппозиции. По этому пункту комиссия была непримиримой. Увольняли всех, изобличенных в этом грехе. Член КПГ К. К. Шмюкле был освобожден от должности по обвинению в правом уклоне. Определяющую роль в комиссии играл представитель ОГПУ, которому стоило произнести фразу «по нашим сведениям, не заслуживает доверия» – и сотрудник увольнялся без обсуждения.

Иногда никаких компрометирующих сведений не было, но человека снимали с работы по подозрению. Например, Р. И. Перельман была уволена с формулировкой: «будучи беспартийной, она, очевидно, связана была с троцкистами»[113]. Когда с идейной стороны претензий к проверяемому не было, искали компромат в моральном облике. В этом отношении показательна судьба молодого сотрудника, выпускника Московского университета Л. В. Рубинштейна. Он оказался загадкой для членов комиссии. Председатель месткома заявил, что он ничего не может о нем сказать, так как парень по характеру замкнутый. Выручил комиссию Товстуха, обнаруживший при обыске личных вещей дневник этого сотрудника. Ознакомившись с находкой, заместитель директора констатировал, что «очевидно, это тип гнилого, поганенького интеллигентика, антисоветски настроенного»[114]. К такому заключению Товстуха пришел на том основании, что Рубинштейн занимается литературой и в настоящее время пишет книгу. Но всех потрясло сообщение, что в дневнике этого молчаливого парня есть записи порнографического характера. Комиссия не ограничилась увольнением сотрудника, а постановила разобраться, по чьей вине в Институте Маркса-Энгельса оказался «разложившийся порнографический элемент»[115].

На втором заседании комиссии, 5 марта, было проверено 44 человека из числа руководящего состава. Поскольку эта категория работников входила в номенклатуру ЦК ВКП(б), комиссия не могла принимать решение об увольнении. Их снимали с работы с формулировкой «направить в распоряжение ЦК». На этом заседании были освобождены от работы в ИМЭ заместитель директора А. А. Бурдуков, ученый секретарь Г. Е. Рохкин, заведующие кабинетами А. Г. Иоаннисян и В. А. Ваганян. Заведующий кабинетом Англии член ВКП(б) Р. С. Фокс направлен в распоряжение компартии Великобритании. Институт освободился от 21 руководящего работника. На последнем заседании, 20 марта, комиссия рассмотрела 13 заявлений уволенных о восстановлении их на работе, из которых были восстановлены четверо сотрудни-

---

[111] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 44. Л. 1–35.

[112] Там же. Л. 1.

[113] Там же. Л. 2.

[114] Там же. Л. 9.

[115] Там же.

ков[116]. Окончательное решение по некоторым сотрудникам откладывалось. В итоге из 244 прошедших проверку работников было уволено 130[117], то есть более половины личного состава. В основном это были квалифицированные специалисты с большим опытом работы, в том числе иностранцы, приглашенные Рязановым из-за рубежа. Массовое увольнение сделало Институт недееспособным. Судьба ИМЭ была предрешена: он не мог больше оставаться структурно самостоятельным научным учреждением.

Новому руководству надо было представить работу Института Маркса-Энгельса неудовлетворительной и собрать материал для обоснования его ликвидации. Первейшая задача заключалась в том, чтобы дискредитировать бывшего директора как никчемного руководителя, развалившего работу Института. Это диктовалось не только политическими, но и практическими мотивами: Адоратский не хотел брать на себя ответственность за полученное наследие.

По его поручению новые руководители научных подразделений начали обследование организации научной деятельности своих предшественников. 11 марта 1931 года Э. Кольман доложил Адоратскому о результатах проверки работы кабинетов. В записке указывалось, что в ходе приема дел отдельных кабинетов были выявлены серьезные недостатки и упущения. В частности, говорилось, что восточным кабинетом заведовал беспартийный Лиу, который никакой работы не вел. Научно-справочным кабинетом руководила беспартийная Страхова. Библиографирование произведений Маркса носило случайный характер. Газетные вырезки о Марксе собирались из «буржуазного бюро без малейшей критики». Кабинетом международных отношений заведовал член партии Иоаннисян, который бывал на службе не более двух часов в день. Поэтому планы работ кабинета не выполнялись.

Но больше всего нареканий вызывала работа кабинета Маркса и Энгельса, которым руководил сам Рязанов. Во-первых, здесь работало четыре беспартийных сотрудника. Во-вторых, фотокопии не имели описей и хранились в общедоступном месте и пожароопасном состоянии; взятые сотрудником копии документов не фиксировались в книге выдачи. В-третьих, и это самое главное, этот основной кабинет ИМЭ не вел никакой научной работы.[118]

Докладная записка вызывает недоумение: как вообще мог существовать Институт Маркса и Энгельса при полном бездействии директора и руководителей кабинетов, при отсутствии контроля, должной организации научного процесса, порядка, дисциплины. А ведь всего год тому назад – 13 марта 1930 года – Президиум ЦИК СССР в своем постановлении констатировал, что «несмотря на особые трудности собирания материалов о жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса и архивных документов по истории социализма и классовой борьбы пролетариата, развитие Института К. Маркса и Ф. Энгельса за последние два года идет быстро и успешно»[119].

И все же обвинение Рязанова в плохой организации работы Института было недостаточным для окончательной расправы с ним. Важно было подкрепить политическое обвинение в его небольшевизме. П. Ф. Юдин, возглавлявший работу по реорганизации кабинета истории философии, старался приписать бывшему директору пренебрежение к ленинизму. В докладной записке Адоратскому он указывал, что «ни одна из проблем марксизма не разрабатывалась, не говоря уже об изучении ленинизма. В философском кабинете, писал он далее, «собраны произведения идеалистов-мракобесов (Шпенглер, Гуссерль, Шпет и т. п.), а Ленин не причислен к числу современных философов»[120].

[116] Там же. Л. 50.

[117] Там же. Д. 32. Л. 33.

[118] РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 5. Л.124.

[119] Институт К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦИК СССР. М.-Л., 1930. С. 83.

[120] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 41. Л. 196, 197.

Собранный компрометирующий материал был обобщен и послан в ЦК ВКП(б) за подписью директора. Адоратский дал негативную оценку всем направлениям и формам деятельности Института: состояние научно-организационной работы неудовлетворительное, структура не отвечает поставленным задачам. «Кабинеты, – писал Адоратский, – носили характер личных библиотек для "жрецов" науки – Рязанова, Деборина, Рубина, Ваганяна»[121]. Научно-публикаторская деятельность, по утверждению Адоратского, проводилась «из рук вон плохо», а вышедшие издания имеют хороший вид (бумага, переплеты), а по сути это «научное надувательство». Состояние архива также неудовлетворительное, так как документы «рассованы по разным местам (кабинетам)». Работа в библиотеке поставлена плохо, поэтому заведующий Горбов был освобожден от должности. Хозяйственная и финансовая деятельность якобы тоже находилась в беспорядке. Перечисленные недостатки дополнялись политическим и криминальным обвинением. Оказывается, получаемые Институтом деньги, в том числе инвалюта, переводились на текущий счет Рязанова, и значительную часть их он направлял для поддержки меньшевиков и различных антипартийных элементов (Суварин, Троцкий, Раковский). За Рязановым признавалось единственное полезное дело – собирание книг. Таким образом, заключает Адоратский, Рязанов выполнил дело II Интернационала, отрывая Ленина от Маркса-Энгельса[122]

Новые руководители Института поставили себе в заслугу обнаружение скрытых рязановским руководством документов. Их публикация, говорилось в отчете дирекции, «естественно вызвала возмущение и недовольство в лагере наших врагов, в лагере II Интернационала»[123]. Таким образом, создавалось убеждение, что «наши враги» за рубежом и Рязанов были заодно в вопросе сокрытия документов, бросающих тень на духовного лидера II Интернационала.

По содержанию и форме материалы, посланные в ЦК ВКП(б), были призваны подтвердить правильность решения Сталина об аресте Рязанова и одновременно служить перестраховкой в случае, если не удастся перестроить работу ИМЭ. Об этом свидетельствует служебная записка Адоратского Сталину с просьбой отменить решение Оргбюро ЦК ВКП(б) о назначении его по совместительству директором Института философии Коммунистической академии. Обосновывая свою просьбу, Адоратский писал: «Требуется много работать, чтобы не осрамиться на весь мир. Необходимо, чтобы качество издания [*Сочинений Маркса и Энгельса – М. М.*] не было понижено по сравнению с рязановским. Социал-демократы уже пишут, что Институт Маркса и Энгельса первое время, конечно, будет жить рязановским наследством, а потом сойдет на нет»[124]. Ходатайство было удовлетворено.

Внутриаппаратная переписка не могла содействовать публичному разоблачению Рязанова. Требовалась крупная акция для его дискредитации в глазах партийной и научной общественности. Многие люди в стране и за рубежом, знавшие этого неуемного собирателя документальных ценностей по истории и теории коммунизма, сомневались в том, что бывший директор вел подрывную антисоветскую работу. Надо было бросить тень на политическую благонадежность Рязанова, посеять сомнения в его лояльности к сталинскому режиму. Но сделать это следовало не с позиции прокуратуры и ЦКК, а с точки зрения научной этики.

Этим занялась дирекция Института Маркса и Энгельса. 12 марта 1931 года в газете «Правда» было опубликовано письмо Маркса к дочери Женни от 11 апреля 1881 года. Затем оно было перепечатано в пятом номере журнала «Большевик» за 1931 год. Исполком Коминтерна распространил этот материал в зарубежных компартиях. В предисловии к публикации утверждалось: «Рязанов, так много распространявшийся на тему о том, как он в противоположность Бернштейну дает не фальсифицированного Маркса, печатает письма якобы без вся-

---

[121] Там же. Д. 32. Л. 33.

[122] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 32. Л. 40–41.

[123] Институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б). Отчет XVII съезду ВКП(б). М., 1934. С. 16.

[124] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 32. Л. 42.

ких сокращений, в данном случае тщательно скрывал оригинал этого письма, чтобы оградить авторитет Каутского, а на самом деле вычеркивал из этого письма убийственную характеристику Каутского». В предисловии также сообщалось, что «подлинник этого письма был передан Рязанову известной меньшевичкой Лидией Цедербаум-Дан еще в 1925 году. Это письмо Рязанов тщательно скрывал».[125]

Подготовители этой сенсационной публикации имели в виду следующую оценку, данную Марксом своему молодому стороннику Карлу Каутскому: «Он – посредственный, недалекий человек, самонадеян (ему всего 26 лет), всезнайка, в известном смысле прилежен, очень много возится со статистикой, но толку от этого мало, принадлежит от природы к племени филистеров, впрочем, в своем роде – порядочный человек».

Итак, Рязанов на всю страну объявлен фальсификатором Маркса, прибегающим к нечестным приемам с политической целью: не допустить критики ревизиониста Каутского. Следовательно, бывший директор ИМЭ на самом деле был меньшевиком, для которого Каутский оставался кумиром. То, что Рязанов получил письмо Маркса от меньшевички и много лет его прятал, должно было убедить читателей в обоснованности выдвинутых против него обвинений.

Что же было в действительности? 11 апреля 1931 года Рязанов из тюрьмы направил в редакцию «Большевика» обстоятельное разъяснение. Он сообщил, что все письма Маркса к своей старшей дочери хранятся в Институте в фотокопиях, сделанных им еще до мировой войны. Лишь одно письмо (от 11 апреля 1881 г.) имеется в подлиннике. Владельцем всех подлинных писем являлся Жан Лонге – внук Карла Маркса. В свое время письма были переданы для ознакомления русскому марксисту Смирнову (Э. Л. Гуревичу), который при возврате оставил себе без разрешения владельца письмо от 11 апреля 1881 года. Лонге так и не узнал об этом незаконном присвоении. Письмо было передано лидеру меньшевиков Ю. О. Мартову. После его смерти Рязанову удалось договориться с вдовой покойного – Л. Цедербаум о передаче письма в Институт Маркса и Энгельса, но при одном условии: не публиковать его. Рязанов согласился выполнить это условие, благодаря чему подлинное письмо Маркса попало в Институт. «Секретным» это письмо оказалось не по своему содержанию, а вследствие того, что оно было незаконно присвоено, то есть украдено. Его публикация вскрыла бы кражу. Признаваться в приобретении краденого документа Рязанов не решился, тем более что институт рассчитывал получить у Лонге и Лафарга новые рукописи Маркса. Таким образом, мотивы сокрытия письма не политические, а нравственные.

Такова эта история в изложении Рязанова. Заканчивалось письмо печальной констатацией: «На мертвого все можно валить… Мертвые молчат, бумага все стерпит!»[126]. Поверженный Голиаф все еще пытался сопротивляться, но силы были не равны. Письмо Рязанова в редакцию «Большевика» не было напечатано.

Адоратский допускал, что Рязанов мог воздерживаться от опубликования каких-то документов по этическим соображениям. В письме от 31 июня 1931 года в Политбюро он сообщил, что в бумагах Рязанова обнаружены неопубликованные фотокопии писем Энгельса А. Бебелю, которые, по всей видимости, были добыты им незаконным путем из архива германской социал-демократии. Учитывая их теоретическую ценность, директор ИМЭ просил разрешения напечатать их в ближайшее время. Была и практическая цель ускорения публикации. Если письма будут опубликованы сейчас, объяснял Адоратский, то социал-демократы обвинят в нелегальном приобретении документов Рязанова, если это сделать позже, то вина падет на новое руководство Института[127].

[125] Большевик. 1931. № 5. С. 76.

[126] Рокитянский Я., Мюллер Р. Красный диссидент. М., 1996. С. 343.

[127] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 32. Л. 74.

Наряду с главной политической задачей, связанной с разоблачением «контрреволюционной» деятельности прежнего руководства, надо было решать судьбу Института Маркса и Энгельса, так как в прежнем виде он существовать не мог. 29 марта 1931 года директор Института Ленина М. А. Савельев и директор Института Маркса и Энгельса В. В. Адоратский направили в Политбюро ЦК ВКП(б) предложение о немедленном слиянии двух институтов. В пользу объединения приводились следующие доводы: ИМЭ представляет собой замкнутое учреждение, его необходимо превратить в общедоступный научно-исследовательский институт; практически нет работников, так как после отчисления рязановских кадров в нем осталось всего 5 человек от прежнего состава; институты территориально оторваны друг от друга, их необходимо поместить в одном здании с расширением площадей. Причин научного и политического характера не приводилось. Необходимость продолжения борьбы с «рязановщиной» оставалась актуальной, но ее предлагалось проводить не путем развертывания специальной кампании, а посредством публикации ряда статей о задачах реорганизованного института с критикой прежнего руководства. Объединенный институт должен носить название Институт Маркса-Энгельса-Ленина и быть в ведении ЦК ВКП(б)[128].

Таким образом, «дело Рязанова» было использовано для фактического упразднения Института Маркса и Энгельса по инициативе дирекции ИМЭ, поддержанной руководством Института Ленина.

[128] Там же. Л. 40–41.

Институт Ленина при ЦК ВКП(б) (1923–1931)

Образование, структура, реорганизация

Институт Ленина был основан 31 марта 1923 года по постановлению пленума Московского комитета РКП(б), а открывшаяся в тот же день Московская партийная конференция единодушно утвердила это решение. Конференция проходила в период подготовки к празднованию 20-летия образования большевистской партии, создателем и бессменным руководителем которой был В. И. Ленин. Это постановление свидетельствовало о признании коммунистами выдающейся роли лидера большевиков в революционном движении и строительстве первого в мире социалистического государства.

Институт стал функционировать еще до своего официального открытия. Его директором был назначен Л. Б. Каменев, занимавший ряд ответственных государственных и партийных постов, секретарем стал А. Я. Аросев. В основу архива Института легли ленинские документы, сданные 22 марта 1923 года Н. К. Крупской директору Института.

Для библиотеки и архива требовалось удобное хранилище. После долгих хлопот и поисков было найдено здание на улице Большая Дмитровка, дом 24, в котором ранее размещался Пролетарский музей. Это помещение оказалось весьма подходящим для хранения документов и книг, размещения рабочих кабинетов и развертывания музейного отдела Института.

8 июля 1923 года Центральный комитет партии выступил с обращением «Об Институте Ленина», подписанным секретарем ЦК И. В. Сталиным и директором Института Ленина Л. Б. Каменевым. В нем содержался призыв к членам партии и беспартийным гражданам, имеющим у себя письма, записки, собственноручные заметки вождя и другие подобные документы, передать их в Институт Ленина. При этом, если владельцы ленинских автографов не пожелают пожертвовать ими, то предлагался вариант передачи их во временное пользование для снятия копий. При передаче документов в Институт владелец имел право установить определенный срок, в течение которого они не могли быть опубликованы. ЦК предложил партийным комитетам и ячейкам различных учреждений назначить товарищей для просмотра архивов и выделения всех бумаг, имеющих резолюции, пометки Ленина, а также его рукописей. Подлинники этих документов следовало отправлять в Институт Ленина, а в делах оставлять копии[129].

Призыв ЦК РКП(б) положил начало собиранию рукописей и других материалов, относящихся к жизни и деятельности Владимира Ильича. В числе первых дарителей автографов Ленина были люди из ближайшего его окружения.

Свою деятельность Институт начал с составления каталога рукописей. Прежде чем приступить к этой работе, пришлось детально ознакомиться с постановкой дела учета и хранения документов в других учреждениях типа рукописного отдела Румянцевского музея. Специфика рукописей Ленина заключалась в том, что ряд текстов был написан простым или чернильным карандашом. Сохранение их требовало специального способа. Управляющий делами СНК Горбунов предоставил Институту целый ряд книг о способах хранения документов, в том числе труды английских специалистов. Большую методическую помощь Институту оказал сотрудник Ленинградского отделения Центрархива С. Н. Валк. Началось составление карточного каталога на поступившие материалы[130].

Другая проблема состояла в наборе научных сотрудников, которые хорошо знали бы историю большевистской партии и могли читать почерк Ленина, обосновывать даты, устанав-

---

[129] См.: Бюллетень Института В. И. Ленина. № 1. М., 1923. С. 3–4.

[130] РГАСПИ. Ф. 347. Оп. 1. Д. 70. Л. 1–2.

ливать адресаты в рукописях, в которых отсутствуют эти данные. Заполнение штатов шло в основном за счет активных участников революционного движения.

Уже в самом начале деятельности Института возникла проблема ведомственной подчиненности. Помощник Каменева Аросев в сентябре 1923 года писал Н. С. Ангарскому в Берлин: «Наш Институт переживает некоторый кризис: МК назначил секретарем Института Сорина. Это коммунист с 1917 года. Такое отношение к Институту со стороны МК заставило меня поставить вопрос о том, в чьем ведении должен находиться Институт: МК или ЦК. Так как Каменев все еще в отпуске, то я принужден был переговорить со Сталиным и Зиновьевым. Оба отнеслись к вопросу очень активно. Сталин сегодня ставит этот вопрос на Секретариате и настойчиво предлагает "переключить" Институт за ЦК РКП. Думаю, что выйдет так, как сказал Сталин»[131]. Ангарский согласился, что приход Сорина в Институт не лучший вариант. 8 октября 1923 года он писал Аросеву: «Сорин хороший моралист, но он не знает и не чувствует истории партии, не ощущает, я сказал бы, аромата 90-х и 900-х годов»[132].

Предположение Аросева оправдалось. 28 сентября 1923 года ЦК РКП(б) принял решение о переводе Института Ленина в ведение Центрального комитета партии на правах его отдела[133]. Решение мотивировалось тем, что по характеру своей деятельности Институт имел общесоюзное значение.

В траурные январские дни 1924 года собравшиеся на II съезд Советов СССР делегаты провозгласили, что лучшим памятником покойному вождю будет широкое массовое распространение сочинений Ленина, которое сделает идеи коммунизма достоянием всех трудящихся. Съезд Советов поручил Институту Ленина принять самые срочные меры к выпуску доступных народу избранных сочинений В. И. Ленина в миллионах экземпляров на различных языках, в особенности на восточных. В первую очередь должны были быть изданы те сочинения, которые имели особо важное значение для широких слоев рабочих и крестьян. Наряду с этим Институту поручалось срочно выпустить полное собрание сочинений В. И. Ленина в строго научном духе[134].

Вслед за решением ЦК ЦИК и СНК СССР совместным постановлением от 15 февраля 1924 года признали Институт Ленина единственным государственным хранилищем всех рукописей Владимира Ильича Ульянова (Ленина) и всех оригинальных документов, имеющих непосредственное отношение к его деятельности. Этим же постановлением вменялось в обязанность всем государственным книжным палатам передавать Институту Ленина по одному экземпляру всех поступающих к ним изданий сочинений Ленина, всех печатных трудов о Ленине или содержащих его портреты и прочие изображения, а также книг, журналов, плакатов, листовок и других материалов по социально-экономическим и историко-революционным вопросам. Кроме того, Институту обязаны были сдавать все негативы и пленки фотоснимков, а также оригиналы кинофильмов с изображением Ленина[135].

Таким образом, еще до официального открытия Института были решены основные организационные и правовые вопросы. 31 мая 1924 года на XIII съезде РКП(б) было провозглашено открытие Института Ленина. К этому времени Институт имел один отдел – хранилище, в который входили архив, библиотека и музей. Позднее появилась вторая структура – научный отдел. Первым ответственным хранителем музея был А. Я. Аросев, которого в 1924 г. сменил И. П. Товстуха. ЦК партии утвердил состав Совета, призванного осуществлять общее руководство деятельностью Института. Его членами стали А. С. Бубнов, Н. И. Бухарин, К. Е. Ворошилов, А.

[131] РГАСПИ Ф. 71. Оп. 3. Д. 96. Л. 204.

[132] Там же. Л. 199.

[133] См.: Известия. 1924. 27 янв.

[134] См.: Там же.

[135] См.: Институт Ленина при ЦК ВКП(б): Отчет XIV партийному съезду. М., 1925. С. 81.

С. Енукидзе, Г. Е. Зиновьев, М. И. Калинин, Л. Б. Каменев, С. И. Канатчиков, Н. К. Крупская, В. В. Куйбышев, М. Н. Лядов, В. М. Молотов, М. С. Ольминский, А. И. Рыков, Г. Я. Сокольников, И. В. Сталин, М. П. Томский, Н. А. Угланов, М. И. Ульянова, Е. М. Ярославский. Директором Института и председателем Совета был избран Каменев. Его помощниками назначены И. П. Товстуха и В. Г. Сорин[136]. По составу Совета видно, какое большое значение ЦК РКП(б) придавал Институт Ленина. Большинство в его руководящем органе составляли крупные партийные и государственные деятели страны. Позже из состава Совета были выведены Зиновьев и Каменев как руководители «новой оппозиции», выступившей против сталинского курса партии. В начале 1927 года был утвержден новый, значительно сокращенный состав Совета. В него вошли: Бубнов, Бухарин, Гусев, Крупская, Молотов, Скворцов-Степанов, Ярославский. Это были люди, в разных формах практически участвовавшие в деятельности Института. Сталин не счел нужным входить в состав Совета. Все члены нового Совета были его верными сторонниками, выступившими против «новой оппозиции». Исключение составила Крупская, поддержавшая платформу Зиновьева и Каменева. Убрать вдову Ленина, оказывавшую Институту неоценимую научно-консультационную помощь, Сталин не решился. Принципиальные решения об Институте выносила узкая группа лиц во главе со Сталиным, а Совет обсуждал вопросы, связанные с их реализацией.

После снятия Каменева с поста директора в декабре 1926 г. текущую работу вели его помощники, в основном Сорин. Вместо Каменева редактирование «Ленинских сборников» было поручено Бухарину. Каменев временно был оставлен редактором IV–VI томов второго издания Сочинений Ленина[137]. Работа главной редакции после ухода Каменева приостановилась: в течение 1927 года она не провела ни одного заседания[138].

Частая смена членов Совета Института Ленина была отражением практики постоянного «перетряхивания» кадров в высшем звене партийных и государственных органов. В состав Совета Института наряду с учеными входили политические деятели, которых постоянно перебрасывали с одного участка партийной работы на другой. В конце 1927 года был сформирован новый Совет, членами которого стали: Бубнов, Бухарин, Ворошилов, Гусев, Енукидзе, Калинин, Крупская, Куйбышев, Лядов, Молотов, Ольминский, Орджоникидзе, Рудзутак, Рыков, Скворцов-Степанов, Сокольников, Сталин, Томский, Угланов, Ульянова, Ярославский. Председателем Совета был избран И. И. Скворцов-Степанов. Количество членов этого руководящего органа Института увеличилось за счет введения в него политических деятелей. В партии продолжалась борьба против объединенного троцкистско-зиновьевского блока, поэтому усилился политический контроль за деятельностью идеологического научного учреждения. Совет выделил из своего состава дирекцию, в которую вошли Скворцов-Степанов, Бубнов, Бухарин, Гусев, Крупская, Молотов, Ярославский. Текущая деятельность Института направлялась распорядительным заседанием дирекции в составе председателя Скворцова-Степанова и его помощников – Е. Короткого, В. Сорина и С. Коршунова[139]. Такая структура руководства Института просуществовала недолго, что свидетельствовало об отсутствии продуманного плана реорганизации научных партийных центров.

Институт испытывал трудности в связи с нехваткой хранилищ для поступающей литературы, прессы, документов. По ходатайству дирекции ЦК ВКП(б) принял решение о строительстве нового здания, отвечающего всем требованиям современного научного учреждения и соответствующего его политическому значению. Был объявлен конкурс на лучший проект. В

[136] См.: Ленинский сборник. 3. М., 1925. С. 562.

[137] См.: Записки Института Ленина. Вып. 1. М., 1927. С. 175.

[138] РГАСПИ. Ф. 347. Оп. 1. Д. 4. Л. 27.

[139] См.: Институт Ленина при ЦК ВКП(б): Отчет XV партийному съезду. М., 1927. С. 6.

нем приняли участие 13 архитекторов. Из представленных проектов были отобраны три лучших и предложены делегатам XIV партконференции[140].

Они остановили свой выбор на проекте архитектора С. Чернышева. В течение полутора лет на Советской площади было воздвигнуто уникальное здание Института Ленина. Комплекс состоял из двух соединенных частей: четырехэтажного корпуса для административного, научного и технического персонала и 14-этажного книгохранилища. В основу постройки был положен принцип несгораемости. Для особо ценных документов в цокольном помещении оборудовали специальную камеру-хранилище с несгораемыми сейфами. В них хранились подлинные рукописи Ленина. В читальном зале одновременно могли работать 100 человек. Книги из хранилища в читальный зал и обратно подавались конвейером. Выполнение требования читателя занимало всего 5–7 минут. В конференц-зале со стационарной киноустановкой было 250 мест. Эта аудитория имела связь с узловой радиостанцией имени Коминтерна, чтобы отсюда можно было транслировать общественнополитические и научные мероприятия. Торжественное открытие нового здания Института Ленина состоялось 21 января 1927 года.

Перевод Института в новое здание решил многие вопросы, связанные с комплектованием, хранением и использованием книжных и архивных фондов. Улучшились условия работы научных сотрудников, повысился уровень обслуживания читателей. Расширились возможности политико-массовой работы, проводимой Музеем Ленина. Он занял более просторное помещение, в котором ранее находился Институт Ленина. Изменился и его статус: с января 1927 года Музей Ленина стал самостоятельным мемориально-научным учреждением.

Основная работа Института, связанная с подготовкой к изданию Сочинений Ленина, на первых порах была недостаточно отлажена. Сроки выпуска томов постоянно срывались. Это объяснялось, прежде всего, кадровой проблемой. Ядро сотрудников составляли испытанные большевики с дореволюционным партийным стажем, и их частая сменяемость тормозила научную деятельность. Особенно остро ощущалась нехватка специалистов, которые могли бы готовить тома Сочинений Ленина к печати. Не хватало научных сил для развертывания исследовательской работы по вопросам ленинизма и истории ВКП(б). К десятой годовщине советской власти не удалось выпустить обобщающую работу по истории Октябрьской революции. Не стала предметом исследования проблема мировой революции и деятельности Коммунистического Интернационала. Все это вызывало тревогу в руководящих инстанциях.

В конце 1927 года ЦК партии создал специальную комиссию, в задачу которой входило уточнение характера и круга деятельности трех научноисследовательских учреждений всесоюзного значения: Коммунистической академии, Института Маркса и Энгельса и Института Ленина. Комиссия пришла к выводу о необходимости расширить круг деятельности Института Ленина и поставила перед ним следующие новые задачи: изучение истории революционного движения в России, истории марксизма и социал-демократии с 60-х годов XIX века, а также истории революционного и рабочего движения за рубежом, прежде всего, истории Коммунистического Интернационала и зарубежных коммунистических партий.

Для решения этих задач требовалась реорганизация научных партийных учреждений. 10 мая 1928 года ЦК ВКП(б) принял постановление о слиянии Института Ленина при ЦК ВКП(б) и Истпарта ЦК в единый научный центр. Цель объединения двух родственных по характеру своей деятельности учреждений заключалась в устранении параллелизма в работе по изучению наследия Ленина и истории партии, а также в концентрации всех научных сил на указанных выше направлениях. ЦК партии рассчитывал, что эта мера будет способствовать решению трудных проблем, стоящих перед Институтом Ленина. Отныне подконтрольный Центральному комитету ВКП(б) Институт Ленина становился единственным научным учреждением, вокруг которого должна была развернуться вся научная работа в области теории и практики лени-

[140] РГАСПИ. Ф. 347. Оп. 1. Д. 1. Л. 29.

низма. Он обязан был также контролировать работу местных истпартов и всю печатную продукцию в этой сфере. Подспудной причиной явилось решение ЦК вывести Бухарина, Томского, Рыкова из Совета Института Ленина.

Роль объединителя взяла на себя дирекция Института Ленина, которая на своем заседании 18 мая 1928 года предложила план реализации постановления партии[141]. 20 августа 1928 года ЦК ВКП(б) согласился с этим планом и утвердил порядок слияния двух научных партийных центров. Объединенному учреждению было дано наименование «Институт Ленина при ЦК ВКП(б)». Он получил статус отдела Центрального комитета.

Новые задачи потребовали организационной перестройки Института. Обновленная структура выглядела следующим образом: научно-исследовательский отдел, отдел подготовки и публикации ленинских документов, отдел подготовки и публикации историко-партийных документов, отдел научной популяризации, отдел местных истпартов, партийный архив, библиотека, журнал «Пролетарская революция», ученый секретариат и управление делами.

Научно-исследовательский отдел состоял из нескольких кабинетов: 1) кабинет по истории ВКП(б), который включал секции истории местных партийных организаций, движения молодежи, женского движения и секцию по национальному вопросу; 2) кабинет по изучению биографии Ленина; 3) кабинет по истории Коминтерна; 4) кабинет партийного строительства. Система кабинетов была заимствована у Института Маркса и Энгельса, и их работе придавалось большое значение. Кабинеты были призваны стать центром объединения институтских работников и специалистов других научных учреждений, работающих по определенной теме. Оргбюро ЦК ВКП(б) установило, что структурные изменения должны проводиться без увеличения числа сотрудников на основе утвержденной сметы[142]. После объединения штат Института Ленина составлял 130 единиц[143].

Реорганизация затронула руководство Института Ленина. Вместо двух руководящих органов – Совета и дирекции оставляется один – дирекция. Совет был упразднен, вероятно, по причине того, что в прежнем его составе были Н. И. Бухарин, А. И. Рыков и М. П. Томский, которые обвинялись в «правом уклоне». Ликвидируя Совет, Сталин лишал «правых» возможности оказывать влияние на деятельность Института, готовил предпосылки для удаления их с политической арены. В состав новой дирекции вошли В. В. Адоратский, А. С. Бубнов, С. И. Гусев, Н. К. Крупская, Е. И. Короткий, В. М. Молотов, М. С. Ольминский, М. Н. Покровский, М. А. Савельев, В. Г. Сорин, И. П. Товстуха, Е. М. Ярославский. Дирекция собиралась примерно один раз в три месяца и решала наиболее важные вопросы. Директором был утвержден Савельев, его заместителями – Сорин и Товстуха. Кроме того, директор имел трех помощников[144].

Реформирование Института Ленина послужило толчком для дальнейшей проработки и решения вопроса о создании Единого партийного архива (ЕПА). В течение 1928–1929 годов работала комиссия, составленная из представителей ЦК ВКП(б), Института Ленина, Центрархива. 7 января 1929 года был выработан проект положения о Едином партийном архиве. В состав ЕПА включались все фонды партийных организаций, контрольных комиссий и комсомольских комитетов, личные и партийные материалы, хранящиеся у членов ВКП(б). Они учитывались и хранились по месту их нахождения. Центральный партийный архив (ЦПА) при ЦК ВКП(б) являлся составной частью Единого партийного архива. Он объединил архив Общего отдела ЦК ВКП(б), включая все отделы аппарата, ЦКК, ЦК ВЛКСМ, ком-фракций центральных учреждений, а также архив Института Ленина вместе с дореволюционными материалами

[141] РГАСПИ. Ф. 347. Оп. 1. Д. 2. Л. 6–7.

[142] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 18. Л. 12.

[143] Там же. Д. 19. Л. 13.

[144] См: Институт Ленина при ЦК ВКП(б): Отчет XVI партийному съезду. М., 1930. С. 11.

и документами частных лиц. 28 июня 1929 года Секретариат ЦК ВКП(б) утвердил это положение[145].

В связи с объединением центрального Истпарта и Института Ленина возникла необходимость пересмотра сети комиссий по истории партии и Октябрьской революции. Из 100 местных истпартов в результате нескольких сокращений было оставлено 26, главным образом там, где активно действовали большевистские комитеты. Некоторые истпарты были преобразованы в институты. В 1930 году образовались четыре института по изучению истории партии: Ленинградский, Украинский, Закавказский и Среднеазиатский[146].

В результате реформирования Института была создана значительно более богатая и ценная материальная база для научно-исследовательской работы в виде укрупненной библиотеки, признанной центральным книгохранилищем ВКП(б). Развертыванию этой работы содействовало также объединение архивов двух учреждений. Заведующим ЦПА был назначен Г. А. Тихомирнов. В его распоряжении находилось пять сотрудников[147].

Наряду с этим поглощение Истпарта Институтом Ленина представляло собой шаг в сторону монополизации научных исследований по историко-партийным проблемам и вопросам ленинизма и международного коммунистического движения. Тем самым ограничивались, а затем и вовсе исключались дискуссии, столкновение различных точек зрения по неразработанным вопросам историко-партийной науки. Реорганизация произошла в русле установившихся в конце 20-х годов принципов партийной и общественной жизни, не допускавших ни малейшего отклонения от исходящих сверху идейных, политических, научных, организационных и прочих установок. После идейного разгрома и политической дискредитации оппозиционных групп в советском обществе установилось всеобщее единомыслие под предлогом борьбы за единство партии. Идеологизация общественных наук лишила их возможности свободного творческого развития.

Объединение двух научных центров не решило кадровую проблему. Савельев многократно обращался в ЦК партии с просьбой расширить кадровый состав, не растаскивать имеющихся сотрудников Института по другим учреждениям. В письме от 23 мая 1930 года он писал, что подготовка кадров для научно-исследовательской работы «является в настоящее время вопросом огромного значения»[148].

Дефицит специалистов в конце 20-х – начале 30-х годов вызывался в немалой степени внутрипартийной борьбой, отголоски которой звучали в стенах Института. 19 ноября 1930 года на распорядительном заседании дирекции было принято решение об откомандировании А. И. Ломакина в распоряжение ЦК партии. Он обвинялся в связях с так называемым праволевацким уклоном Л. Шацкина – С. Сырцова – В. Ломинадзе и в поддержке платформы 84 оппозиционеров. Ломакин признал ошибочность своих взглядов и заявил о своей полной поддержке генеральной линии партии. Его обвиняли также в том, что он рекомендовал на работу в Институт Резника, Шейдлину и жену Шацкина Извекову, которые принадлежали к блоку Сырцова – Ломинадзе. Они были отчислены из Института. Тогда же были уволены Д. Я. Кин, Э. Я. Газганов и А. Е. Варский[149].

Руководство Института разослало в органы ОГПУ и партийные организации учреждений, в которых ранее работали сотрудники, запросы на проверку их политической благонадежности. В частности, Товстуха направил такой запрос в Ленинград на известного архео-

---

[145] РГАСПИ. Ф. 347. Оп. 1. Д. 3. Л. 33.

[146] См: Институт Ленина при ЦК ВКП(б): Отчет XVI партийному съезду. М., 1930. С. 9.

[147] РГАСПИ. Ф. 347. Оп. 1. Д. 3. Л. 24.

[148] Там же. Ф. 71. Оп. 3. Д. 33. Л. 63.

[149] Там же. Д. 42. Л. 68–70, 74.

графа Валка, который не являлся сотрудником Института, но привлекался к консультативной работе[150].

Нездоровая морально-психологическая атмосфера в коллективе стимулировала доносительство. Так, кандидат в члены ВКП(б) В. Рахметов послал в ЦКК и другие инстанции письмо против П. С. Горина. На основании случайно услышанных от третьих лиц сведений он пришел к заключению, что Горин является «леваком», поэтому не может быть на руководящей работе в Обществе историков-марксистов. Поскольку Горин являлся заместителем редактора журнала «Пролетарская революция», письмо Рахметова рассматривалось на дирекции Института Ленина. В своем объяснении Горин отрицал приписываемые ему встречи с Кином и Газгановым. Произошел исключительно редкий случай для подобного рода разбирательств. 26 декабря 1930 года заседание дирекции не поддержало обвинения клеветника. Оно признало, что Горин проводил правильную политическую линию и в журнале, и в Обществе историков-марксистов. Заявление Рахметова расценили как «нездоровый метод борьбы с Обществом историков-марксистов и его руководством»[151]. В целом политическая чистка в Институте Ленина в отличие от ИМЭ не приняла массовый характер.

Вопрос о кадрах в перспективе мог быть решен созданием при Институте специализированного учебного заведения. После упразднения Института красной профессуры (ИКП) началась борьба за его наследство. 6 марта 1930 года дирекция Института Ленина выразила решительный протест против включения историко-партийного отделения ИКП в состав Института истории Коммунистической академии и постановила создать Историко-партийный институт, подчиненный Институту Ленина. По плану дирекции предусматривалось создание четырех секторов: 1) истории ВКП(б); 2) истории Коминтерна; 3) истории ленинизма; 4) партийного строительства. Срок обучения был рассчитан на 4 года[152]. ЦК партии поддержал претензии Института Ленина. Новое учебное заведение получило название Историко-партийный институт красной профессуры при Институте Ленина. Его ректором был утвержден В. В. Адоратский[153]. Первый набор в новый Институт составил 150 человек. Его выпускники должны были пополнить вакансии научных кабинетов Института Ленина, усилить кадровый потенциал местных истпартов, а также расширить партийно-пропагандистский актив.

Формирование архива

Собиранию печатного и рукописного наследия Ленина Институт уделял исключительное внимание, выполняя поставленную задачу стать единственным обладателем и хранителем всего ленинского наследия. Без сосредоточения всех автографов в своем ведении Институт не мог заниматься изданием трудов Ленина, пропагандой его учения. Передача ленинских рукописей в Институт служила гарантией их сохранности.

После Обращения ЦК партии (8 июля 1923 г.) в Институт Ленина стали поступать материалы, освещающие разные периоды жизни Ленина. К концу 1925 года по дооктябрьскому периоду Институт собрал 695 писем Ленина. Среди них письма А. И. Елизаровой, А. Потресову из тюрьмы и ссылки; письма периода «Искры» Г. В. Плеханову, Ю. Мартову, П. Аксельроду, В. И. Засулич, Л. Аксельрод и др.; несколько писем периода после II съезда РСДРП (1903), адресованные Г. Кржижановскому, М. Лядову, В. Носкову (Б. Глебову), А. Калмыковой, Р. Землячке, М. Эссен-Розенберг. Большую ценность представляли письма А. М. Горькому (1908–1913), а также письма периода мировой войны А. Г. Шляпникову, О. Равич, Г. Л.

[150] Там же. Л. 87.
[151] Там же. Д. 42. Л. 99.
[152] Там же. Д. 33. Л. 28.
[153] Там же. Л. 74, 77.

Шкловскому, В. А. Карпинскому, Г. Е. Зиновьеву и др. А. М. Коллонтай прислала из Норвегии три пакета с письмами Ленина и Крупской, материалами Циммервальдской конференции (1915) и документами по международному женскому движению.

По советскому периоду Институт получил от соратников Ленина его письма и записки, адресованные А. С. Енукидзе. В. В. Воровскому, Л. Б. Красину, М. С. Ольминскому, В. В. Адоратскому, А. В. Луначарскому, В. Д. Бонч-Бруевичу, Н. П. Горбунову, Л. А. Фотиевой, М. И. Гляссер и др.

Но все же работа по розыску и собиранию документов шла медленно, несмотря на обязательность партийных решений. Многие ответственные работники не прониклись осознанием того факта, что для Института Ленина имели большое значение даже незначительная запись, пометка на документе или подпись под ним, не говоря уже о других рукописных материалах. За период с 31 мая 1924 года по 1 декабря 1925 года в Институт было сдано 97 лицами и 59 учреждениями 3304 документа. К этому времени в архиве насчитывалось около 5000 документов за период до октября 1917 года и 14190 – за советский период. В так называемом Основном фонде числилось около 21 тысячи документов, включая ленинские, партийные, а также рукописи отдельных лиц. В это число не вошли документы, над которыми работал Ленин в советский период[154].

Архив скомплектовал 243 статьи и 13 брошюр Ленина. Среди них – рукопись первой известной его работы «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» (1893), которая ранее не была опубликована, первый и третий выпуски брошюры на гектографе «Что такое ”друзья народа” и как они воюют против социал-демократов». Второго выпуска так и не удалось найти. Сохранились рукописи брошюры «Шаг вперед, два шага назад» (354 л.) и книги «Аграрный вопрос в первой русской революции», состоящей из 25 тетрадей общим объемом 526 листов. Большой интерес представляли 9 тетрадей с записями по философии Гегеля, Фейербаха и Аристотеля. Помимо философских тетрадей в архиве находились 11 тетрадей об империализме и империалистической войне, выписки из трудов К. Клаузевица, Р. Гильфердинга, Р. Люксембург, Ж. Геда, статистических изданий и др. Эти тетради послужили основой для написания Лениным книги «Империализм, как высшая стадия капитализма». Абсолютное большинство ленинских материалов дооктябрьского периода (около 1000 единиц) составляли конспекты, выписки, планы, тезисы, программы, заметки, наброски[155]. Работа с ними давалась большим трудом, так как зачастую это были отрывки, письма без указания дат и точных адресатов, подчас зашифрованные.

Наряду с собиранием документов в СССР, Институт предпринял активные действия по розыску ленинских материалов за границей. Письменные обращения директора Института к Ж. Геду, К. Гюйсмансу, К. Каутскому, Г. Ледебуру, Э. Вандервельде не увенчались успехом. Нужны были непосредственные контакты.

В 1923 году поиск документов за пределами страны вел по просьбе Института работник Мосвнешторга за границей Н. С. Ангарский. По рекомендации Л. Б. Каменева он встречался с Николаевским, который помог связаться с русскими эмигрантами. Ангарскому удалось приобрести 45 ленинских документов. Помимо писем были приобретены: оригинал доклада Ленина на Белостокской конференции (1902); автограф речи на V съезде РСДРП; программа Северного союза РСДРП с критическими замечаниями Ленина; рукопись брошюры Ленина «Задачи русской социал-демократии». По поводу этого документа Ангарский дал уточнение, из которого следует, что это, строго говоря, не рукопись, таковой никогда не было. Владимир Ильич написал эту работу в тюрьме между строк книги химическими чернилами. Затем она была проявлена и переписана, по всей вероятности, сестрой Ленина Анной Ильиничной. Во

[154] См.: Институт Ленина при ЦК РКП(б): Отчет XIV партийному съезду. М., 1925. С. 10, 13.
[155] См.: Там же. С. 14–19.

всяком случае, это первый оригинал, с которого работа набиралась в печать. Помимо ленинских документов Ангарский купил 50 писем Г. В. Плеханова Иде Аксельрод и 15 его писем редакции «Искры», протоколы совещания редакции «Искры», 35 писем Р.М Плехановой Иде Аксельрод, листовки, вырезки из газет о рефератах Ленина[156].

В июне 1924 года в Германию, Австрию и Швейцарию был командирован Р. Меллер для приобретения у разных лиц рукописей Ленина и документов, имеющих отношение к Владимиру Ильичу. Результаты этой кратковременной поездки оказались минимальными. Большинство деятелей социал-демократических партий этих стран отказались передать Институту какие-либо материалы или отрицали их наличие. Более сговорчивыми оказались коммунисты П. Леви, В. Мюнценберг, Ф. Коричонер, В. Тростель, А. Балабанова, передавшие Меллеру несколько рукописей. Всего в Германии было собрано 35 документов. В процессе поисков посланник Института узнал, что хозяин квартиры в Цюрихе, где жил Ленин, сжег два ящика с материалами Ленина. У госпожи Биск было четыре ящика, оставленных Лениным, но она продала находившиеся в них материалы как бумагу для упаковки. Меллер выяснил также, что в архиве Р. Люксембург нет ленинских писем. Держатель фонда был нелегалом, боясь ареста, он уничтожил все письма[157]. Отрицательный результат тоже имел смысл: впредь не следовало затрачивать усилия на поиск того, что не существует.

Что касается собирания документов Ленина как руководителя Советского государства, то здесь дело значительно продвинулось. Институт сконцентрировал у себя все подлинники протоколов Совета народных комиссаров и Совета труда и обороны и материалы к ним, автографы проектов резолюций и постановлений, декреты с правками и подписью председателя СНК В. И. Ульянова-Ленина за весь период его государственной деятельности. Материалы этого вида составляли самый большой массив официальных документов – 5232 декрета, постановления и мандата. К этой группе относились и протоколы СНК и СТО за подписью Ленина в количестве 648 документов. Всего Управление делами Совнаркома СССР передало Институту Ленина 12 тысяч документов[158].

О партийной деятельности Ленина свидетельствовали 248 документов, в числе которых были проект программы РКП(б), тезисы и проекты резолюций. Кроме того, в 209 аналогичных документов, подготовленных другими лицами, Ленин внес свои поправки[159].

Ленинский архив отражал многогранную деятельность советского правительства и руководства партии по созданию и укреплению новой власти. Особое внимание уделялось улучшению работы государственного аппарата, созданию и деятельности рабоче-крестьянской инспекции, борьбе с бюрократизмом и волокитой. Документы свидетельствовали об огромных усилиях, направленных на решение неотложных хозяйственных вопросов, таких как преодоление голода и разрухи, восстановление нефтяных скважин, механизация разработки торфа, строительство электростанций, создание концессий, кооперативов и др. В них речь шла также об отношении партии к профсоюзам, крестьянству, о постановке народного просвещения и т. д.

Однако комплектование документов за период после октября 1917 года все же имело свои трудности. Например, в архиве неполно был представлен период Гражданской войны. Это объяснялось тем, что документы Совнаркома до 1921 года сохранились не полностью. Тем не менее Институт скомплектовал около 300 документов за 1918–1920 годы, связанных с военными действиями на фронтах Гражданской войны. Из них наибольшее количество приходилось на 1919 год. В частности, имелась переписка Ленина с командованием Южного и Восточ-

[156] См.: Бюллетень Института В. И. Ленина при ЦК РКП. № 1. М., 1923. С. 5–6.

[157] РГАСПИ. Ф. 347. Оп. 1. Д. 96. Л. 203.

[158] См.: Идейный арсенал коммунистов. 2-е изд., доп. М., 1978. С. 36.

[159] См.: Институт Ленина при ЦК РКП(б): Отчет XIV партийному съезду. М., 1925. С. 35.

ного фронтов – Раковским, Антоновым, Сокольниковым, Гусевым, Лашевичем, Юреневым и др.

В архиве была коллекция, состоящая из 871 дела, которая называлась «официальной частью». Здесь хранились материалы Департамента полиции, жандармских и полицейских управлений, имевшие отношение к жизни и деятельности Ленина, его соратников, а также дела о семье Ульяновых и Н. К. Крупской. Более половины этих документов составляли перлюстрации переписки. Полицейские материалы свидетельствовали о том, что с 18-летнего возраста революционер Владимир Ульянов, где бы он ни находился, был под секретным агентурным наблюдением. В «официальную часть» архива была включена случайная находка на Сухаревском рынке в Москве. Это была характеристика гимназиста Владимира Ульянова, написанная директором Симбирской гимназии Ф. Керенским. Торговка хотела использовать этот документ как оберточную бумагу.[160]

Институт собрал более 8 тысяч дел, относящихся к болезни и смерти Ленина: телеграммы, письма, резолюции соболезнования, присланные различными организациями и учреждениями и частными лицами со всех уголков СССР и из других стран[161].

Таково было в общих чертах состояние архива ленинского Института к концу 1925 года. В этот период была заложена документальная основа для научно-издательской деятельности, выработана методика фондирования, хранения, описания, каталогизации, археографической обработки документов.

В последующие годы собирательская работа не прекращалась. Институт не только принимал то, что ему сдавали партийные и государственные органы и отдельные лица. Его сотрудники проводили поисковые работы в архивах различных ведомств и учреждений, приносившие определенные результаты. На 1 декабря 1927 года фонд архива состоял из 34 493 документов. Из общего объема материалов 20 905 единиц принадлежало перу Ленина. Эти документы разделялись на следующие группы: документы досоветского периода – 2264; документы после октября 1917 года – 18 291; книги, журналы и газеты с пометками Ленина – 350[162].

Во второй половине 20-х годов в Институт поступила значительная группа документов Ленина досоветского периода. Среди них отрывок из статьи по поводу книги К. Каутского против Э. Бернштейна и рецензия на книгу С. Н. Прокоповича «Рабочее движение на Западе», черновые наброски, конспекты, планы к брошюре «Шаг вперед, два шага назад», материалы периода работы Ленина в редакциях газет «Вперед» и «Пролетарий». Существенно пополнились материалы за период 1914–1917 годов, который был представлен в архиве довольно широко. Из текущих поступлений особо следует выделить статью «Положение и задачи социалистического интернационала» (1 ноября 1914 г.), план статьи «Крах II Интернационала» (1915), предисловие к статье «Карл Маркс», рукопись «Набросок тезисов. 17 марта 1917 г.». Документальный фонд пополнился новыми тетрадями по империализму, которые вместе с имевшимися в архиве теперь составили 14 единиц хранения.

В 1926–1927 годах Центрархив передал Институту Ленина значительное число ленинских документов советского периода. Эта была главным образом переписка Ленина за 1917–1920 годы с различными ведомствами тыла и фронта. Письма касались работы советских, партийных и хозяйственных учреждений. Среди них были важные письма В. П. Милютину и А. И. Рыкову о практических мерах перехода от старой кооперации к новой, несколько писем Г. М. Кржижановскому по вопросам электрификации и др. Из политического литературного наследия представляли интерес стенограмма лекции «Государственное право», прочитанной 11 июля 1919 года, написанная в тот же день статья «О задачах III Интернационала», статья

---

[160] РГАСПИ. Ф. 347. Оп. 1. Д. 42.

[161] См.: Институт Ленина при ЦК РКП(б): Отчет XIV партийному съезду. М., 1925. С. 42.

[162] См.: Институт Ленина при ЦК ВКП(б): Отчет XV партийному съезду. М., 1927. С. 7.

«О борьбе внутри Итальянской социалистической партии» (4 ноября 1920 г.), воззвание от 2 сентября 1920 года «К незаможным селянам Украины» и др.[163]

В 1929 году А. И. Ульянова-Елизарова и М. И. Ульянова передали большую коллекцию писем Ленина к родным, дающую богатый материал для изучения биографии Владимира Ильича. Существенно пополнились документы «особой части» архива, общее число которых составляло 3292 документа[164].

Из Академии наук СССР поступили ценные исторические документы небольшевистского происхождения, но имеющие большое значение для характеристики эпохи зарождения либерального и социал-демократического движений. Это был архив Богучарского, содержащий документы «Народной воли», архив журнала «Освобождение», коллекции материалов ЦК партии эсеров и меньшевиков, а также нелегальные листовки и прокламации из фонда Департамента полиции[165].

В 1930 году Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала (ИККИ) передал историческую часть своего архива в Институт Ленина. В этой партии документов были стенограммы и протоколы конгрессов, пленумов Исполкома, заседаний Секретариата, материалы ряда отделов аппарата, переписка ИККИ с зарубежными компартиями. Решение о передаче было вызвано необходимостью обеспечения сохранности документов и их научного использования совместно с работниками ИККИ. Архив Коминтерна находился на секретном хранении, и во всех официальных документах и переписке его следовало называть Архивом по истории международного рабочего движения. Использование его материалов сотрудниками Института разрешалось по особому списку, утвержденному дирекцией[166].

Архив Института Ленина оборудовал свою фотолабораторию, задачей которой было собирание, обработка и хранение фотокинонегативов, изображающих Ленина или относящихся к его жизни и деятельности, а также фотокопирование документов. К концу 1927 года было зарегистрировано 312 различных фотоснимков Ленина, 563 снимка с видами мест проживания Владимира Ильича и похоронных процессий. В архиве было также 19 500 метров кинопленки, из которых 210 метров негативов с изображением Ленина. За 1927 год архив приобрел 36 оригинальных негативов и 46 метров новых вариантов киносъемки[167].

После объединения Института с Истпартом его архив увеличился почти на 30 тысяч документов. К началу 1930 года в нем имелось около 70 тысяч документов, из которых 24 405 являлись ленинскими. О ходе комплектования автографов Ленина свидетельствуют следующие данные в округленных цифрах: в 1925 году их насчитывалось 10 000, в 1926-м – 17 900, в 1928-м – 20 900, в 1929-м – 23 700, в 1930-м – 24 405.[168] Руководство Института считало, что задача собирания ленинского наследия в основном выполнена. Скомплектованный документальный материал открывал широкие перспективы в деле издания, изучения и пропаганды идейного наследия Ленина.

Комплектование фондов библиотеки

Комплектование книжных фондов Института Ленина происходило одновременно с собиранием архивных материалов. Часто в приобретаемых Институтом коллекциях были материалы для как пополнения архива, так и библиотеки. Точно так же в зарубежных поисковых экс-

[163] См.: Там же. С. 12–15.

[164] См.: Там же. С. 7.

[165] РГАСПИ. Ф. 347. Оп. 1 Д. 14. Л. 7.

[166] Там же. Ф. 71. Оп. 3. Д. 55. Л. 2.

[167] См.: Институт Ленина при ЦК ВКП(б): Отчет XV партийному съезду. М., 1927. С. 16.

[168] См.: Институт Ленина при ЦК ВКП(б): Отчет XV партийному съезду. С. 19.

педициях одновременно приобретались печатные издания, документальные, иллюстративные и прочие материалы.

Библиотека считала своей задачей с исчерпывающей полнотой собрать все издания произведений Ленина; все газеты и журналы, в которых были опубликованы его статьи, заметки; все книги и периодические издания, относящиеся к Ленину и его учению; все печатные издания, которые цитировались Владимиром Ильичем. С такой же исчерпывающей полнотой Институт собирал литературу по истории революционного движения в России и истории зарубежных коммунистических партий. Эти направления комплектования явились основой для создания двух главных отделов библиотеки. Первый отдел – фундаментальная часть, включающая литературу по истории революционного движения, истории социализма, политической экономии, социологии. Здесь же помещались все сочинения Ленина и литература о нем. Второй отдел – архивно-музейная часть, где хранились нелегальные русские и заграничные издания, относящиеся к истории революционного движения в России.

Кроме того, был образован общий отдел с подбором основных трудов, необходимых Институту для научно-исследовательской деятельности. В нем собиралась литература по философии, марксизму, истории революционного движения в России и других странах, по социологии, экономике и аграрным проблемам, по вопросам теории и практики социалистического строительства в СССР.

Начало комплектованию книжных фондов Института Ленина положили переданные Истпартом «Библиотека и архив РСДРП» из Парижа, библиотека имени Г. А. Куклина из Женевы и ряд других ценных коллекций, привезенных в Москву М. С. Ольминским. Из государственных библиотек были получены дублетные экземпляры книг, относящихся к научному профилю Института. Библиотека пополнялась главным образом путем закупок, в основном за границей.

По поручению Л. Б. Каменева Н. С. Ангарский, наряду с собиранием документов, вел поиски литературы. Он установил связь с бывшим агентом охранного отделения Л. П. Меньщиковым, который после Февральской революции порвал с политическим сыском и стал одним из экспертов по разбору архива заграничной агентуры Департамента полиции. У Меньщикова оказалась богатая коллекция подпольных революционных изданий, имевшая, по оценке Ангарского, «особое историческое значение», за которую он просил 10 тысяч франков. Не дожидаясь согласия Института, Ангарский перевел запрашиваемую сумму владельцу коллекции. В августе 1923 года библиотека Меньщикова была доставлена в Москву[169]. Меньщиков предложил свое сотрудничество с Институтом в деле подготовки книги «Хроника революционного движения», но дальнейшие отношения с ним были прерваны.

В 20-е годы были приобретены библиотека Корнилова с широким подбором журналов дореволюционного времени, библиотека Дмитровского и др. Из Лондона от В. Г. Чарткова было получено два ящика литературы по профилю деятельности Института.

Приобретение библиотек и книжных коллекций было непростой задачей, так как речь шла о значительных материальных затратах. Большие усилия приложил Ангарский для приобретения библиотеки Бунда (Всеобщего еврейского рабочего союза). По своему составу и содержанию она представляла для Института несомненный научный интерес, поскольку в ней находились книги и периодика по рабочему движению, изданные на территории Российской империи и в странах Западной Европы на русском, польском, армянском, латышском, литовском, болгарском, английском, французском и других языках. ЦК Бунда в Польше предлагал к продаже ту часть библиотеки, которая хранилась в Женеве. Ящики с книгами составляли 11 тонн. Часть печатных материалов находилась в составе архива Бунда. Из их числа Институту предлагались одна треть печатных и гектографированных изданий и половина всех остальных.

[169] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 5. Л. 2.

Что касается архивных документов, то Институт получал право их копирования за свой счет[170]. Эти условия были доложены руководству Института Ленина, которое внесло предложение о покупке в ЦК ВКП(б). 7 апреля 1925 года Политбюро согласилось с предложением о приобретении библиотеки и части архива Бунда, выделив для этой цели 22 тысячи долларов[171]. В январе 1928 года материалы Бунда прибыли в Москву.

Большую ценность представляла переданная Институту библиотека Н. И. Подвойского, состоявшая из изданий периода Гражданской войны. Подвойский являлся одним из организаторов Красной Армии. В 1919 году он был народным комиссаром по военным и морским делам Украины. Его коллекция насчитывала около 600 брошюр, 2000 номеров различных журналов, 4700 газетных номеров и 2000 листовок и плакатов. В ней наряду с партийными, советскими и красноармейскими изданиями было представлено большое количество периодики белого движения, эсеров, анархистов, социал-демократов, часть которой являлась библиографической редкостью[172].

Институт приобрел в Ленинграде коллекцию А. Савельева, деятеля периода Первой русской революции, участника профсоюзного движения, сторонника партии эсеров. В ней был собран значительный по объему и разнообразный по видам материал. Среди печатных изданий – 173 брошюры, 423 номера периодических изданий, в том числе нелегальной периодики, более 600 листовок и прокламаций, свыше 300 открыток и около 300 эстампов. Помимо печатных изданий в коллекции был рукописный и гектографированный материал. По хронологии коллекция охватывала период с начала XX века по 1917 год. Большинство материалов относилось к революционным событиям 1905–1907 годов. По партийной принадлежности это были в основном социал-демократические и эсеровские издания как столичных, так и провинциальных комитетов. Коллекция Савельева стала ценным дополнением к имевшимся в Институте печатным, рукописным и литографированным источникам[173]. Среди материалов, полученных из АН СССР, была библиотека охранника Статковского[174].

С 1925 года Институт стал получать через Книжную палату обязательный экземпляр текущей книжной продукции страны по своему профилю. Тогда же было разослано циркулярное обращение коммунистическим партиям всех стран с просьбой присылать в Институт все свои издания. Результат оказался весьма благоприятным: библиотека пополнилась значительным числом изданий по истории рабочего и коммунистического движений за рубежом. Ежемесячные текущие поступления в библиотеку превышали 10 тысяч экземпляров. 1 ноября 1925 года книжный фонд библиотеки составлял 85 тысяч, не считая газет и листовок[175].

В 1927 году были приобретены следующие ценные библиотеки и коллекции: библиотека Крейчи (более 5000 названий по западноевропейскому рабочему движению); коллекция нелегальных изданий из дублетов библиотеки Академии наук (около 5000 экземпляров); коллекция Ленинградского коммунистического университета, содержащая редкие экземпляры периодики; коллекция изданий Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса; собрание плакатов и листовок, относящихся ко времени германской революции 1918 года (более 800 названий); собрание материалов о венгерской революции 1919 года (брошюры, плакаты, протоколы заседаний Совета народных комиссаров Венгерской республики); собрание сатирических журналов за 1905–1907 годы (1140 экземпляров, в том числе 110 комплектов); коллекция газет и листовок о венском восстании в июле 1927 года, а также большое количество

---

[170] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 96. Л. 140.

[171] Там же. Д. 14. Л. 9.

[172] См.: Записки Института Ленина. Вып. 3. М., 1928. С. 149.

[173] См.: Там же. С. 149-150.

[174] РГАСПИ. Ф. 347. Оп. 1. Д. 14. Л. 7.

[175] См.: Институт Ленина при ЦК РКП(б): Отчет XIV партийному съезду. М., 1925. С. 46.

отдельных номеров и комплектов российских и зарубежных периодических изданий с конца XIX века по текущий год. Библиотека выписывала ежегодно 850 экземпляров журналов (480 русских и 370 иностранных) и 90 газет (60 русских и 30 иностранных)[176].

Предметом особой гордости Института был отдел ленинской литературы. В нем были собраны почти все сочинения Ленина и обширная коллекция посвященных ему работ. Количественная характеристика этого собрания к концу 1925 года была следующей: 355 названий ленинских произведений на русском языке, опубликованных в 659 легальных изданиях, и 19 названий, напечатанных в 24 нелегальных выпусках. Сочинений о Ленине на русском языке было 605 названий в 759 изданиях. Трудов Ленина, изданных на иностранных языках, насчитывалось 222 названия в 236 изданиях; литературы о нем – 220 названий в 225 изданиях. Иностранная литература была представлена на 18 западных и 22 восточных языках[177].

Отдел истории российского революционного движения находился в стадии комплектования и не отличался исключительной полнотой. Объем этой части библиотеки составлял 2050 нелегальных выпусков, из них 231 название периодических изданий. Листовочный фонд насчитывал свыше 3000 воззваний, обращений, писем. Среди них – значительное количество редких листовок, выпущенных в конце XIX – начале XX века.

Работа библиотеки осуществлялась в трудных условиях вследствие недостатка помещений. Переезд Института в новое здание расширил возможности комплектования фонда революционной литературы. К началу декабря 1927 года библиотека насчитывала свыше 100 000 книг и журналов и значительный газетный фонд. Книги на русском языке составляли 69 процентов, на иностранных – 31. После объединения с Испартом фонды библиотеки увеличились. Этому содействовало также решение Оргбюро ЦК ВКП(б) от 20 августа 1928 года, обязывающее крупнейшие институты и библиотеки страны передать Институту Ленина отсутствующие комплекты изданий. Решение касалось ИМЭ, Центрархива, Академии наук, Ленинской и Публичной библиотек[178].

Концентрация литературы по истории социал-демократического и в целом революционного движения в одном месте обедняла библиотеки других научных учреждений и создавала условия для монополизации исследований по этим вопросам. Лишение ученых других научных центров своей литературной базы отчасти компенсировалось тем, что они допускались к работе в библиотеке Института Ленина. Но здесь были поставлены преграды для беспартийных сотрудников научно-исследовательских институтов и преподавателей вузов, а также введен негласный запрет для участников партийной оппозиции.

Читальный зал библиотеки Института Ленина работал с 10 часов утра до 11 часов вечера. Помимо получения книг из общего книгохранилища читатели могли свободно пользоваться подсобной литературой на открытых полках. Это были справочные издания, энциклопедии, словари, текущая периодика на русском и иностранных языках. При читальном зале находился справочный подотдел, который оказывал справочно-библиографическую помощь как отделам Института, так и отдельным читателям. В 1927 году в читальном зале зарегистрировались 354 читателя, которым за истекший год было выдано 15 000 книг[179].

Библиотека проводила научно-вспомогательную работу. При подготовке томов Собрания сочинений Ленина она составляла ежегодные обзоры вышедшей литературы по ленинской теме.

---

[176] См.: Институт Ленина при ЦК ВКП(б): Отчет XV партийному съезду. М., 1927. С. 30–34.

[177] См.: Институт Ленина при ЦК РКП(б): Отчет XIV партийному съезду. М., 1925. С. 46.

[178] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 9. Л. 12.

[179] См.: Институт Ленина при ЦК РКП(б): Отчет XIV партийному съезду. М., 1925. С. 37.

Научно-издательская деятельность

Вопрос о публикации ленинского литературного наследия был поставлен партией еще до создания Института Ленина. В сентябре 1919 года была образована комиссия при Государственном издательстве, которая в следующем году стала выпускать тома первого издания Сочинений Ленина. С образованием Института Ленина начатое дело перешло в его компетенцию. Издание составило 20 томов (26 книг), включивших в себя более полутора тысяч произведений и писем Владимира Ильича.

Крайне тяжелые условия, в которых было осуществлено первое издание, сказались и на полноте вышедших томов, и на качестве их подготовки. Оставляла желать лучшего и техническо-издательская сторона (внешний вид томов, бумага, шрифт и т. п.). II съезд Советов Союза ССР (январь 1924 г.) постановил, что издание ленинских произведений является главной задачей Института. Речь шла о выпуске не только доступных народу избранных трудов, но и о подготовке Полного собрания сочинений Ленина в строго научном духе. С этого периода начинается работа над вторым и идентичным, но удешевленным третьим изданиями Сочинений Ленина.

Со времени выхода первого издания ленинский архив существенно увеличился, в том числе за счет неизвестных материалов. По мере собирания, обработки и изучения новых документальных поступлений Институт с 1924 года стал выпускать «Ленинские сборники», в которых впервые публиковались рукописи, речи, письма, заметки, проекты постановлений и резолюций, выписки из книг и другие материалы. Выпуски этого печатного органа являлись одной из форм ознакомления общественности с ленинскими документами, которые ранее не были обнародованы. «Ленинские сборники» иногда выходили несколькими изданиями. Ряд статей и писем перепечатывались отдельными брошюрами, предназначенными для массового читателя. Издание «Ленинских сборников» имело большое значение для подготовки последующих собраний сочинений. Сборники выпускались регулярно по несколько номеров в год. К концу 1930 года вышел в свет 15-й выпуск этого издания.

Новые ленинские документы публиковались также в периодических изданиях Института Ленина – «Бюллетене Института Ленина при ЦК ВКП(б)» (вышло три номера) и трех выпусках «Записок Института Ленина».

В середине 20-х годов неопубликованные документы Ленина стали орудием во внутрипартийной борьбе, причем инициаторами выступили оппозиционеры: в 1924 году – Троцкий, а в 1925 году – Каменев и Зиновьев.

В связи с выходом книги Троцкого «Уроки Октября» осенью 1924 года разгорелась дискуссия с использованием архивных документов и материалов Ленина.

30 марта 1925 года по настоянию Совета Института ЦК утвердил постановление о монопольном праве Института на первую публикацию ленинских документов[180]. Это решение было вызвано политическими целями: не допустить использования неопубликованных ленинских документов со стороны троцкистов, как это имело место ранее.

Однако в июле 1926 года директор Института Ленина Каменев при поддержке Троцкого и Зиновьева на Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) огласил текст записки Ленина Сталину от 5 марта 1923 года в связи с оскорблением Сталиным Н. К. Крупской. Процитировали также ленинские характеристики Сталина из «Письма к съезду».

Реакция последовала незамедлительно. На Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК в октябре 1926 года Троцкий был выведен из состава Политбюро, Зиновьев снят с руководства Коминтерном, а Каменев освобожден от должности директора Института Ленина.

---

[180] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 44. Л. 6.

Для подтверждения партийных решений со стороны ЦК в ход пошли ленинские документы. В октябре 1927 года, к 10-летию Октябрьской революции, в журнале «Пролетарская революция», в газетах «Правда», «Известия» и др. были опубликованы документы, в которых Ленин подверг резкой критике позицию Зиновьева и Каменева, выступавших против резолюции ЦК о вооруженном восстании в октябре 1917 года. Документы были изданы также отдельной брошюрой «Партия против штрейкбрехерства Зиновьева и Каменева в Октябре 1917 г. Материалы и документы». В предисловии к изданию констатировалось: «Как тогда, так и теперь они апеллируют против ЦК и против партии – к беспартийным и даже прямым врагам нашей партии»[181].

Расчищая себе дорогу к единовластию, Сталин в борьбе против «новой оппозиции» умело использовал Бухарина и его сторонников. Мог ли предполагать Бухарин, активно поддерживавший Сталина в устранении Зиновьева и Каменева с политического Олимпа, что эти же методы будут использованы для политической дискредитации его самого…

Развернувшаяся в партии в 1929–1930 годах борьба с так называемой «правой оппозицией» не ограничилась выводом из Совета Института Ленина Бухарина, Рыкова, Томского. В ход пошли уже апробированные методы политической борьбы с привлечением архивных ленинских документов. Борьба с бухаринской оппозицией ярко описана в юбилейном издании, выпущенном ИМЭЛ в 1944 г. к 20-летию Института: «В 1929–1930 гг., когда сложилась и открыто выступила против партии бухаринская правооппортунистическая группировка, были опубликованы документы Ленина, разоблачающие антимарксистские, антибольшевистские буржуазно-ликвидаторские позиции Бухарина в основных вопросах политики партии и Советского государства.

Важнейший документ, разоблачающий извращения Бухариным марксистско-ленинского учения о государстве, – рукопись Ленина, относящаяся к 1916–1917 гг., – впервые был обнародован товарищем Сталиным в его речи "О правом уклоне в ВКП(б)" на пленуме ЦК ВКП(б) в апреле 1929 г.

Для разгрома антиленинской вражеской группировки Бухарина большое значение имело опубликование в XI "Ленинском сборнике" (1929 г.) замечаний Ленина на книгу "Экономика переходного периода", в которой Ленин резко бичевал Бухарина.

Появление в печати этих работ Ленина было сильнейшим ударом по всем предательским элементам, пытавшимся извратить учение Ленина. Опубликование этих документов способствовало делу идейного и организационного разгрома врагов народа – троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев – и победе генеральной линии большевистской партии»[182].

В 1920-е годы вопрос о публикации ленинских трудов и писем решался на заседаниях Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК. За период с 1921 по 1929 год было принято 65 постановлений, причем их рост наблюдался при всплеске внутрипартийной борьбы – в 1924, 1928–1929 годах.[183]

С 1924 по 1930 год основной деятельностью Института стали одновременная подготовка и выпуск второго и третьего изданий Сочинений Ленина. По первоначальному плану каждое издание должно было включать 25 томов, но фактически они составили 30 томов: 27 томов произведений, 2 тома писем и 1 том справочный. Производственный план был составлен таким образом, чтобы завершить оба издания к 1 июля 1930 года.

Первый том вышел из печати к XIV съезду партии в декабре 1925 года, однако работа шла с существенным отставанием от намеченного графика. К 1 ноября 1927 года вышло из печати

---

[181] Партия против штрейкбрехерства Зиновьева и Каменева в Октябре 1917 г.: Материалы и документы. М., 1927.

[182] О публикации литературного наследства В. И. Ленина за 20 лет. М., 1944. С. 28.

[183] См.: И. В. Сталин. Историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы: переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений: Сборник документов и материалов. Ч. 1. 1920–1930-е годы. СПб., 2006. С. 27.

всего 5 томов (I, II, III, IV, XX). Политбюро ЦК ВКП(б) потребовало от Института Ленина принять решительные меры для ускорения редакционной подготовки плановых объектов, но это не изменило ситуацию. 24 апреля 1928 года заведующий Госиздатом А. Б. Халатов направил в ЦК партии докладную записку о полном провале издательского плана по выпуску ленинских томов[184]. Ровно через месяц Скворцов-Степанов написал объяснение, указав в качестве главной причины трудность работы над изданием Сочинений Ленина[185].

Действительно, причины промедления носили объективный характер. Во-первых, сложная работа по изучению русской и отчасти иностранной социал-демократической, в особенности большевистской, периодической печати за определенный исторический период требовала немало времени. Необходимо было найти и отобрать ленинские статьи, рецензии, заметки, опубликованные в печати, провести тщательное обоснование авторской принадлежности неподписанных статей и исключить из списка ленинских произведений те, что ошибочно попали в первое издание. В ряде случаев документы не имели даты, и надо было установить время их создания. Во избежание искажений следовало провести сверку ленинского текста по имеющимся рукописям и первым публикациям, а также сверить по первоисточникам все приводимые Лениным цитаты и т. д. Не менее сложной и трудоемкой была работа по составлению приложений и примечаний к томам. Научный аппарат к каждому тому включал следующие элементы: список не разысканных произведений Ленина, относящихся к определенному периоду; список произведений, автором которых предположительно является Ленин, но авторство еще не доказано; список произведений, редактированных Лениным; список работ, переведенных Лениным с иностранных языков; библиография источников и литературных работ, упоминаемых Лениным; словарь имен, встречающихся в томе, с краткой биографической справкой; основные вехи жизни Ленина; краткая летопись событий и, наконец, примечания, требовавшие хорошего знания биографии Ленина, истории большевистской партии, революционной борьбы и деятельности Советского государства.

Но это не единственная причина срыва графика издания. В Институте не было квалифицированных сотрудников, способных выполнить этот объем работ на высоком научном уровне, и подготовителей томов часто приглашали «со стороны». А это, как правило, были люди, перегруженные на основной работе. Вследствие нехватки специалистов некоторые подготовители работали одновременно над двумя томами. Председатель дирекции Института И. И. Скворцов-Степанов не мог уделять этому объекту достаточного внимания, так как одновременно был главным редактором «Известий», а также занимал ряд других ответственных постов.

Третья причина вытекала из того, что окончательно тип издания сложился не сразу, а только в 1927 году. Тогда же была создана новая редакция издания в составе Н. И. Бухарина, В. М. Молотова и И. И. Скворцова-Степанова. Кроме того, для руководства текущей работой была образована редакционная комиссия в составе В. Г. Сорина, Е. И. Короткого и С. С. Кривцова. Она возглавляла и координировала работу подготовителей и предварительно редактировала научно-справочный аппарат. Непосредственный контроль со стороны Центрального комитета партии осуществлял секретарь ЦК С. В. Косиор, который периодически приглашал к себе подготовителей томов с отчетом о ходе работы.

Опыт редакционно-издательской деятельности был невелик, он накапливался постепенно от тома к тому. Дирекция Института сочла ошибочным ранее принятое решение издавать тома в хронологическом порядке, так как промедление с подготовкой очередного тома задерживало выход в свет последующего, уже готового к печати. Поэтому после выпуска из печати первых четырех томов сразу вышел в свет 20-й том, относящийся к периоду март-июль 1917 года. Это вызывалось не только технологическими причинами, но и необходимо-

[184] РГАСПИ. Ф. 347. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
[185] Там же. Л. 4.

стью политически актуализировать издание ленинских сочинений, приблизив их к переломным революционным событиям.

Прежде чем отправить очередной том в издательство, его просматривали рецензенты. Чаще всего рецензентом выступал М. С. Ольминский. Его замечания были достаточно резкими по форме, но конкретными и деловыми. Так, в отзыве на X том (подготовитель И. И. Минц) он писал: «Вообще дополнения к Ленину имеют склонность пухнуть, не считаясь с вопросом, нужны ли они для читателя. Возможно, что это болезненное опухание задерживает выход книги».[186] Рецензента особенно возмущали грубые фактические ошибки в примечаниях. XX том (подготовитель Н. Н. Овсянников) Ольминский назвал скандальным и поставил вопрос перед дирекцией Института о возможности оставления члена главной редакционной коллегии С. С. Кривцова (подготовитель XII тома) на этой работе. В примечаниях, составленных Г. И. Крамольниковым к VII тому, Ольминский обратил внимание на то, что подготовитель относится с явной симпатией к либералам и эсерам, поэтому рекомендовал с крайним недоверием относиться к его работе[187].

Таким образом, Институт старался повышать научный уровень подготовительной работы в изданиях сочинений Ленина, одновременно следя за тем, чтобы оценки социально-политических событий прошлого были строго выдержаны в духе большевистской идеологии.

Внутренняя реорганизация и перестановка кадров, укрепление научных сил позволили Институту добиться некоторого ускорения подготовки и выпуска Сочинений Ленина. В 1928 году вышло 6, в 1929-м – 11, в 1930-м – 5 томов[188]. Выпуск последующих книг затянулся. В 1930 году не удалось завершить ни второе, ни третье издания Сочинений Ленина, как это планировалось. Ведущие силы были брошены на другой объект, признанный более актуальным с точки зрения практических потребностей.

В декабре 1928 года по постановлению ЦК партии Институт приступил к подготовке «Избранных произведений» В. И. Ленина в шести томах. Издание было рассчитано на рабоче-крестьянскую массу, учащуюся молодежь, комсомольский актив и включало в себя важнейшие ленинские произведения. Подготовительный этап запаздывал – первый том вышел только в 1930 году. Шеститомник был снабжен примечаниями, словником, разъяснением политических терминов и иностранных слов. Он сразу же переводился на ряд языков народов СССР. Над этим изданием работали свыше 30 человек под руководством редакционной коллегии во главе с И. И. Скорцовым-Степановым. Тираж этого издания превышал 500 тысяч экземпляров. Последняя книга вышла в свет в 1931 году.

Институт готовил к печати как отдельные произведения, так и тематические сборники. В их числе подготовленная И. П. Товстухой книга «В. И. Ленин. Об улучшении госаппарата и о борьбе с бюрократизмом и волокитой. Письма и заметки. 1917–1922 гг.». Об актуальности этой темы говорит тот факт, что книга в течение двух лет издавалась трижды.

В 1924–1925 годах сложились и другие формы научно-публикаторской и исследовательской работы. В. Алексеев и А. Швер подготовили книгу «Семья Ульяновых в Симбирске». В 1926 году вышел в свет первый том «Ленинианы» под редакцией И. Владиславлева. В ней давался обзор литературы на русском языке, изданной в 1924 году. Институт подготовил первый мемуарный сборник о Ленине с воспоминаниями Н. Крупской, Ф. Самойлова, М. Цхакая, Ф. Голощекина, К. Ворошилова, Е. Ярославского, Г. Сафарова, М. Лациса, А. Шотмана, О. Пятницкого, Я. Рудзутака, Л. Фотиевой, М. Гляссер и др. Затем вышли еще два выпуска воспоминаний. С 1927 года стали регулярно выходить «Записки Института Ленина» – научно-теоретический журнал, нацеленный на изучение возникновения и развития ленинизма.

---

[186] РГАСПИ. Ф. 347. Оп. 1. Д. 4. Л. 17.

[187] Там же. Л. 19–26.

[188] См.: Институт Ленина при ЦК ВКП(б): Отчет XVI партийному съезду. М., 1930. С. 76.

Собранные документы Ленина и материалы о нем позволяли перейти к написанию биографии Владимира Ильича. Жизнеописание вождя революции вызывалось как научными, так и пропагандистскими задачами. Партия указывала: жизнь и деятельность вождя революции должны служить образцом для воспитания масс, прежде всего юношества. Законы пропагандистского жанра требовали, чтобы герой повествования соответствовал идеальному образу большевика «без страха и упрека» и был примером преданности делу коммунизма. Вместе с тем биографию Ленина требовалось теснейшим образом вписать в историю большевистской партии. Эта задача оказалась для Института довольно сложной. В 1931 году удалось выпустить в свет лишь брошюру В. Г. Сорина «В. И. Ленин. Краткая биография», которую рецензент охарактеризовал следующим образом: «Будучи написана живо и просто, она безусловно удовлетворит потребность самого широкого круга читателей знать жизнь величайшего вождя мирового пролетариата»[189]. Никаких замечаний к автору не высказывалось.

В связи с политическим возвышением Сталина, идейным разгромом оппозиционных групп Институт приступил к изучению его биографии как ближайшего ленинского соратника. В 1927 году вышла брошюра И. П. Товстухи с кратким изложением основных этапов жизни Сталина. Партийная печать не откликнулась на это издание, и оно, возможно, осталось бы незамеченным. Но на брошюру обратил свое внимание В. А. Тер-Ваганян, и у него возникли нарекания в адрес автора. Свой отзыв под названием «Лесть и история» он послал в редакцию журнала «Под знаменем марксизма», но редакция отказалась его печатать. Тогда автор опубликовал в коммерческом издательстве брошюру, в которой, помимо критической рецензии на биографию Сталина, был помещен отзыв на изданную биографию А. И. Рыкова. Тер-Ваганян считал, что Товстуха явно льстил Сталину, приписывая ему заслуги, которых он не имел. Этим же пороком страдала и биография Рыкова[190]. Сталин ознакомился с брошюрой Тер-Ваганяна, о чем свидетельствует его пометка на экземпляре, хранящемся в Государственной публичной исторической библиотеке. Таким образом, начавшийся процесс формирования культа Сталина как верного ленинца и продолжателя его великого дела встречал определенное сопротивление среди некоторых большевистских историков. Но эти единичные факты, конечно, не могли повлиять на набирающую силу пропагандистскую кампанию по созданию большевистских идолов.

Завершение в основном работы по изданию Сочинений Ленина позволило Институту переключить часть своих научных сил на непосредственно исследовательскую работу. Основная цель реорганизации деятельности Института определялась партийной директивой: осуществить переход научно-исследовательской и издательской работы в направлении активной защиты идей ортодоксального ленинизма от всякого рода извращений и искажений. В этой установке речь шла о сохранении чистоты ленинского учения, о пресечении возможных попыток его пересмотра и реформистского толкования сторонниками оппозиции в рядах ВКП(б) и фракционерами в зарубежных компартиях. Несмотря на то, что к концу 20-х годов реальные, мнимые и потенциальные оппозиционеры были исключены из рядов большевистской партии, лозунг борьбы за чистоту марксизма-ленинизма не был снят. Напротив, призыв к усилению бдительности звучал все громче.

Институт переориентировал научные силы на работу по трем приоритетным направлениям: изучение проблем ленинизма, истории ВКП(б) и истории Коминтерна. Ввиду нехватки историков, специализировавшихся в этих областях общественной науки, при Институте Ленина была образована научно-исследовательская группа. В ее обязанность входило коллективное обсуждение актуальных проблем, возникающих в процессе исследовательской работы различных кабинетов Института. К участию в ней привлекались, помимо своих сотрудников,

[189] Борьба классов. 1931. № 1. С. 119.

[190] См.: Тер-Ваганян В. А. Две статьи, отклоненные редакцией журнала «Под знаменем марксизма». М., 1927.

партийные работники, ветераны революционного движения, видные ученые других институтов. В составе группы работало 36 человек[191].

Без создания широкой источниковой базы по истории партии начать серьезную исследовательскую деятельность было невозможно. Поэтому Институт принял меры для введения в научный оборот новых документов. В 1929 году были выпущены «Протоколы Центрального комитета РСДРП. Август 1917 – февраль 1918 г.» под общей редакцией М. А. Савельева. В 1930 году было завершено переиздание 1–51 номеров «Искры», выходивших, когда этот социал-демократический орган был под идейным контролем Ленина (декабрь 1900 – ноябрь 1903 г.). Тогда же были перепечатаны номера 1–227 центрального органа большевиков – газеты «Правда» за 1917 год. Институт планировал начиная с 1929 года издать протоколы II–XIII съездов партии и некоторых партконференций, но план не был реализован.

Расширению источниковой базы служил основной печатный орган Института журнал «Пролетарская революция», который помещал на своих страницах проблемные статьи, новые документы, методологические разработки, отчеты о работе кабинетов. В 1930 году вышел в свет юбилейный, 100-й номер журнала.

Институт выдвинул продуктивное предложение издавать специальный орган «Архив ВКП(б)», который должен был служить расширению источникой базы историко-партийной науки, так как журнал «Пролетарская революция» не публиковал документы, за исключением статей, писем, заметок классиков марксизма. Своим решением от 11 апреля 1930 года Оргбюро ЦК партии поддержало эту инициативу и утвердило состав редакционной коллегии. Ответственным редактором был утвержден С. С. Кржижановский[192]. В период подготовки первого выпуска в журнале «Пролетарская революция» появилось письмо Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма», круто изменившее положение в историко-партийной науке. Оргбюро ЦК отменило ранее принятое решение об «Архиве ВКП(б)»[193].

Комментируя этот шаг Оргбюро, член редколлегии Г. А. Тихомирнов указывал: «Мне кажется, что ЦК не был достаточно в курсе всей сложности вопроса, связанного с публикацией документов»[194]. Истинные же причины отмены принятого решения крылись не в сложности публикации документов, а в том, что документальные свидетельства могли разрушить создаваемые ЦК ВКП(б) мифы об истории большевизма.

Между тем общее состояние научной разработки истории ВКП(б) было неудовлетворительным. Дело ограничивалось изданием ряда кратких курсов и учебных пособий для комвузов и партийно-комсомольского актива. Среди первых авторов книг и учебных пособий по этой теме были Н. Н. Батурин, Н. Н. Попов, Г. Е. Зиновьев, В. И. Невский. По отдельным периодам и проблемам истории партии были выпущены работы П. Керженцева «Страницы истории ВКП(б)», В. Адоратского «Большевизм в годы реакции», Е. Ярославского «Большевики в 1917 г.», В. Сорина «Учение Ленина о партии» и ряд других.

Вклад Института Ленина в разработку научной истории партии был минимальным. Дирекция ставила перед коллективом задачу заняться, прежде всего, изучением истории революций в России. Анализируя состояние исследований этой проблемы, она отмечала: «Несмотря на свое всемирно-историческое значение, и несмотря на то, что революция поставила у власти нашу партию, до сего времени революция 1917 года нашла весьма незначительное освещение в научно-исторической литературе. Целый ряд проблем, встающих в связи с Февральской и Октябрьской революциями, проблем, имеющих громадное значение для меж-

[191] РГАСПИ. Ф. 347. Оп. 1. Д. 75. Л. 1–5.

[192] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 16. Л. 19.

[193] Там же. Ф. 155. Оп. 1. Д. 43. Л. 7.

[194] Там же.

дународной пролетарской революции и для понимания характера и закономерностей самой Октябрьской революции, даже не начаты разработкой»[195].

Нереальным оказалось намерение Института в течение трех лет, к 15-й годовщине Октябрьской революции, выпустить многотомный труд, освещающий период истории партии до Октябрьской революции включительно. Была попытка издать сборник документов, посвященный Гражданской войне. Он был подготовлен к печати Огородниковым и Мартыновым. Рецензент Ф. Анулов негативно оценил эту работу, так как, по его мнению, в ней приуменьшена роль Ленина и непомерно преувеличена роль Троцкого в руководстве вооруженной борьбой советской власти против контрреволюции. Главное, однако, не в этом. Рецензента беспокоил вопрос, где составители выявили такие материалы. Он предложил запретить Огородникову и Мартынову доступ к документам, а соответствующим органам провести обыск на дому, так как оба были «представителями реакционной военной школы»[196]. Этот пример показывает, что в научной работе Института Ленина сужались возможности объективного рассмотрения событий прошлых лет. А это неизбежно должно было привести к фальсификации истории.

К концу 20-х годов на первый план в сфере историко-партийной науки выдвинулся вопрос о методологии исследования. В течение прошедшего десятилетия стихийно возник ряд дискуссий по актуальным вопросам историко-партийной науки. Это был период, когда авторы печатных трудов, участники конференций и семинаров могли свободно высказывать и отстаивать свои суждения. Однако в связи с внутрипартийной борьбой научные дискуссии все больше превращались в политические баталии. Сфера свободомыслия сужалась. «Ортодоксальные» историки, то есть историки, поддерживающие сталинскую генеральную линию партии, обвиняли своих оппонентов в ревизии марксизма и ленинского идейного наследия. Не согласным с линией Сталина приклеивали политические ярлыки. Руководство Института Ленина в это переломное время стойко встало на стражу сталинского курса, оценивая выступления некоторых специалистов как попытки фальсифицировать историю ВКП(б), навязать партии антиленинские установки и подменить ленинизм троцкизмом. В основу методологии были положены сталинские работы: предисловие к сборнику «На подступах к Октябрю», «Основные вопросы ленинизма» и «Об оппозиции». В отчете Института Ленина XVI съезду партии отмечалось: «Ряд установок, данных т. Сталиным в борьбе за линию партии, проливает новый свет на важнейшие проблемы прошлого партии, дает исходные пункты для работы исследовательской мысли в этой области»[197]. Институт Ленина с сожалением признавал, что эти установки недостаточно использованы для изучения ряда важных вопросов истории партии. В дальнейшем предполагалось разрабатывать в первую очередь те проблемы, по которым требовалось разоблачение позиций лидеров оппозиционных групп.

Если историко-партийная тема в какой-то степени была предметом изучения, то история Коммунистического Интернационала представляла собой непаханое научное поле. Кабинет по истории Коминтерна был образован лишь в начале 1930 года, после получения исторической части архива Исполкома Коминтерна (ИККИ). Его работа велась в непосредственном контакте с Исполкомом Коминтерна с привлечением работников аппарата ИККИ. Заведовать кабинетом истории Коминтерна был приглашен один из руководящих деятелей компартии Венгрии Бела Кун.

Научно-популяризаторская работа включала в себя редакционно-издательскую деятельность по выпуску отдельных произведений Ленина для массового читателя, подготовку и издание популярных брошюр по вопросам ленинизма и истории партии. Институт также должен

[195] Институт Ленина при ЦК ВКП(б): Отчет XVI партийному съезду. М., 1930. С. 37.
[196] РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 42. Л. 55.
[197] Институт Ленина при ЦК ВКП(б): Отчет XVI партийному съезду. М., 1930. С. 56.

был рецензировать издания, предназначенные для сети политпросвещения, т. е. «организовать наблюдение за деятельностью издательств в области популяризации ленинизма, истории партии и Коминтерна»[198]. Таким образом, он брал на себя цензорские обязанности контроля над научным качеством и идейным содержанием всей литературы, выходившей в стране по вопросам ленинизма и истории партии и международного коммунистического движения.

Музей Ленина

Одна из важнейших функций Института Ленина состояла в ознакомлении широких масс трудящихся с жизнью и деятельностью создателя большевистской партии и руководителя Советского государства Владимира Ильича Ленина. Эта задачу призван был выполнять Музей Ленина. Он был открыт для посещения 21 января 1925 года. Материалы, экспонируемые в музее, представляли собой фотографии Владимира Ильича, картины, скульптуры, плакаты, фотокопии рукописей, сочинения, художественные произведения о Ленине, предметы личного обихода, подарки от рабочих организаций, материалы, связанные с похоронами Ленина.

Имевший при своем основании около 300 экспонатов, к концу 1925 года музей превысил это число более чем в три раза. Экспозиция состояла из четырех частей, разделенных по хронологии: первая часть – материалы за 1870–1900 годы, вторая – за 1917-й, третья – за 1918–1923 годы. Четвертый раздел – траурный, иллюстрирующий отношение рабочих и крестьян к кончине Ленина.

В предметном ряду экспозиции были золотая гимназическая медаль Володи Ульянова, партийный билет Ленина, браунинг, из которого Каплан стреляла в Ленина, простреленное пальто Владимира Ильича. Были воссозданы обстановка комнаты в ссылке в Шушенском, предметы быта, которыми пользовался Ленин в шалаше на станции Разлив, его рабочий кабинет в Кремле. В одном из залов музея находился граммофон с пластинками речей Ленина.

В траурно-мемориальном отделе помещались венки, возложенные на гроб Ленина, маски с лица и рук, фотографии и картины, изображающие похороны Ленина и траурные собрания и манифестации в различных городах страны.

В декабре 1926 года, когда Институт Ленина переехал в новое здание на Советской площади, музей получил освободившее помещение по адресу Большая Дмитровка, 24. Здесь была развернута новая экспозиция в восьми комнатах. 22 января 1927 года музей был вновь открыт. Его посещаемость росла из года в год. С 1 октября 1928 по 1 октября 1929 года было проведено 2517 экскурсий. Общее число посетителей составляло 5127 человек в месяц[199]. В основном это были рабочие, служащие, учащиеся и дети.

В 1930 году дирекция Института выступила с инициативой реконструкции музея. Смысл этой идеи состоял в том, чтобы организовывать систематические кампании, связанные с историей партии и Коминтерна, широко используя с этой целью радио, кино и художественные средства, проводить доклады на заводах и фабриках. Недостаток экспозиции музея с точки зрения руководства Института заключался в том, что она была посвящена целиком Ленину. Новые задачи требовали, чтобы деятельность Ленина была отражена в органической связи с историей партии. Поэтому возникла дилемма: реорганизовать ленинский музей в музей истории партии или передать его в ведение существующего Музея революции. За этой коллизией стояла отнюдь не методологическая, а политическая проблема. В Музее Ленина нельзя было показать участие Сталина в подготовке и проведении Октябрьской революции, строительстве Советского государства. В это время уже был сформирован культ личности Сталина, и руко-

[198] Институт Ленина при ЦК ВКП(б): Отчет XVI партийному съезду. М., 1930. С. 47.
[199] См.: Институт Ленина при ЦК ВКП(б): Отчет XVI партийному съезду. М., 1930. С. 24.

водство Института хотело занять ведущее место в пропагандистской кампании по возвеличиванию его заслуг.

***

Таким образом, к началу 30-х годов Институт Ленина, по оценке его руководства, в основном выполнил задачу собирания, издания и распространения ленинского идейного наследия, что отнюдь не означало прекращения этой работы. Первоочередной задачей оставалось завершение второго и третьего изданий Сочинений Ленина и подготовка фундаментальных исследований по вопросам ленинизма и истории партии. Для этого сложились реальные источниковые и кадровые возможности.

Научная жизнь Института все теснее сплеталась с текущими внутрипартийными проблемами. Ее определяли идейное единомыслие коллектива сотрудников, их включение в непримиримую борьбу против «мелкобуржуазных шатаний» и уклонов в рядах ВКП(б) и против тех историков, писателей, публицистов, которые допускали примиренчество в отношении отклонений от генеральной линии партии. Свертывание свободы научного поиска, отказ от организации дискуссий неизбежно вели к созданию шаблонных теоретических схем в трактовке прошлого.

Глава II
Институт Маркса-Энгельса-Ленина в условиях укрепления сталинского единовластия (1931–1941)

Монополизация исследований проблем марксизма-ленинизма и истории ВКП(б)

3 ноября 1931 года Президиум ЦИК Союза СССР принял постановление «Об объединении Института Карла Маркса и Фридриха Энгельса при Центральном Исполнительном комитете Союза ССР с Институтом Ленина при ЦК ВКП(б)». В нем указывалась цель слияния: для объединения работы по изданию сочинений Маркса, Энгельса и Ленина и для разработки вопросов марксизма-ленинизма и истории их развития. Новое учреждение называлось Институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б)[200]. Таким образом, централизация научно-исследовательской деятельности по проблемам марксизма-ленинизма и истории партии была завершена созданием единого научного центра, работающего непосредственно под руководством ЦК ВКП(б).

Формально речь шла об объединении научной и материальной базы, а также кадрового состава двух учреждений. Но в действительности причина объединения не организационная, а политическая. По существу произошло не слияние двух высших научно-исследовательских центров по вопросам марксоведения и лениноведения, а ликвидация ИМЭ. Прежний институт, которым руководил Рязанов, не мог больше существовать, поскольку, с точки зрения партийных верхов, он был антипартийным центром, под крышей которого сформировалась контрреволюционная группа. Бывший директор ИМЭ обвинялся в том, что он рассматривал ленинизм в отрыве от марксизма, а в практической работе недостаточно связывал теорию Маркса с текущими задачами строительства социализма. Это считалось грубейшей политической ошибкой. Институт Маркса и Энгельса был поглощен Институтом Ленина, получившим статус партийного учреждения, что усиливало контроль со стороны ЦК ВКП(б) и по замыслу являлось гарантией от повторения политических инцидентов. В ИМЭЛ объединения кадров не произошло, так как уникальные специалисты-марксоведы были разогнаны. Преемственность научной работы прервана, опыт и традиции Института, руководимого Рязановым, признаны непригодными.

В 1929 году Институт Ленина заимствовал у ИМЭ кабинетную систему организации научно-исследовательской деятельности. Руководство исходило из того, что «кабинет есть целесообразная и оправдывающая себя форма организации работы» и должен стать «плацдармом, где и другие отделы и их научные сотрудники могли бы с успехом выполнять определенные задания»[201]. Но после ликвидации ИМЭ В. В. Адоратский пересмотрел принцип структурного деления. Взамен кабинетов были образованы сектора и секции.

Структура Института Маркса-Энгельса-Ленина была подчинена расширенным задачам и выглядела следующим образом: 1. Сектор научной биографии и издания трудов Маркса и Энгельса; 2. Сектор научной биографии Ленина и издания его работ; 3. Сектор марксизма-ленинизма; 4. Сектор истории Коминтерна; 5. Сектор истории ВКП(б); 6. Сектор партийного строительства; 7. Сектор юношеского движения; 8. Сектор научной популяризации;

---

[200] См.: Институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б): Отчет XVII съезду ВКП(б). М., 1934. С. 3.
[201] РГАСПИ. Ф. 347. Оп. 1. Д. 10. Л. 31.

9. Архив; 10. Библиотека; 11. Музей Маркса-Энгельса-Ленина; 12. Редакционно-издательская часть; 13. Ученый секретариат; 14. Управление делами.

Все научные сектора состояли из секций, образованных по тематическому, хронологическому и иным принципам. ИМЭЛ осуществлял контроль над деятельностью институтов истории партии на местах. Историко-партийный Институт красной профессуры и Общество старых большевиков работали под эгидой ИМЭЛ. Институту Маркса-Энгельса-Ленина поручалось осуществлять наблюдение за идеологической стороной деятельности Музея революции при ЦИК СССР[202].

Руководство ИМЭЛ состояло всего их двух лиц – В. В. Адоратского и И. П. Товстухи. Их просьбы пополнить дирекцию долго не рассматривались Центральным комитетом партии. По-видимому, не могли найти подходящие кандидатуры. В течение длительного времени ряд основных подразделений оставался без заведующих. В итоге объединенный институт попал в крайне тяжелое положение. Образовался невосполнимый кадровый дефицит при том, что объем заданий значительно увеличился. Заполнение штатов шло с большим трудом. К началу 1934 года организационное положение Института несколько улучшилось. «После объединения двух институтов, – говорится в отчете ИМЭЛ XVII партийному съезду, – новое руководство развернуло работу по ликвидации остатков рязановщины в области работы над литературным наследством Маркса и Энгельса, расчистило аппарат Института от рязановских, рубинских и т. п. элементов. Под руководством ЦК партии были сформированы новые партийные кадры Института и организована работа по изданию Сочинений Маркса и Энгельса на новых началах»[203].

Данные о привлечении новых кадров явно преувеличены. Нехватка специалистов стала хронической болезнью Института. Адоратский неустанно теребил ЦК просьбами решить вопрос о заполнении штатов. Что касается «ликвидации остатков рязановщины», то Адоратский и Товстуха поработали действительно неплохо, но у ЦК партии была своя оценка. Оба руководителя ИМЭЛа присутствовали на партийном съезде, но не получили слова для выступления. В РГАСПИ в фонде И. П. Товстухи сохранился текст подготовленной им речи на XVII съезде ВКП(б). Документ начинается утверждением, что товарищ Сталин является лучшим ленинцем, лучшим теоретиком марксизма-ленинизма, а заканчивается здравицей вождю мирового пролетариата товарищу Сталину. Но Товстуха был абсолютно прав, когда хотел в своей речи отметить, «что при всем огромном объеме работы товарища Сталина, он всегда проявлял величайший интерес и величайшее внимание делу публикации литературного наследства Маркса-Энгельса-Ленина»[204]. Отныне Институт не мог ничего предпринять без разрешения Сталина, будь то публикация документов, приобретение рукописей и книг, проведение внутренних мероприятий. Товстуха в особую заслугу Центральному комитету ставит разгром рязановщины. Якобы ЦК обеспечил тем самым овладение революционным наследием Маркса и Энгельса, ранее скрытым от общественности.

Итак, спустя два с половиной года новое руководство ИМЭЛ все еще опиралось на «политический капитал», приобретенный за счет расправы с кадрами ИМЭ. На протяжении нескольких последующих лет Адоратский и Товстуха спекулятивно использовали ярлык «рязановщины», в одних случаях – чтобы напомнить о своих заслугах, в других – для оправдания неудач.

Адоратский причислил своего предшественника к фальсификаторам марксизма, который отличается от Каутского лишь тем, что применял «более тонкие приемы». В работе, посвященной вопросу популяризации изданий произведений Маркса и Энгельса, он писал, что Ряза-

[202] Там же. Ф. 71. Оп. 3. Д. 32. Л. 152–156.

[203] Институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б). Отчет XVII съезду ВКП(б). М., 1934. С. 16.

[204] РГАСПИ. Ф. 155. Оп. 1. Д. 87. Л. 3.

нов, будучи директором ИМЭ, не вел борьбу против социал-демократов. В своих предисловиях к Сочинениям Маркса, писал далее Адоратский, он культивировал академизм, «отвлеченную беспартийную ученость, которая в нашей революционной обстановке не могла не привести к прямой измене делу пролетариата»[205].

Конечно, отношение Адоратского к бывшему Институту Маркса и Энгельса определялось не личной антипатией к Рязанову. Оно диктовалось политической обстановкой в стране, находившейся в стадии «великого перелома». Разгром сталинским руководством оппозиционных групп в партии, устранение потенциальных соперников в высших органах власти сопровождалось нагнетанием атмосферы троцкистской опасности, усилением политического и психологического давления на общественное сознание. В этой обстановке при мощном воздействии средств массовой информации формировался культ личности Сталина как верного ученика Ленина, мудрого вождя советского народа и трудящихся всего мира. Сталин взял под личный контроль важнейшие сферы государственной, общественной и культурной жизни. Особый интерес он проявлял к тому, что делалось в области общественных наук и, в частности, в Институте Маркса-Энгельса-Ленина. Провозглашенный выдающимся теоретиком марксизма-ленинизма, «мудрый учитель» считал своим долгом поучать ученых-обществоведов. Его слово приобретало силу закона, его критика звучала как приговор.

В 1931 году в шестом номере журнала «Пролетарская революция» было опубликовано письмо И. В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма». Поводом для письма послужила статья А. Слуцкого «Большевики о германской социал-демократии в период ее предвоенного кризиса», напечатанная в этом журнале в 1930 году. Сталин решительно осудил действия редакции, поместившей работу Слуцкого на страницах органа Института Маркса-Энгельса-Ленина. Он назвал автора статьи клеветником и фальсификатором. Возмущение Сталина вызвал тезис Слуцкого о том, что Ленин недооценивал опасность центризма в германской социал-демократии в предвоенные годы. Прибегая к приемам схоластики, Сталин сделал следующее заключение: «Выходит, таким образом, что Ленин в период перед войной не был еще настоящим большевиком, что лишь в период империалистической войны, или даже в исходе этой войны, Ленин стал настоящим большевиком»[206]. Конечно, не Слуцкий был мишенью Сталина, хотя он и назвал его учеником Троцкого. Удар наносился по троцкизму и тому направлению историко-партийной науки, которое еще не присоединилось к восхвалению нового большевистского лидера, сокрушившего троцкизм и прочие антипартийные фракции и блоки.

Сталин поставил в один ряд левых социал-демократов II Интернационала, прежде всего германской партии, и Троцкого, склонявшегося, по убеждению автора письма, к меньшевизму. Он писал, что германские левые Парвус и Роза Люксембург сочинили утопическую, полуменьшевистскую схему перманентной революции, которую подхватил Троцкий и превратил ее в орудие борьбы против ленинизма. Сталин считал, что Троцкий взял также на вооружение у левых социал-демократов полуменьшевистскую теорию империализма, которая отрицала принцип самоопределения наций и революционную роль национально-освободительного движения колониальных и зависимых стран. Главный вывод Сталина сводился к тому, что левые социал-демократы, прежде всего германские, не освободились от меньшевистского багажа. Поэтому они нуждались в серьезной критике со стороны большевиков[207].

Еще до опубликования письма Сталина редакция журнала «Пролетарская революция» в письме от 20 октября 1931 года в ЦК ВКП(б) вынуждена была признать, что допустила ошибку, напечатав статью Слуцкого в качестве дискуссионного материала. Реагируя на это

[205] Там же. Ф. 559. Оп. 1. Д. 118. Л. 10.
[206] Сталин В. И. Соч. Т. 13. С. 84.
[207] См.: Там же. С. 92–93.

покаянное письмо, Сталин подчеркнул, что данный вопрос относится к числу аксиом и не нуждается в дополнительном обсуждении. «Клевету нужно заклеймить, а не превращать в предмет дискуссии»,[208] – заявил он. По его мнению, причина ошибки редакции журнала заключалась в «гнилом либерализме», считавшем троцкизм фракцией коммунизма. Нет, утверждал Сталин, троцкизм является передовым отрядом контрреволюционной буржуазии. Либерализм в отношении троцкизма есть «головотяпство, граничащее с преступлением, изменой рабочему классу»[209].

В своем письме Сталин коснулся и вопроса о методах исторического исследования. Он высмеял утверждение «новоявленного историка» Слуцкого о том, что не найдено достаточного количества документов, говорящих о решительной борьбе Ленина и большевиков против центризма. Сталин назвал это утверждение галиматьей и жульническим крючкотворством. По мысли Сталина, есть вопросы, которые не нуждаются в документальном подтверждении. «Кто же, кроме безнадежных бюрократов, может полагаться на одни лишь бумажные документы? Кто же, кроме архивных крыс, не понимает, что партию и лидеров надо проверять по их делам, прежде всего, а не только по их декларациям?»[210] – таково было наставление Сталина историкам.

В числе историков в кавычках Сталин мимоходом упомянул Волосевича, а также отметил, что некоторые настоящие историки не свободны от ошибок, льющих воду на мельницу Слуцких и Волосевичей. В этой связи Сталин назвал Ем. Ярославского, книги которого по истории партии, несмотря на достоинства, содержали якобы ряд ошибок принципиального и исторического характера.

Истинный смысл письма Сталина был отнюдь не в том, чтобы пресечь попытки фальсификации истории большевизма. Наоборот, сквозь лозунги борьбы с извращениями истории партии явно просвечивало стремление автора письма превратить ее из научной дисциплины в орудие пропаганды его личных заслуг и дискредитации его политических соперников. По существу, указания Сталина означали директиву на всеобщую фальсификацию истории большевизма. В антисталинской платформе «Союза марксистов-ленинцев» («группа Рютина») прямо указывалось, что это «историческое письмо» окончательно и со всем цинизмом обнаружило его истинные намерения: «Переделать историю так, чтобы Сталин занял в ней “подобающее” ему место великого человека – вот сокровенный смысл статьи Сталина. Теперь через 15 лет пролетарской диктатуры все учебники по истории партии оказались негодными, содержащими «троцкистскую контрабанду». Отныне историю партии будут писать, вернее, фабриковать заново»[211].

В ноябре-декабре 1931 года в стране была развернута широкая кампания по обсуждению письма Сталина. В нее были вовлечены как научные учреждения и учебные заведения, так и трудовые коллективы предприятий, служащие, работники культуры и искусства. Проработка сталинских указаний шла под лозунгами «За большевистскую непримиримость», «Выше партийную бдительность», «Против троцкистской контрабанды», «Против гнилого либерализма». В результате обсуждения выявлялись скрытые меньшевики и троцкисты, «двурушники», «контрабандисты», «примиренцы», в отношении которых принимались организационные меры – их исключали из партии, увольняли с работы. Коммунист А. Слуцкий был лишен партийного билета как троцкист[212]. Редакция журнала «Пролетарская революция» была разогнана, выпуск органа приостановлен.

[208] Там же. С. 86.

[209] Там же. С. 99.

[210] Там же. С .96.

[211] Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов. М., 1991. С. 336.

[212] См.: Правда. 1931. 14 декабря.

Особо жесткий характер кампания по разоблачению небольшевистского освещения истории партии принимала в научно-исследовательских учреждениях. К именам, названным Сталиным, добавились новые «фальсификаторы» – из числа профессиональных историков, публицистов, мемуаристов: А. Слепков, А. Шляпников, К. Радек, Н. Эльвов, С. Покровский, К. Попов, Н. Никитин, А. Гуревич и др. Уличенных в политических ошибках и колебаниях принуждали к публичному покаянию на партийных собраниях и через прессу. В редакцию «Пролетарской революции» направили свои признания в ошибках Ем. Ярославский, Д. Баевский, К. Попов, С. Бантке, В. Карпинский, В. Рахметов, В. Волосевич и др.[213] Некоторые историки, к которым не было претензий, сами находили ошибки в своих работах и открыто заявляли о них. Например, С. Бантке в своем письме в редакцию журнала «Пролетарская революция» написал, что указания Сталина помогли ему придти к убеждению, что он принципиально неверно освещал роль Ленина и большевизма на международной арене и тем самым помогал «протаскивать троцкистский хлам в нашу литературу»[214].

Многие раскаявшиеся авторы стали активными пропагандистами выдающихся заслуг Сталина. Показательна в этом отношении метаморфоза, произошедшая с Ярославским. Он являлся одним из старейших деятелей партии, видным ее историком. На то время был членом Центральной ревизионной комиссии ВКП(б). Четырехтомная история партии, подготовленная под его редакцией, представляла собой, пожалуй, самое фундаментальное исследование. После сталинского письма «О некоторых вопросах истории большевизма» этот труд подвергся разгромной критике в печати на заседании президиума Общества историков-марксистов. Ярославский вынужден был выступить публично с признанием ошибок в четырехтомнике «Истории ВКП(б)»[215].

«Ошибка» Ярославского и авторского коллектива этого издания состояла в том, что они недостаточно осветили роль Сталина. Вся последующая научная деятельность Ярославского была направлена на то, чтобы возвеличить Сталина и превратить его, наряду с Лениным, в выдающегося теоретика марксизма, вождя партии и народа. В этом духе он переработал свой учебник «Краткая история ВКП(б)». 26 февраля 1933 года Ярославский направил Сталину переработанный текст книги с сопроводительным письмом, в котором говорилось: «Я исправил его самым тщательным образом, приняв во внимание все сделанные Вами и т. Стецким указания»[216]. Однако разрешение на выпуск своей книги Ярославский не получил. По-видимому, Сталин и заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК партии А. И. Стецкий посчитали, что книга еще не готова к изданию. Автор продолжал работать над ней, чтобы раскрыть «исключительную роль» Сталина в истории партии и Советского государства[217]. Когда поставленная цель была достигнута, учебник Ярославского вышел из печати.

Сталинская критика состояния истории большевизма имела непосредственное отношение к деятельности Института Маркса-Энгельса-Ленина. Во-первых, потому что журнал «Пролетарская революция» был органом Института, в редакцию журнала входил директор ИМЭЛ. Во-вторых, критика Ярославского относилась к Институту, поскольку в подготовке четырехтомной истории партии участвовали его сотрудники. В-третьих, в томах Сочинений Ленина и «Ленинских сборниках» «выдающиеся заслуги» Сталина не отмечались. В них значительное место занимали люди из ленинского окружения, позже примкнувшие к оппозиции. Следовательно, вопрос о «троцкистской контрабанде» в изданиях ИМЭЛ должен был быть неизбежно поставлен для общественного обсуждения.

---

[213] РГАСПИ. Ф. 72. Оп. 1 Д. 7. Л. 17.

[214] Там же. Оп. 2. Д . 117. Л. 6–7.

[215] См.: Правда. 1931. 10 дек.

[216] РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 827. Л. 1.

[217] См.: Маньковская И., Шарапов Ю. Культ личности и историко-партийная наука // Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки. М., 1998. С. 523.

Ждать долго не пришлось. В центральном органе партии, газете «Правда», появилась статья «“Взрыв” государства и диктатура пролетариата», подписанная шестью авторами (А. Ангаров, З. Атрофян, Я. Берман, П. Блинов, М. Доценко, И. Суворов). В ней были подвергнуты критике примечания к IV тому «Избранных произведений» В. И. Ленина[218]. Продолжая поиск троцкистских ошибок в работе ИМЭЛ, Андреасян и Пескарев обнаружили их и в примечаниях к XIV тому Сочинений Ленина, написанных Н. Овсянниковым[219]. Дирекция ИМЭЛ, согласившись с обвинениями, уточнила, что ошибки были совершены в период, когда директором был Каменев[220].

Дирекция ИМЭЛ расценила сталинское письмо как новый этап в работе Института. «Указания, содержащиеся в письме т. Сталина, – говорилось в отчете Института, – имея огромное значение для всего нашего теоретического фронта, являются той основой, на которой Институт перестроил свою работу»[221].

После длительного перерыва, в 1933 году было возобновлено издание «Пролетарской революции». Изменился состав редакционной коллегии. В нее вошли В. Кнорин (ответственный редактор), Е. И. Короткий, П. Н. Поспелов (ответственный секретарь), К. Ф. Сидоров, И. П. Товстуха. Изменились характер и тематика публикуемых материалов. Редко стали появляться серьезные аналитические работы, вовсе исчезли дискуссионные статьи, все скупее стала информация о деятельности Института.

27 мая 1937 года редакция журнала собрала совещание историков партии, в котором участвовало 43 человека. С основным докладом выступил Кнорин, давший неудовлетворительную оценку работе журнала. Недостатки состояли в том, что журнал выходил всего 1–2 раза в год, содержание публикуемых материалов не отличалось актуальностью. Особо подчеркивалось, что ни один из важнейших вопросов, поставленных Сталиным, журнал не осветил. Ответственный редактор пожаловался на то, что историки не дают нужного материала, раскрывающего социальные корни, причины уклонов и возникновения оппозиционных групп в партии. Сотрудник редакции Рыклин уточнил, что в Москве проживали 62 историка, которые могли бы писать для журнала, но никто из них ничего не написал. Адоратский укорял Институт истории в нежелании сотрудничества с ИМЭЛ. О причинах такого положения умалчивалось. Определенный намек высказал Соколов, отметивший, что раньше довольно часто устраивались собрания и совещания ученых, существовало Общество историков-марксистов, а ныне все это прекратилось, значительная группа историков оказалась врагами народа[222].

Главное направление перестройки работы Института состояло в очищении кадров от «примазавшихся контрреволюционных лиц». В декабре 1933 года в ИМЭЛ была проведена чистка партийной организации. Подводя итоги своей работы, комиссия по чистке отметила заслугу дирекции Института в том, что она провела решительную борьбу по ликвидации остатков «контрреволюционной рязановщины» и «меньшевистских и троцкистских элементов» (Рубин, Николаевский, Тер-Ваганян, Рохкин и др.). Но этого было явно недостаточно. Общеинститутское и цеховые партийные бюро выявили теоретические и политические ошибки в публикациях ряда сотрудников (К. А. Попов, Кардашев, В. Е. Корнеев), в деятельности польской редакции «Z pola walki» («С поля борьбы»). Бюро разоблачило «контрреволюционный троцкизм и двурушничество» Брауна, примиренческое отношение к антипартийным взглядам (Гармс, Гениш, К. Шмидт, Герет Фрейлих, Гольда Фрейлих, Зауэр, Нейбауэр, Штаммер, Шевес), академизм и аполитичность (Цобель, Заходеев, Удальцов). Комиссия исключила

---

[218] См.: Правда. 1931. 22 ноября.

[219] См.: Правда. 1931. 15 декабря.

[220] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 32. Л. 242.

[221] Институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б): Отчет XVII съезду ВКП(б). М., 1934. С. 16.

[222] РГАСПИ. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–8, 69–70.

из партии заведующего издательской частью Георгиевского за срыв производственного плана, а также трех научных сотрудников первого разряда – по политическим мотивам[223].

Несмотря на то, что 95 процентов прошедших чистку коммунистов были отнесены к стойким большевикам, в работе партийной организации ИМЭЛ комиссия обнаружила серьезные недостатки. И важнейшим из них был такой: партбюро не осознало, что письмо Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» «имеет всемирно-историческое значение и мобилизует силы всех партий Коммунистического Интернационала на повышение большевистской бдительности и борьбу с контрабандой контрреволюционного троцкизма и гнилым либерализмом на всех участках теоретического фронта»[224].

Институт испытывал острейшую нехватку специалистов и тем не менее вел линию на освобождение от старых квалифицированных работников, прежде всего беспартийных. В конце 1933 года в штате ИМЭЛ состояло 483 человека, из них членов ВКП(б) – 192, комсомольцев – 30, беспартийных – 261[225]. Такое положение было признано ненормальным для партийного учреждения. Дирекция приняла решение о коммунизации кадров, особенно в секциях обработки документов, путем переброски членов партии с других участков работы.

В июне 1934 года работала новая комиссия по проверке состава сотрудников, которая предложила освободить от работы в ИМЭЛ 9 человек, среди них – сотрудники Музея Маркса и Энгельса Рукавишников, И. Смирнова, Рабинович, работник библиотеки Этингоф, остальные – служащие из административно-хозяйственной части. Предлагалось перевести на другую работу по мере замещения должностей 25 человек, прежде всего из сектора Маркса и Энгельса. В этом списке были Быховский, Генищ, Штаммер, Левит, замена которых обусловливалась политическими мотивами. Вместе с тем комиссия отмечала, что с производственной стороны они удовлетворяли предъявляемым научным требованиям[226]

223 Там же. Ф. 71. Оп. 3. Д. 53. Л. 1–2.
224 Там же. Л. 1.
225 Там же. Л. 11.
226 РГАСПИ. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1. Л. 30–31.

Конец ознакомительного фрагмента.